„Пролетарій 49"

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Всеобщій Евр. Раб. Союзъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

Цѣна: 40 cent., 40 Pf., 40 Heller, 4 d., 8 cents.

П. АНМАНЪ.

КАКЪ ПРОИСХОДИЛИ РЕВОЛЮЦІИ ВЪ Западной Европѣ.

Выпускъ 2-ой.

ОТЪ ПЕРЕВОРОТА ДО УЧРЕДИТЕЛЬНАГО СОБРАНІЯ.

Изданіе Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

ЖЕНЕВА

Imprimerie israelite, Rue de Carouge, 81, Geneve, Suisse

Октябрь 1905.

„Пров 49“

БИБЛИОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМИИ.

014
28

Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

КАКЪ ПРОИСХОДИЛИ РЕВОЛЮЦІИ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

Выпускъ 2-ой.

ОТЪ ПЕРЕВОРОТА ДО УЧРЕДИТЕЛЬНАГО СОБРАНІЯ.

ОТДѢЛЪ I. ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ.

I

ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОШЛО НА УСТУПКИ. ЛИБЕРАЛЬНОЕ МИНИСТЕРСТВО.

а) Побѣда.

„Побѣда! Побѣда!

„Прекратите огонь! Правительство сдалось!

„Да здравствуетъ революція!

Таковы восторженные крики, оглашающіе внезапно улицы возставшей столицы, преисполняющіе сердца мужественныхъ баррикадныхъ борцовъ гордостью и счастьемъ.

Гулъ набата умолкаетъ, пушечные, ружейные, револьверные выстрѣлы затихаютъ. Со всѣхъ сторонъ бѣгутъ вѣстники и депутаціи. Спрятавшіеся буржуи и либералы показываются изъ поръ, въ которыя они запрятались. Побѣдители, не оставляя своихъ постовъ и не выпуская изъ рукъ оружія, жадно ждутъ разъясненій и подробностей. Что за побѣда? Полная или частичная? Правительство уступило, или вовсе бѣжало? Всѣ требованія удовлетворены, или часть? Гдѣ гарантіи?

Начинается новая эра.

Первый актъ великой драмы закончился; открывается второй. Закончился актъ, полный бури и натиска, самоотверженнаго героизма, пороха и крови, раненыхъ и убитыхъ. За надвигающимся вторымъ — слѣдуетъ въ туманѣ близкаго будущаго третій, четвертый... Будутъ ли они достойны перваго? Теченіе ихъ можетъ свести на нѣтъ всѣ оплоченныя муками и кровью пріобрѣтенія перваго. Отъ нихъ, преимущественно, зависитъ, какого рода драма-

тическое произведеніе разыграетъ всемірная исторія: будетъ ли это трагедія, возбуждающая въ зрителяхъ чувство ужаса, восторга, преклоненія, или пошлая жалкая комедія, вызывающая досаду, озлобленіе и горькій смѣхъ.

б) Монархія осталась.

Итакъ, первый вопросъ: правительство *уступило?* или его совсѣмъ не существуетъ болѣе? Осталась ли власть, хотя и урѣзанная, въ рукахъ короля, императора, герцога, или она цѣликомъ перешла въ руки возставшаго, побѣдоноснаго народа? Уцѣлѣла ли *монархія*, или возможно объявить *республику*?

При прочихъ равныхъ условіяхъ республиканская форма правленія гораздо полнѣе и лучше выражаетъ идею самодержавія (суверенитета) народа, чѣмъ конституціонная монархія, и потому побѣдоносная революція, оканчивающаяся (въ первой своей стадіи) сохраненіемъ монархіи, свидѣтельствуетъ о томъ, что перевѣсъ силъ, хотя и оказался на сторонѣ инсургентовъ, но въ весьма незначительной степени. Революція оказалась способной вынудить у врага уступки, но недостаточно могучей, чтобы его уничтожить безъ остатка. Съ нимъ вступили въ перегозоры, вмѣсто того, чтобы раздавить, или, по крайней мѣрѣ, выбросить вонъ за предѣлы страны со всѣми чадами и домочадцами. Отчего зависитъ такая недостаточная сила революціи? Отъ степени сознательности пролетаріата, отъ степени вліянія на него либеральной буржуазіи, отъ преобладанія (гегемоніи) во время революціи буржуазныхъ классовъ. А все это въ свою очередь зависитъ отъ того, на сколько рѣзко обострилась взаимно противоположные интересы между рабочимъ классомъ и его эксплуататорами. А это съ своей стороны обусловливается степенью капиталистическаго развитія въ данной странѣ.

Либеральная буржуазія по природѣ своей труслива, ограниченна, умѣренна и аккуратна. Поэтому, гдѣ она руководитъ, либо пытается руководить движеніемъ, тамъ она даетъ лозунги крайне умѣреннаго свойства, сводящіеся обыкновенно либо къ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ненавистныхъ распоряженій или къ отставкѣ нѣкоторыхъ ненавистныхъ министровъ. „Долой ордонансы (указы)!—кричала буржуазія, увлекая за собой рабочихъ при взрывѣ іюльской революціи 1830 года.

— Долой Гизо! — восклицаетъ она въ первые дни Февральской революціи 1848 года, помышляя только о томъ, чтобы вмѣсто реакціоннаго министерства Гизо, восемь лѣтъ давившаго Францію, назначено было королемъ либеральное министерство.

— Долой Меттерниха! — было лозунгомъ вѣнской буржуазіи въ 1848 году.

— Долой Плеве! — восклицало еще недавно либеральное „Освобожденіе“, разсчитывая убѣдить царя „даровать“ куцую конституцію.

И понятно, что, если пролетаріатъ самоотверженно бросается строить баррикады и проливать свою кровь подъ *такими* лозунгами, то это свидѣтельствуетъ о томъ, что его сознательность далеко не достигла уровня его героизма. Но сила какого-нибудь класса прямо пропорціональна его сознательности, а недостаточности силы можетъ соотвѣтствовать только неполнота побѣды.

Мало того, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, чѣмъ меньше, миніатюрнѣе успѣхъ, тѣмъ менѣе онъ проченъ. Ибо побѣда переходитъ на сторону революціи въ тотъ моментъ, когда напряженіе силъ инсургентовъ достигаетъ максимума, а организованность, увѣренность и рѣшительность правительства падаютъ до минимума; и если при *такихъ* условіяхъ побѣда оказывается частичной, то это значитъ, что стоитъ только королю оправиться отъ страха, и онъ воспользуется первымъ же случаемъ утомленія народа, чтобы отобрать назадъ всѣ или почти всѣ уступки. Чѣмъ слабѣе была волна революціи, тѣмъ легче *контръ-революція*.

Чаще всего дѣло происходило такимъ образомъ. Когда вспыхивала внезапно революція, правящая клика отнюдь не смотрѣла на нее, какъ на таковую. „Это бунтъ!„—восклицаетъ король Людовикъ XVI, услышавъ про взятіе Бастиліи. — „Это уличное безчинство — кричалъ австрійскій министръ Меттерних, когда въ Вѣнѣ разразилась революція — подстрекаютъ все жиды, поляки, итальянцы и швейцарцы“. Такъ же смотрѣли на дѣло и французскій король Карлъ X, и Луи Филиппъ, и многіе другіе.

Но „бунтъ“ и „безчинство“ становятся все грознѣе, баррикадная сѣть разстилается по всему городу, злобящій гулъ набата звучитъ все тревожнѣе и настойчивѣе, словно бьетъ отходную и самодержавному режиму, и самому королевскому или императорскому величеству и — чѣмъ революція не шутитъ — и всей его династіи! Передъ помутившимся сознаніемъ королевской семьи навязчиво встаютъ ненавистныя воспоминанія объ англійскомъ королѣ Карлѣ I, казненномъ въ 1649 году возставшимъ народомъ, о франц. королѣ Людовикѣ XVI и его супругѣ Маріи Антуанетѣ, гильотинированныхъ въ 1793 году...

„Тутъ кесарь таращитъ глаза,
„Стоитъ съ изумленною миной,
„Вопросъ задаетъ: „Ради Бога, скажи,
„Что значитъ казнить гильотиной?
„Казнить гильотиной — ему говорятъ —
„Методу теперь называютъ,
„Которою всякаго званья людей
„На вѣчный покой отправляютъ.

„При этой методѣ придумана вновь
„Особая также машина.
„Ее изобрѣлъ господинъ Гильотенъ,
„Названье оттоль — гильотина.
„Тебя вотъ къ доскѣ пристегнутъ и потомъ
„Опустятъ; для дѣла довольно
„Двухъ столбиковъ... Вдвинутъ тебя между нихъ,
„А сверху топоръ треугольный.
„Вдругъ дернутъ за шнуръ, и топоръ съ высоты
„Такъ живо и бойко слетаетъ;
„При семъ обстоятельствѣ книзу въ мѣшокъ
„Твоя голова отлетаетъ"...
—„Король, королева! пристегнуты вдругъ...
Къ доскѣ! Да возможно ли это?
Вѣдь этимъ нарушенъ решпектъ
И правила всѣ этикета!"... *)

Страхъ овладѣваетъ королемъ и, несмотря на настойчивое сопротивленіе придворной камарильи, которая всегда стоитъ за самыя безпощадныя мѣры, за подавленіе революціи во что бы то ни стало, какія бы ужасныя средства ни пришлось пустить въ ходъ, — онъ все-таки приказываетъ остановить наступленіе войскъ и объявляетъ о выполненіи „народныхъ требованій."

Онъ обѣщаетъ всевозможныя „свободы", созывъ Собранія излюбленныхъ людей, „довѣріемъ народа облеченныхъ", соглашается даже на „вооруженіе народа", т. е. на гражданское ополченіе, и, какъ гарантію выполненія своихъ обѣщаній, для проведенія въ жизнь новыхъ реформъ, даетъ отставку старому министерству и призываетъ новыхъ изъ среды „либераловъ".

Такъ происходило дѣло въ подавляющемъ большинствѣ западно-европейскихъ революцій, во всѣхъ германскихъ государствахъ (Пруссіи, Австріи, Баденѣ, Баваріи, Вюртембергѣ, Гессенѣ и т. д.), итальянскихъ (Неаполѣ, Сардинскомъ королевствѣ, Папской области и т. д.) и др.

Въ германскихъ государствахъ новыя министерства, возникшія въ 1848 году, такъ и назывались „мартовскими", потому что они призывались коронованными особами сейчасъ же послѣ мартовскихъ революцій, могучей волной пронесшихся по всей Германіи и вообще Зап. Европѣ. Въ Баденѣ великій герцогъ принужденъ былъ дать отставку тремъ реакціоннымъ министрамъ: Блиттерсдорфу, Регенауеру и Трефурту. Въ Вюртембергѣ король уволилъ министерство реакціонера фонъ Шлайера и призвалъ трехъ либераловъ Пфицера, Дювернуа и Ремера. Въ Дармштадтѣ въ качествѣ мартовскаго министра былъ призванъ либералъ Генрихъ фонъ Гигеранъ и т. д. и т. д.

---

*)Стихи эти принадлежатъ нѣмецкому поэту Гейне и взяты изъ его поэмы: „Зимняя сказка".

Разскажемъ еще, для большей наглядности, въ немногихъ словахъ, какимъ образомъ пошли на уступки австрійскій императоръ и прусскій король.

в) Какъ австрійскій императоръ Фердинандъ согласился удовлетворить „народныя требованія".

Революція въ Вѣнѣ вспыхнула 13 марта 1848 г. подъ вліяніемъ февральской въ Парижѣ. Дошло дѣло до баррикадъ и кровопролитія. Съ самаго начала сраженія императоръ Фердинандъ пребывалъ въ состояніи жалкой безпомощности и нерѣшительности. Венгрія волновалась, итальянскія владѣнія грозили возстаніемъ. Въ сосѣдней странѣ дорогой „собратъ" его Луи Филиппъ, опора порядка въ Европѣ, только что потерялъ все — и тронъ, и честь, и отечество. Придворная камарилья совѣтовала не уступать, прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ и кровавымъ мѣрамъ: осадному положенію, диктатурѣ, бомбардировкѣ и массовымъ разстрѣламъ всѣхъ захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Съ другой стороны, приходили одна за другой бюргерскія депутаціи изъ самыхъ богатыхъ и почтенныхъ фирмъ, и тонъ ихъ дѣлался, по мѣрѣ быстраго распространенія баррикадъ, все рѣшительнѣе и настойчивѣе. Въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ уступить. Вечеромъ 15 марта появилась на всѣхъ перекресткахъ императорская прокламація, въ которой обѣщалось:

„Свобода *печати*, организація нац. гвардіи со свободно избранными начальниками, созывъ въ самомъ непродолжительномъ времени депутатовъ отъ всѣхъ *провинціальныхъ сословій* различныхъ областей и государствъ Имперіи, при чемъ *бюргерское* сословіе должно получить усиленное представительство; задача собранія этихъ депутатовъ — *соглашеніе* съ императоромъ по вопросу о рѣшенной имъ конституціи отечества".

Самаго бѣглаго взгляда на эти „уступки" достаточно, чтобы убѣдиться въ ихъ полномъ ничтожествѣ. Для рабочихъ не заключается тутъ ни одного атома улучшенія ихъ участи. Но даже съ либерально-буржуазной точки зрѣнія обѣщано до убожества мало. Изъ всѣхъ свободъ называется только свобода печати. Предстоящее собраніе представителей будетъ сословнымъ, а задачей его будетъ не *созданіе* конституціи, а *соглашеніе* относительно нея съ императоромъ. Ни слова не упоминается о томъ, кто будетъ имѣть голосъ при выборѣ членовъ собранія и т. д., и т. д. Прибавимъ къ этому, что хотя ненавистный министръ Меттернихъ, столько лѣтъ угнетавшій всю Европу, и получилъ отставку, но большинство его товарищей и креатуръ осталось на своихъ мѣстахъ, да и „новые" министры Коловратъ, Таафе, Кюбекъ и Фикельмонъ были изъ Меттерниховской школы. Либеральнымъ считался одинъ

только Пиллерсдорфъ, но самаго купаго свойства.

Тѣмъ не менѣе, наивность вѣнцевъ была такъ велика, что ихъ обуялъ самый искренній восторгъ. Ликованіямъ не было конца. Иллюминаціи, фейерверки, торжественныя праздненства слѣдовали одни за другими. Но рабочіе держались въ сторонѣ, такъ какъ при всей своей малосознательности они все же видѣли, что имъ-то радоваться нѣтъ особыхъ основаній.

г) Какъ король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ IV согласился удовлетворить народныя требованія.

Берлинцы какъ будто ждали только сигнала изъ Вѣны. Возбужденіе, начавшееся съ первыхъ же дней февральской революціи, шло все усиливаясь, и, наконецъ, 18-го вспыхнуло въ Берлинѣ возстаніе. Кровопролитная баррикадная борьба длилась весь день и всю ночь. Король Фридрихъ Вильгельмъ IV, какъ и австрійскій имп. Фердинандъ, качался, подобно тростинкѣ, подъ вліяніемъ противорѣчивыхъ совѣтовъ съ одной стороны депутацій, съ другой стороны придворной партіи. Самымъ яростнымъ врагомъ уступокъ и рѣшительнымъ сторонникомъ крайнихъ мѣръ подавленія былъ наслѣдный принцъ Вильгельмъ, настаивавшій на широкомъ и безпощадномъ примѣненіи *картечи*. За это онъ получилъ отъ народа названіе принца-Картечи*), и ненависть къ нему была безгранична. Но успѣхи войскъ были крайне мизерны; инсургенты же не только не потеряли своихъ позицій, но къ утру овладѣли всѣми воротами Берлина. Король убѣдился, что дѣло плохо. Онъ велѣлъ остановить наступленіе солдатъ, прекратить съ ихъ стороны стрѣльбу и вывести войска изъ города. Одновременно съ этимъ онъ въ рядѣ прокламацій далъ торжественное обѣщаніе выполнить требованія народа и призвать къ управленію либеральное министерство.

И здѣсь восторгъ средней, мелкой буржуазіи и даже студенчества былъ неописуемъ и выражался въ не менѣе пылкихъ формахъ, чѣмъ въ Вѣнѣ. Но рабочіе и здѣсь чувствовали разочарованіе. Когда министръ юстиціи Савиньи, стоявшій 18 марта въ толпѣ, сталъ объяснять рабочему, смотрѣвшему нѣсколько свирѣпо, что королемъ дано собственно гораздо больше, чѣмъ отъ него требовали, то получилъ такой отвѣтъ: „Ничего ты, старичекъ, не понимаешь; *ничего* намъ не дали!“

*) Достойное дополненіе къ прозвищу неаполитанскаго короля Фердинанда II, получившаго за безпощадную бомбардировку возставшаго города Палермо названіе короля Бомбы. Принцъ Вильгельмъ вынужденъ былъ бѣжать въ Лондонъ. Позднѣе онъ сдѣлался первымъ германскимъ императоромъ подъ именемъ Вильгельма I.

Новое министерство сейчасъ же было составлено. Во главѣ его былъ поставленъ королемъ либеральный буржуа Камгаузенъ, въ товарищи ему дана пестрая смѣсь изъ „либеральныхъ“ аристократовъ и буржуа.

д) Каковы на дѣлѣ „либеральные“ министры?

Можно заранѣе предвидѣть, какъ будутъ себя держать „либеральные“ министры—эти бывшіе члены оппозиціи, вынесенные революціей на верхушку государственной жизни. Сверху ихъ давитъ и душитъ реакція, съ перваго же момента помышляющая о возвращеніи въ первобытное состояніе; снизу на нихъ напираетъ все усиливающаяся демократическая и пролетарская волна. Сверху хотятъ вынужденныя уступки свести на практикѣ къ нулю; снизу не только упорно и грозно напоминаютъ объ обѣщаніяхъ, но, поздно спохватившись, замѣчаютъ ихъ неопредѣленность и недостаточность и стараются новымъ напоромъ возмѣстить упущенное. Таково положеніе. Каковы же силы у господъ министровъ? Если бы даже они были чистокровными, идеальными либералами, то и тогда они не могли бы проявить ни мужества, ни стойкости, ни широкаго размаха, по той простой причинѣ, что ни однимъ изъ этихъ крайне необходимыхъ общественному дѣятелю качествъ либералы не обладаютъ. Но и либералами могло называться большинство мартовскихъ министровъ только по недоразумѣнію. Не партія выбирала изъ своей среды людей въ министры, а король самъ отыскивалъ въ ихъ средѣ наиболѣе для себя подходящихъ. Само собою разумѣется, онъ бралъ наиболѣе угодливыхъ, наиболѣе трусливыхъ, буржуевъ въ истинномъ смыслѣ слова. Хорошіе это были печальники интересовъ „народа“!

Прибавьте къ этому весьма обычную перемѣну, которая совершается съ каждымъ либераломъ, когда онъ попадаетъ въ министры. Душа его необыкновенно быстро преображается, точка зрѣнія сразу мѣняется. Съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ онъ раньше кричалъ: Свободу и реформъ! — онъ нынѣ будетъ восклицать: *Порядокъ* прежде всего! Я не допущу *анархіи*!

Нѣмецкій радикалъ Берне, наблюдая поведеніе „іюльскихъ“ либеральныхъ министровъ Луи Филиппа, остроумно отмѣчаетъ въ своихъ „Парижскихъ письмахъ“ эту неизбѣжную метаморфозу. — „Если я когда-нибудь стану министромъ, — пишетъ онъ шутливо своей пріятельницѣ, — то тыкайте мнѣ въ глаза моими демократическими письмами. Я, впрочемъ, заранѣе знаю, что я вамъ тогда отвѣчу — я ничего вамъ не отвѣчу. Я буду улыбаться и приглашу васъ на мой ближайшій балъ, и тогда вы тоже начнете улыбаться. Мы министры, а вы люди—мы не можемъ понимать другъ друга.

е) Отреченіе государей отъ престола въ пользу наслѣдниковъ.

Во время нѣкоторыхъ революцій король или императоръ, возбудившіе противъ себя такую ненависть и злобу, которыя грозятъ опасностью всей династіи, рѣшались „пожертвовать“ собой, отречься отъ престола въ пользу своего наслѣдника, дабы тѣмъ утишить народную ярость. Разумѣется, это дѣлалось послѣ долгихъ колебаній, подъ давленіемъ испуганной семьи, опасавшейся все потерять.

Такъ, король Луи Филиппъ, надѣясь спасти свою династію, отрекся 24-го февраля отъ престола въ пользу своего малолѣтняго внука, назначивъ мать его регентшей. Фердинандъ, императоръ австрійскій, отказался отъ трона, передавъ бразды правленія племяннику своему Францъ-Іосифу *), Людвигъ I Баварскій сложилъ съ себя бремя власти въ пользу своего сына Максимиліана, Карлъ Альбертъ Сардинскій уступилъ престолъ сыну Виктору Эммануилу и т. д. Все это было въ 1848 году.

Само собой разумѣется, что если буржуазія способна приходить въ пламенный восторгъ отъ замѣны одного министра другимъ, то такая „побѣда“, какъ отреченіе отъ престола ненавистнаго короля, можетъ довести ликованія ея до размѣровъ колоссальныхъ. Но соціальдемократія не можетъ мириться ни съ отреченіемъ отъ престола въ пользу наслѣдника, ни съ приглашеніемъ другого царя изъ той же династіи, ни съ воцареніемъ новой династіи. Россійская соц.-демократія опредѣленно и категорически поставила въ своей программѣ-минимумъ требованіе демократической республики. Слѣдовательно, никакихъ уступокъ отъ царя она принимать не будетъ, ни въ какіе компромиссы на почвѣ монархіи она не вступитъ. Путь революціи, которая вѣдь только начнется съ свержениемъ самодержавія, усѣянъ не розами, а колючими терніями, но никто и ничто не ставитъ ея развитію столько препятствій, не бросаетъ столько палокъ въ ея катящіяся колеса, какъ уцѣлѣвшая монархія. Ни Николай II, ни его юный „атаманъ казаковъ“, ни весь домъ Обмановыхъ, ни какая-либо другая династія не могутъ больше царствовать въ Россіи, хотя бы въ качествѣ конституціонныхъ государей. И если еще недавно требованіе „демократической республики“ для многихъ и многихъ представлялось въ достаточной степени утопическимъ, то въ настоящее время послѣ 9 января, послѣ всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ потрясеній этого года, мы семимильными шагами къ ней приблизились. Поэтому вопросъ о „Временномъ Правительствѣ“, который еще недавно казался та-

*) Впрочемъ, это отреченіе было произведено подъ вліяніемъ двора въ интересахъ *реакціи*, такъ какъ Фердинандъ чувствовалъ себя связаннымъ присягой.

кимъ далекимъ и вовсе не выплывалъ на поверхность революціонной публицистики и дискуссій, теперь сразу захватилъ, приковалъ къ себѣ общее вниманіе,

Въ слѣдующей главѣ мы имъ займемся *).

II

ПРАВИТЕЛЬСТВО СВЕРЖЕНО. ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Кромѣ тѣхъ случаевъ, о которыхъ говорилось въ предыдущей главѣ, бывали, хотя и рѣже, настолько рѣшительныя побѣды, что государь, опасаясь за свою жизнь, совершенно покидалъ поле битвы и со всей своей семьей убѣгалъ заграницу. Тронъ становился вакантнымъ. Побѣдоносный народъ дѣлался вершителемъ собственной судьбы въ смыслѣ установленія будущей формы правленія. Онъ могъ сохранить монархическій строй или учредить республиканскій. Выборъ зависѣлъ всякій разъ отъ стремленій того класса которому во время разразившейся революціи принадлежала гегемонія, который умѣлъ обратить въ свою пользу побѣду, завоеванную мозолистыми руками рабочихъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько наиболѣе выдающихся случаевъ этой категоріи.

Іюльская революція во Франціи 1830 г.

27 іюля 1830 г. парижскіе рабочіе, подъ вліяніемъ буржуазной интеллигенціи, возстали противъ ненавистнаго короля Карла X Бурбона, который быстрыми шагами шествовалъ по пути реакціи и хотѣлъ окончательно утвердить царство дворянъ и поповъ, уничтоженное Великой Франц. Революціей. Послѣ трехдневной баррикадной борьбы ко-

*) Отмѣтимъ кстати одно любопытное обстоятельство. Какъ извѣстно, монархи вообще не изобилуютъ особыми талантами и дарованіями и, благодаря наслѣдственному вырожденію, даютъ необыкновенно большой процентъ ничтожныхъ, безвольныхъ, психически ненормальныхъ, алькоголиковъ, сифилитиковъ. Но у тѣхъ злополучныхъ монарховъ, которые имѣли несчастіе столкнуться съ возставшими подданными, процентъ такихъ дегенератовъ значительно больше, чѣмъ у остальныхъ осѣненныхъ „Божьей милостью“ миропомазанныхъ коронованныхъ особъ. Достаточно вспомнить, напр., фигуры Людовика XVI, Фридриха Вильгельма Прусскаго (кончилъ безуміемъ), Фердинанда I Австрійскаго (форменный идіотъ) и... нашего Николая II послѣдыша.

роль призналь себя побѣжденнымъ и, памятуя горестную участь своего брата Людовика XVI, стремительно бѣжалъ въ городъ Рамбулье, а оттуда маршъ-маршемъ въ Англію. Парижане плакать не стали, пожелали ему счастливаго пути, и... выбрали себѣ другого короля Луи Филиппа. *)

Февральская революція во Франціи 1848 г.

Черезъ 18 лѣтъ наступила очередь и Луи Филиппа. Этотъ король-буржуа водворилъ во Франціи царство крупной мошны, подкуповъ, хищеній, биржевыхъ спекуляцій, нечистыхъ концессій. 22-го февраля парижане возстали, послѣ трехдневной баррикадной борьбы одержали полную побѣду. Проторенной дорожкой Луи Филиппъ убѣжалъ въ Англію. На этотъ разъ парижане не пожелали больше монархіи и учредили республику.

Сентябрская революція во Франціи 1870 г.

2-го сентября цѣлая французская армія, терпѣвшая отъ пруссаковъ пораженіе за пораженіемъ, была наконецъ окружена подъ Седаномъ со всѣхъ сторонъ и сдалась въ плѣнъ со всей артиллеріей, обозомъ и съ самимъ императоромъ Наполеономъ III, находившимся при войскахъ. Когда извѣстіе объ этой ужасной катастрофѣ достигло Парижа, терпѣніе его лопнуло. Громадная толпа народа ворвалась 4 сентября въ Законодательный Корпусъ и заставила испуганныхъ депутатовъ объявить династію Бонапартовъ низложенной и лишенной французскаго престола. Такимъ образомъ, французы снова стали владыками своей судьбы, творцами своего политическаго строя. Парижане въ третій разъ пожелали учредить не дававшуюся имъ никакъ республику. Прямо изъ Законодательнаго Корпуса колоссальная толпа подъ предводительствомъ буржуазнаго демократа Гамбетты двинулась къ городской Ратушѣ и провозгласила тамъ третью Республику**).

---

*) Такія выраженія, какъ „парижане“, „народъ“ мы употребляемъ здѣсь и во многихъ другихъ случаяхъ только для сокращенія рѣчи. Разумѣется, не „парижане“, какъ нѣчто цѣльное, однородное, выбрали себѣ короля, а одинъ, опредѣленный классъ — въ данномъ случаѣ—крупная буржуазія. Ниже мы вернемся къ этому избранію. См. также выпускъ первый, гл. „Іюльская революція“.

**) Первая была провозглашена Конвентомъ въ 1792 г. и уничтожена Наполеономъ I въ 1804 г., вторая—въ 1848 г. и уничтожена Наполеономъ III 2 декабря 1851 г.

Революція въ Римѣ 16 ноября 1848 г.

Въ то время Римъ былъ столицей Папской области, государемъ которой былъ самъ папа, 16 ноября 1848 года въ этомъ городѣ вспыхнула революція. и испуганный папа Пій IX вынужденъ былъ обѣщать исполненіе всѣхъ требованій (созывъ палаты, различныя свободы и т. п.). Но святой отецъ скоро одумался и, желая вернуть старые порядки, бѣжалъ изъ Рима въ крѣпость Гаету, чтобы изъ безопаснаго убѣжища повести надлежащую кампанію. Это ему впослѣдствіи и удалось. Съ помощью французскихъ войскъ, посланныхъ Луи Наполеономъ, ставшимъ съ декабря 1848 г. президентомъ Франц. республики, онъ подавилъ къ лѣту слѣдующаго года крамолу, но пока что римляне увидѣли себя свободными отъ тяжести святого престола и поспѣшили учредить Римскую Республику.

Революція въ Неаполѣ 7 сентября 1860 г.

Въ маѣ 1860 года знаменитый демократъ, предводитель волонтеровъ, Гарибальди высадился со своей храброй дружиной—знаменитою „тысячею“ въ предѣлахъ Неаполитанскаго королевства, сперва въ Сициліи, которая моментально поднялась, какъ одинъ человѣкъ, затѣмъ и на материкѣ Южной Италіи, которая сейчасъ же была охвачена пламенемъ всеобщаго возстанія. Неаполитанскій король Францискъ II бѣжалъ въ крѣпость Гаету и... больше назадъ не вернулся. Неаполитанцы свободно располагали своей политической судьбой. Какъ извѣстно, они примкнули къ объединительному движенію, охватившему Аппенинскій полуостровъ, и вошли въ составъ Итальянскаго королевства.

Ограничимся приведенными примѣрами. Легко видѣть, что объединяетъ ихъ. Общимъ является то, что съ бѣгствомъ государя подданные его становились свободными и могли устраиваться по собственному желанію. Старыя учрежденія: министерство, палаты теряли свое значеніе. На мѣстѣ сметеннаго зданія можно было и надо было строить новое.

Но кто же именно будетъ его строить? Кто выработаетъ планъ и примется за сооруженіе? Не могло быть двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Всѣ революціи производились во имя суверенитета, т. е. верховнаго главенства народа. Ясно, слѣд., что никто другой, кромѣ самого народа, въ лицѣ его выборныхъ представителей, не могъ опредѣлить и установить новый политическій строй. Такимъ образомъ, полная побѣда революціи сейчасъ же вызывала, какъ необходимое слѣдствіе, потребность въ созывѣ всенароднаго *Учредительнаго Собранія*, т. е такого Національнаго Собранія, основной задачей котораго является созданіе *конституціи*. Но Учредительное Собраніе долженъ же *кто-*

нибудь созвать, да для созыва его нуженъ довольно значительный промежутокъ времени, въ теченіе котораго страна не можетъ оставаться безъ органа управленія. Отсюда ясно, что рѣшительная побѣда революціи немедленно должна завершиться учрежденіемъ *временнаго правительства.*

Появленіе Временнаго Правительства.

Любознательный читатель первымъ дѣломъ заинтересуется вопросомъ, какимъ образомъ составлялись временныя правительства и кто принималъ въ этомъ участіе. Какимъ способомъ стихійная революція, совершенная безъ всякаго осязательнаго руководительства, неорганизованными массами, могла сразу родить изъ себя *общепризнанный органъ*, общеобязательную власть — Временное Правительство? Лучшаго отвѣта нельзя дать на этотъ вопросъ, какъ приведя нѣсколько конкретныхъ историческихъ примѣровъ, для чего вернемся къ вышеперечисленнымъ въ настоящей главѣ революціямъ.

Временное правительство въ іюльскую революцію.

Пока на улицахъ Парижа шла кровопролитнѣйшая баррикадная борьба, нѣсколько оппозиціонныхъ членовъ Палаты Депутатовъ *) по нѣскольку разъ въ день собирались для совѣщаній другъ у дружки, не зная, что предпринять и не желая, по своей трусости, принять участіе въ борьбѣ. Но когда на третій день побѣда съ полной очевидностью склонилась на сторону народа, „оппозиціонеры“ наши сразу расхрабрились.

Козьма Прутковъ какъ будто про нихъ написалъ слѣд. стихи:

И вдругъ, о спасеньѣ своемъ помышляя.
Замѣтивъ, что болѣ не слышенъ ужъ громъ,
Безъ мысли, но съ чувствомъ на влагу взирая,
Я *гордо* сталъ править весломъ.

Депутаты поступили совершенно такъ же, какъ герой этого стихотворенія. Пока гремѣлъ громъ, они безконечно трусили и не переставали помышлять о собственномъ спасеньѣ; когда же буря утихла, они гордо выступили впередъ и нагло ухватились за рулевое весло. Въ томъ же кабинетѣ, въ которомъ они только что прятались отъ выстрѣловъ,

*) Съ 1815 по 1830 годъ, т. е. въ эпоху „реставраціи“ (возвращенія) Бурбоновъ, во Франціи были двѣ палаты: палата *пэровъ*, т. е. аристократовъ, по назначенію короля и палата *депутатовъ*, которыхъ посылала какая-нибудь сотня тысячъ самыхъ богатыхъ людей Франціи—это изъ 25 милліоновъ жителей.

они выбрали изъ своей среды (ихъ всего-то было около десятка) пять человѣкъ, образовали изъ нихъ временную исполнительную коммиссію, поставивъ во главѣ ея, въ качествѣ начальника національной гвардіи, популярнаго въ массахъ генерала Лафайета. Самозванная коммиссія, не теряя времени, двинулась къ Ратушѣ, въ которой и вокругъ которой собрались огромныя массы народа, и объявила о своемъ существованіи. Благодаря сопровождавшему ихъ Лафайету, она не встрѣтила никакого отпора и могла немедленно приняться за интригу, цѣлью которой было возведеніе на престолъ принца Орлеанскаго Луи Филиппа. Уже на слѣдующій день этотъ принцъ былъ провозглашенъ въ палатѣ „пятатальтеромъ“, т. е. правителемъ Франціи, а еще черезъ нѣсколько дней — наслѣдственнымъ королемъ.

Такимъ образомъ, продолжительность существованія Временной Коммиссіи не превысила однѣхъ сутокъ. Но дѣло свое — сохраненіе монархіи — она довела до благополучнаго конца.

Временное Правительство въ февральскую революцію.

Это Временное Правительство, пользующееся наибольшей извѣстностью, появилось на свѣтъ слѣдующимъ образомъ. Когда на 3-ій день борьбы побѣдоносный парижскій пролетаріатъ овладѣлъ Тюлльерійскимъ дворцомъ и убѣдился въ бѣгствѣ короля Луи Филиппа, онъ прямо оттуда направился громадной толпой къ редакціи демократической газеты „Реформа“ для провозглашенія Временнаго Правительства.

Тамъ оказался уже готовый списокъ кандидатовъ изъ 10 членовъ, составленный этой редакціей сообща съ республиканской газетой „Насіональ“. Кандидатами были все ученые и публицисты: семь буржуазныхъ республиканцевъ разныхъ степеней умѣренности: Дюпонъ, Франсуа Араго, Ламартинъ, Марра, Мари, Гарнье Пажесъ, Кремье, два демократическихъ республиканца Ледрю Ролленъ и Флоконъ и одинъ соціалистъ Луи Бланъ. Народъ громкими возгласами одобрилъ списокъ, но потребовалъ прибавить рабочаго Альбера, который пользовался большой популярностью у рабочихъ, былъ виднымъ членомъ въ тайныхъ обществахъ и храбро сражался на баррикадахъ. Только послѣ долгихъ и усиленныхъ криковъ имя Альбера было присоединено къ списку.

Оставалось теперь заставить всѣхъ признать новое 11-членное правительство. Народъ повалилъ къ Палатѣ Депутатовъ, сразу ее наводнилъ, и Ледрю Ролленъ, сидѣвшій на депутатской скамьѣ, громовымъ своимъ голосомъ провозгласилъ Республику и прочелъ списокъ кандидатовъ Временнаго Правительства. Народъ покрывалъ каждое имя

громкими криками одобренія, а депутаты, еле скрывая свою злобу, принуждены были молчать *).

Ледрю Ролленъ воспользовался случаемъ отдѣлаться отъ соціалистическихъ членовъ Врем. Правительства—Луи Блана и Альбера и умолчалъ о нихъ по той якобы причинѣ, что они не были депутатами Палаты, и о нихъ поэтому незачѣмъ здѣсь заявлять; чтобы быть послѣдовательнымъ, ему пришлось умолчать и о Флоконѣ и Марра, такъ какъ послѣдніе два тоже не были депутатами. Однако, истиннымъ коронаціоннымъ чертогомъ французскихъ революцій были не редакціи и не палаты, а Ратуша, куда и поспѣшили, не теряя ни минуты, всѣ 11 членовъ Врем. Правительства. Тамъ уже хозяйничалъ Гарнье Пажесъ. Луи Бланъ и Альберъ были встрѣчены своими дорогими коллегами не безъ кислой гримасы. Имъ очень не хотѣлось принять въ свою среду соціалистовъ. Но кругомъ Ратуши десятки тысячъ рабочихъ сплошной тучей покрывали всю Гревскую площадь. Пришлось смириться передъ ихъ грозной силой. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, Врем. Правительство тутъ же въ Ратушѣ открыло первое свое засѣданіе.

Оно просуществовало 75 дней, начиная съ 24 февраля по 9 мая, когда, сложивши свои полномочія и отдавши отчетъ Учредительному Собранію, было замѣнено пятичленной Исполнительной Коммиссіей.

Временное Правительство въ сентябрскую революцію 1870 г.

Когда народная толпа, ворвавшись 4 сентября въ помѣщеніе законодательнаго корпуса, объявила низложеніе Наполеона III и въ Ратушѣ провозгласила республику, движеніемъ руководилъ ярый демократъ-якобинецъ Гамбетта. Онъ же вмѣстѣ съ другими депутатами лѣвой законодательнаго корпуса составилъ списокъ 10 членовъ Временнаго Правительства, въ которое вошли демократическіе депутаты съ парижскимъ военнымъ губернаторомъ генераломъ Трошю во главѣ. Оно было тутъ же громкими криками одобрено

*) Они, бѣдные, только что привѣтствовали криками „браво!“ и аплодисментами извѣщеніе о томъ, что за отреченіемъ Луи Филиппа престолъ переходитъ къ внуку его графу Парижскому, а мать его будетъ регентшей. „Іюльская корона покоится на главѣ ребенка и женщины!“—провозгласилъ растроганнымъ голосомъ „либералъ“ Одиллонъ Барро, и буржуи-депутаты съ ревомъ восторга аплодировали этой напыщенной фразѣ. Дѣйствительную причину, почему буржуа такъ любятъ монархію, указалъ еще Жирондистъ (умѣренный республиканецъ) Бриссо 26-го іюля 1792 года: „Люди приписываютъ слову „король“ магическую силу, способную охранять ихъ *собственность*“.

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА АКАДЕМІЯ

народомъ и приняло названіе „Правительства Національной Обороны“. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ сдѣлался пылкій Гамбетта, получившій отъ старой лисицы Тьера прозваніе „буйно-помѣшаннаго“.

Когда Парижъ былъ со всѣхъ сторонъ обложенъ прусаками, Гамбетта вылетѣлъ 6 октября изъ Парижа на воздушномъ шарѣ и, пользуясь диктаторской властью, сталъ организовывать новыя войска для избавленія Парижа и всей Франціи отъ вражескаго нашествія.

По снятіи осады Парижа и заключеніи перемирія, Временное Правительство произвело выборы въ Національное Собраніе, которое собралось 12 февраля въ городѣ Бордо. На слѣдующій же день „Правительство Національной Обороны“ сложило свои полномочія, просуществовавъ, такимъ образомъ, благодаря войнѣ, 5 мѣсяцевъ и 10 дней. За это время парижскими соціалистами и революціонерами, подъ предводительстомъ Бланки, были сдѣланы нѣсколько попытокъ свергнуть правительство. 31 октября оно было даже арестовано въ Ратушѣ рабочей національной гвардіей, но вооруженная буржуазія выручила его. Подъ конецъ, желая упрочить свое положеніе, оно произвело поголовный опросъ населенія (плебисцитъ) и собрало 357,000 голосовъ *за* сохраненіе полномочій и 62,000 голосовъ *противъ*.

Временное Правительство во время Коммуны.

Выбранное 8 февраля 1871 года и собравшееся въ Бордо Національное Собраніе оказалось въ высшей степени реакціоннымъ. Оно было выбрано населеніемъ при самыхъ неблагопріятныхъ для республики условіяхъ. Шла война съ прусаками, крестьяне жаждали мира, а имъ говорили, что республиканцы хотятъ во что бы то ни стало продолжать войну, чтобы добиться почетнаго мира. Поэтому крестьяне подавали голоса за отъявленныхъ монархистовъ, бѣшеныхъ реакціонеровъ. Когда Парижскіе рабочіе узнали, какой элементъ составляетъ большинство Палаты, они ахнули. Не подлежало сомнѣнію, что это Собраніе, прозванное парижанами „мужицкимъ“ собраніемъ, не признаетъ республики и снова навяжетъ Франціи какого-нибудь Бурбона или Орлеанскаго принца. Было отъ чего притти въ отчаянье.

Собраніе, дѣйствительно, оставило открытымъ вопросъ о формѣ правленія, затѣмъ оно отказалось переѣхать въ Парижъ, чтобы не находиться надъ давленіемъ революціоннаго населенія столицы. Оно съ удовольствіемъ осталось бы въ Бордо, но Тьеръ, выбранный „главою исполнительной власти“, уговорилъ его перебраться въ Версаль, небольшой городъ, находящійся вблизи Парижа. Затѣмъ оно отказалось дать Парижу самоуправленіе, постановило прекратить выдачу жалованья національной гвардіи Парижа, которая получала по $1^1/_2$ франка на человѣка; заработокъ этотъ,

между тѣмъ, былъ единственнымъ источникомъ существованія въ это голодное, безработное время. Съ каждымъ днемъ Собраніе становилось наглѣе и безумнѣе. Національная гвардія сама выбирала своихъ начальниковъ,—Собраніе *назначило* ей въ главнокомандующіе генерала Палядина, форменнаго мерзавца, продажнаго лакея свергнутаго Наполеона III. Наконецъ, словно желая доказать, что оно во что бы то ни стало рѣшилось вывести Парижъ изъ себя, оно издало 11 марта декретъ о *векселяхъ*. Правительство Временной Обороны по случаю военнаго времени и сопровождающихъ его бѣдствій отсрочило на неопредѣленное время уплату по векселямъ. И вотъ 11 марта Собраніе объявляетъ, что *13 марта*, т. е. черезъ два дня, должна быть произведена уплата полностью по всѣмъ просроченнымъ векселямъ. Въ теченіе первыхъ же четырехъ дней было опротестовано болѣе 150,000 векселей! Большинство ихъ было выдано бѣднотой, ремесленниками, лавочниками, вообще мелкой буржуазіей. Можно себѣ представить, какое озлобленіе, какая буря негодованія охватила Парижъ. Этотъ городъ, который вынесъ на своихъ плечахъ столько революцій, который пролилъ уже столько пролетарской крови за демократическую и соціальную республику, который только что вынесъ 5-тимѣсячную осаду со всѣми сопровождающими ее лишеніями, получаетъ вдругъ отъ палаты реакціонеровъ, посланной крестьянами, одинъ за другимъ такую массу оскорбительныхъ ударовъ, поставившихъ его въ прямо безвыходное положеніе! Возстаніе было неизбѣжно, оно и вспыхнуло 18 марта подъ знаменемъ „Парижской коммуны“.

Какъ же составилось революціонное правительство? Парижскіе рабочіе и мелкая буржуазія уже были организованы въ видѣ національной гвардіи, такъ какъ она состояла изъ всѣхъ способныхъ носить оружіе. Ихъ было 300,000 человѣкъ, а за вычетомъ 100,000 болѣе зажиточныхъ, которые не принимали никакого участія въ возстаніи и поспѣшили убраться изъ мятежнаго гнѣзда — оставалось около 200,000 человѣкъ. Они были раздѣлены на легіоны, батальоны и роты *). Естественно явилась мысль объединить всѣ легіоны въ одну организацію посредствомъ выборнаго Центральнаго Комитета. Мысль эта возникла еще въ срединѣ февраля послѣ перваго извѣстія о реакціонномъ составѣ Національнаго Собранія и объ опасности, угрожающей республикѣ. Изъ отдѣльныхъ членовъ клубовъ, начальниковъ легіоновъ и ротъ составлена была коммисія изъ 18 членовъ, для выработки плана выборовъ Центральнаго Комитета. Планъ этотъ былъ слѣдующій. Парижъ состоитъ изъ 20-ти округовъ. Національная гвардія каждаго округа называется легіономъ, состоящимъ изъ батальоновъ, дѣлящихся на ро-

*) Подробнѣе о національной гвардіи говорится въ 4-ой главѣ.

ты. Во главѣ каждаго легіона стоитъ легіонскій комитетъ, составленный изъ делегатовъ отъ батальоновъ и ротъ. Каждый изъ этихъ легіонскихъ комитетовъ посылаетъ по два представителя въ Центральный Комитетъ, а кромѣ того въ каждомъ округѣ собираются всѣ батальонные командиры и выбираютъ изъ своей среды 3-го члена въ Ц. К. Такимъ образомъ, общее число членовъ Центральнаго Комитета было 60. Выборы произошли 15 марта, а до нихъ во главѣ стоялъ Временный Ц. К., составившійся изъ вышеупомянутой коммиссіи и еще 13 человѣкъ, присоединенныхъ ею самой.

Но и Центральный Комитетъ только временно управлялъ городомъ. 26 марта были произведены выборы въ Комитетъ Парижской Коммуны (общины), на основѣ всеобщаго избирательнаго права, и съ дополнительными выборами 24 апрѣля было выбрано 78 членовъ коммуны. Они то управляли городомъ до взятія его версальскими войсками, т. е. до 28 мая *). Такъ какъ и Центральный Комитетъ продолжалъ функціонировать, то жизнь послѣдняго длилась 2 мѣсяца и недѣлю, а Коммуны только 2 мѣсяца.

Къ составу этихъ революціонныхъ правительствъ мы вернемся ниже.

Должна ли россійская соціалдемократія принимать участіе во Временномъ Правительствѣ?

Роль Временнаго Правительства весьма отвѣтственна и весьма важна. Главная его миссія—созвать Всенародное Учредительное Собраніе. Оно же должно поэтому совершить цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ, которыя могутъ имѣть огромное вліяніе на составъ будущаго Собранія. Кому изъ населенія, какимъ слоямъ и категоріямъ предоставить право голоса? Допустить ли прямую подачу голосовъ, или косвенную? открытую или тайную? по избирательнымъ округамъ или по спискамъ? какъ распредѣлить избирательные участки? Допустить ли абсолютную свободу агитаціи, или ограниченную? На какой день назначить выборы? Когда созвать самое Собраніе?

Таковы нѣкоторые, но далеко не всѣ вопросы, касающіеся выборовъ, и въ послѣдней инстанціи отвѣтъ на нихъ и проведеніе ихъ въ жизнь зависитъ отъ Временнаго Правительства.

Но этого мало. За тѣ промежуточные мѣсяцы, которые протекутъ до перваго засѣданія Учредит. Собранія, государственная машина должна такъ или иначе функціони-

*) Точнѣе до 21 мая, когда версальцы ворвались въ Парижъ, такъ какъ въ послѣдующей недѣльной отчаянной баррикадной борьбѣ никакого управленія уже не было. Комитеты ни разу не собирались.

ровать, притомъ въ условіяхъ, исключительныхъ по трудности положенія. Революція вызываетъ панику на биржѣ, застой въ промышленности, кризисъ и безработицу. Необходимо придти на помощь нуждающимся и голодающимъ. Касса пуста, кредитъ исчезъ, — приходится ломать голову надъ изысканіемъ источниковъ средствъ. Если революція вспыхнула въ разгаръ войны (какъ это было, напр., во Франціи въ 1870 году) или вызвала войну (Римская республика 1848 года, Коммуна 1871 и др.), то приходится руководить военными дѣйствіями). Далѣе, административнаго механизма никоимъ образомъ нельзя оставить въ прежнемъ видѣ, а тѣмъ болѣе сохранить безъ измѣненій старый составъ чиновниковъ. Необходимо ввести временныя, но весьма отвѣтственныя реформы; безусловно важно преобразовать войско и полицію, организовать народное ополченіе. За эти мѣсяцы навѣрно вспыхнутъ всевозможныя волненія въ разныхъ углахъ страны, изъ коихъ часть будетъ носить реакціонный характера, а часть будетъ откликомъ тяжелой нужды различныхъ классовъ, не находящей удовлетворенія. Какъ вести себя при такихъ вспышкахъ?

И вотъ выплываетъ очень серьезный вопросъ — должна ли соціалдемократія стремиться къ тому, чтобы во Временное Правительство непремѣнно попали соціалдемократы? Вопросъ этотъ вызвалъ очень оживленные споры въ нашей литературѣ. Одни говорятъ, что надо, другіе энергично возстаютъ противъ этой мысли. Первые утверждаютъ, что, такъ какъ роль Временнаго Правительства огромна, и отъ его образа дѣйствія зависитъ, можно сказать, успѣхъ или неуспѣхъ революціи и такъ какъ настоящихъ стойкихъ *демократовъ* не видать у насъ на горизонтѣ, то соціалдемократамъ придется выполнить ту работу, которая по настоящему принадлежитъ только демократіи. Если, говорятъ они, соціалдемократы не войдутъ во Временное Правительство и своимъ вліяніемъ, а то даже своимъ большинствомъ, не будутъ направлять его дѣятельность, то Временное Правительство очень скверно выполнитъ свои обязанности и можетъ причинить страшный непоправимый вредъ революціи.

Противники же *прежде всего* ссылаются на то, что соціалдемократія уже не первый разъ занимается такими вопросами, что вопросъ о томъ, имѣлъ ли право соціалистъ Мильеранъ сдѣлаться французскимъ министромъ, тоже вызвалъ массу споровъ, и революціонная соціалдемократія рѣзко выступила *противъ* „мильеранизма“. А теперь ужъ никто, кромѣ самыхъ отпѣтыхъ бернштейніанцевъ, не станетъ увѣрять, что революціонная соціалдемократія тогда ошибалась. Опытъ этотъ всѣмъ показалъ, что Мильеранъ въ своей авантюрѣ лишь самъ выпачкался и запачкалъ тѣхъ соціалистовъ, которые его отстаивали.

Мы не можемъ подробно останавливаться здѣсь на этомъ серьезномъ вопросѣ, но мы полагаемъ, что самый лучшій отвѣтъ на него даютъ уроки исторіи, уроки западно-европейскихъ революцій, къ которымъ и обратимся. Но прежде замѣтимъ, что вопросъ собственно долженъ быть расчлененъ на *три* случая:

1) Нужно ли стремиться къ тому, чтобы Врем. Правительство состояло *исключительно* изъ соціалдемократовъ?

2) Чтобы по крайней мѣрѣ *большинство* въ немъ состояло изъ соціалдемократовъ, и наконецъ,

3) чтобы хоть *нѣсколько мѣстъ* во Временномъ Правительствѣ принадлежало соціалдемократамъ.

Соціалисты во Временномъ Правительствѣ Франціи въ 1848 году.

Какъ мы уже знаемъ, это правительство было составлено изъ 11-ти членовъ, и въ числѣ ихъ 2 соціалиста — Луи Бланъ и Альберъ, попавшихъ туда только благодаря давленію со стороны рабочихъ массъ. Соціалисты составляли такимъ образомъ ничтожное меньшинство въ правительствѣ и не могли никоимъ образомъ осуществить своихъ плановъ и стремленій. Они были безсильны помѣшать ему предпринять цѣлый рядъ мѣръ, погубныхъ для революціи и республики. Напр., вотъ какія дѣла совершало Временное Правительство:

1) Въ первый же день своего появленія на свѣтъ божій оно издало декретъ объ образованіи „подвижной гвардіи“ въ 25.000 человѣкъ изъ подонковъ общества на постоянномъ жалованьѣ, желая имѣть вооруженную силу для противовѣса требованіямъ рабочихъ.

2) Изыскивая источники денегъ для войны, оно не придумало ничего лучшаго, какъ увеличить въ *полтора* раза (на 45%) прямые налоги. Главной тяжестью это упало на крестьянъ и вызвало у нихъ страшное озлобленіе противъ республики и рабочихъ. Это отразилось сейчасъ на результатахъ выборовъ въ Учредит. Собраніе.

3) Оно дало очень мало времени для избирательной агитаціи, хотя парижскіе рабочіе грандіозной демонстраціей въ 150,000 ч. требовали отложить выборы на нѣсколько мѣсяцевъ*). Это оказалось вреднымъ для республики.

4) Для помощи безработнымъ оно устроило пресловутыя „Національныя мастерскія“, которыя нарочно обставило такимъ образомъ, чтобы скомпрометировать и осмѣять соціалистовъ вообще и своихъ двоихъ „дорогихъ“ товарищей, Луи Блана и Альбера, въ частности.**)

Не останавливаясь на другихъ непростительныхъ ошиб-

*) См. объ этомъ главу 9-ую.

**) См. объ этомъ главу 5-ую.

кахъ и интригахъ Врем. Правительства, мы разскажемъ здѣсь еще только одинъ фактъ, который можетъ повториться у насъ чуть ли не каждый день...

Нарочно изложимъ его словами не соціалиста, а одной умѣренной республиканки Даніэль Стернъ, написавшей исторію 1848 года.

„27-го апрѣля — пишетъ она — рабочіе города Руана, раздраженные неудачей, постигшей ихъ избирательный списокъ, носившій крайне революціонный характеръ, и безпрестанными оскорбленіями съ стороны національной гвардіи, проникнутой самымъ скверными реакціоннымъ духомъ, — рѣшились взяться за оружіе. Началась битва, которая продолжалась два дня. Впрочемъ, врядъ ли можно назвать битвой такое столкновеніе, гдѣ съ одной стороны была народная толпа, не обладавшая ни оружіемъ, ни снарядами, перемѣшанная съ женщинами, стариками и дѣтьми и не имѣвшая военныхъ начальниковъ, а съ другой — наилучшимъ образомъ дисциплинированные полки, дѣйствовавшіе сообща съ національной гвардіей... Разница въ числѣ убитыхъ и раненыхъ хорошо говоритъ объ этомъ неравенствѣ силъ сражавшихся сторонъ: въ рядахъ пролетаріевъ пострадавшихъ было значительное количество, въ рядахъ же солдатъ оно такъ ничтожно, что въ этомъ сраженіи не погибъ ни одинъ солдатъ и ни одинъ гвардеецъ. Тѣмъ не менѣе, генералъ Жераръ, командовавшій въ Руанѣ, написалъ рапортъ, суровость котораго, далекая отъ всякой мысли о пощадѣ, непріятно подѣйствовала даже на тѣхъ членовъ правительства, которые относились сочувственно къ энергическимъ подавленіямъ народныхъ возстаній!.. Ледрю Ролленъ и Луи Бланъ протестовали противъ этого рапорта и требовали отдачи подъ судъ генерала Жерара, но ихъ требованіе было оставлено безъ послѣдствій... Былъ посланъ прокуроръ произвести слѣдствіе, и тюрьмы переполнились инсургентами. Къ нимъ были примѣнены самые суровые законы.“

Такія же столкновенія, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, произошли и въ другихъ городахъ.

Кто отвѣтственъ за это возмутительное пролитіе рабочей крови и за послѣдующую расправу съ „бунтовщиками“? Конечно, Временное Правительство и въ числѣ ихъ и Луи Бланъ и Альберъ, хотя бы они и протестовали противъ нихъ.

Если Временное Правительство и уступало въ чемъ-нибудь рабочимъ (а это было очень рѣдко), то не подъ вліяніемъ своихъ соціалистическихъ сочленовъ, а благодаря грозному напору стотысячныхъ рабочихъ массъ, которыя неоднократно подступали съ требованіями къ Ратушѣ, гдѣ правительство засѣдало (напр., 25 февр., 17 марта, 16 августа).

И нахожденіе въ правительствѣ соціалистовъ даже тутъ не только не помогало народу, а скорѣе вредило, потому

что оно умѣряло напоръ толпы и вносило въ нее расколъ и путаницу. Въ то время какъ одна часть настойчиво требовала немедленнаго удовлетворенія полностью выставленныхъ требованій, другая въ отвѣтъ на частичныя уступки или на голыя обѣщанія, изъ чувства довѣрія къ своимъ любимцамъ Луи Блану и Альберу, кричала восторженно: „Да здравствуетъ Временное Правительство!“

Однимъ словомъ, съ какой стороны не подойти, мы видимъ, что опытъ 1848 года говоритъ противъ третьяго изъ вышеприведенныхъ трехъ случаевъ, т. е. противъ того, чтобы соціалдемократы согласились принимать участіе во Временномъ Правительствѣ, составляя въ немъ *меньшинство*.

Но можетъ быть дѣло лучше будетъ, если удастся захватить *всѣ* или, по крайней мѣрѣ, *большинство* мѣстъ во Временномъ Правительствѣ?

Такого примѣра еще не было въ исторіи революцій. Были попытки, были стремленія, не имѣвшія возможности осуществиться, 15 мая и 24 іюня 1848 года въ Парижѣ; наконецъ, Коммуна 1871 г. въ нѣкоторой только степени, но крайне недостаточной, приблизилась къ осуществленію такой задачи. Разскажемъ объ этихъ попыткахъ.

Попытка создать соціалистическое Временное Правительство въ Парижѣ 15 мая 1848 г.

Когда 4 мая собралось Учредительное Собраніе и изъ первыхъ же дѣйствій его обнаружилось, что оно настроено крайне враждебно къ рабочимъ и состоитъ большей частью изъ реакціонныхъ буржуевъ, то часть парижскихъ революціонно-соціалистическихъ организацій задумала произвести переворотъ. 15 мая громадная толпа рабочихъ ворвалась въ Учредительное Собраніе во время засѣданія. Одинъ рабочій Губеръ (оказавшійся впослѣдствіи провокаторомъ, агентомъ Луи Наполеона, стремившагося къ захвату власти), громко крикнулъ, что Собраніе объявляется распущеннымъ, и тутъ же стали изъ толпы выкрикивать имена членовъ новаго Временнаго Правительства. Называли имена самыхъ популярныхъ соціалистовъ — Луи Блана, Барбеса, Бланки, Распайля, Кабе, Іьеръ Леру, Консидерана и Прудона; но тутъ же со всѣхъ сторонъ стали указывать, что такое Временное Правительство, составленное *только изъ коммунистовъ и соціалистовъ, можетъ произвести въ странѣ очень непріятное впечатлѣніе*, и поэтому его тутъ же измѣнили: оставили первыхъ четырехъ (Луи Блана, Барбеса, Бланки и Распайля) и, замѣстивъ остальныхъ двумя новыми соціалистами Альберомъ и Губеромъ, присоединили четырехъ рѣшительныхъ демократовъ: Ледрю Роллена, Коссидьера, Этьена Араго и Лагранжа. Такимъ образомъ, составилось 10-членное Врем. Правительство, въ которомъ

соціалисты должны были имѣть большинство. Ничего изъ этого предпріятія не вышло, такъ какъ вѣры въ него у народа было очень мало. Въ Ратушу направилась крайне незначительная толпа, скоро пришли войска и національная гвардія. Одни были арестованы, другіе разсѣяны *).

Участіе соціалистовъ въ правительствѣ Коммуны.

Мы уже говорили выше, что во время возстанія Коммуны существовали одно за другимъ (а отчасти рядомъ другъ съ другомъ) три революціонныхъ правительства.

1) *Временный Центральный Комитетъ* съ 3 марта по 15 марта, который выработалъ статутъ Центральной Организаціи національной гвардіи и руководилъ выборами въ Центральный Комитетъ. Состоялъ изъ 31 члена.

2) *Центральный Комитетъ* въ полномъ составѣ долженъ былъ имѣть 60 членовъ, по 3 отъ каждаго округа; въ дѣйствительности, такъ какъ не всѣ округа пожелали участвовать въ Коммунѣ, то ихъ было не болѣе 40 человѣкъ. Онъ оставался главной властью до 26 марта, когда было выбрано Правительство Парижской Коммуны, но и послѣ этого онъ не распустилъ себя, а заявилъ, что онъ будетъ и впредь функціонировать для того, чтобы оказывать содѣйствіе Коммунѣ, „своей дочери“, и оберегать ее отъ ложныхъ шаговъ.

3) *Комитетъ Парижской Коммуны* существовалъ съ 26 марта до паденія Коммуны и насчитывалъ 78 человѣкъ, изъ коихъ 12 входили одновременно и въ Центральный Комитетъ.

Изъ кого же, изъ представителей какихъ направленій состояли эти революціонные комитеты? Въ нихъ участвовали только революціонеры по настроенію и стремленіямъ, потому что всѣ нерѣшительные, робкіе, умѣренные люди даже изъ республиканско-демократической партіи бѣжали отъ этого опаснаго предпріятія. Оставались крайніе демократы (якобинцы) и всевозможныя соціалистическія фракціи. Изъ послѣднихъ самыми видными были *бланкисты* и *интернаціоналисты*. Бланкисты, т. е. приверженцы своего учителя, неугомоннаго Бланки, были люди съ довольно спутанными теоретическими взглядами, безъ яской программы. Интернаціоналисты же, т. е. члены знаменитаго Интернаціонала или Международнаго Общества Рабочихъ, руководимаго изъ Лондона Карломъ Марксомъ, неизмѣримо превосходили остальныя фракціи соціализма глубиной своего мышленія, своими знаніями, ясностью программы, умѣньемъ

*) О попыткѣ составленія списковъ соціалистическаго Врем. Прав. во время іюньскаго возстанія говорить совсѣмъ не приходится, такъ какъ дальше циркулированія именъ кандидатовъ по баррикадамъ дѣло не пошло.

разбираться въ событіяхъ и вопросахъ, вообще *научностью* своею соціализма. Могучее вліяніе Маркса дѣлало свое дѣло, несмотря даже на то, что въ умы французскихъ интернаціоналистовъ путаницу вносило ученіе Прудона, пользовавшееся у нихъ большимъ, хотя совершенно незаслуженнымъ авторитетомъ. Всѣ историки Коммуны, къ какимъ бы лагерямъ они не принадлежали, рѣзко выдѣляютъ группу интернаціоналистовъ изъ остальныхъ членовъ Комитетовъ Коммуны и даютъ имъ лестныя характеристики.

Какъ же отнеслись эти интернаціоналисты къ создаваемымъ Комитетамъ?

Когда образовался Временный Центральный Комитетъ, то интернаціоналисты долго не соглашались принять въ немъ участіе. Истинный марксистъ и соціалдемократъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ Леонъ Френкель, усиленно предостерегалъ своихъ товарищей отъ участія въ немъ, доказывая, что это компромиссъ съ буржуазіей. „Наша дорога — восклицаетъ онъ — интернаціональна“, т. е. наша тактика должна заключаться въ томъ, чтобы объединить пролетаріатъ всего міра. Варлену послѣ долгаго сопротивленія со стороны товарищей удалось добиться у нихъ, чтобы 4 члена участвовало во Временномъ Центральномъ Комитетѣ и то „*не какъ интернаціоналисты, а какъ національные гвардейцы*“.

Въ Центральномъ Комитетѣ, замѣнившемъ Временный, число интернаціоналистовъ увеличилось, въ Комитетѣ же Коммуны ихъ было уже 19 человѣкъ. Кромѣ нихъ было 20 бланкистовъ. Остальная половина были радикалы, демократы, монтаньяры, якобинцы, однимъ словомъ, революціонеры всевозможныхъ мелкобуржуазныхъ толковъ и фракцій.

Единственная истинная партія международнаго пролетаріата составляла менѣе $^1/_4$ всѣхъ членовъ Коммуны. Понятно, что она не могла бы осуществить своей программы, даже если бы внѣшнія обстоятельства благопріятствовали Коммунѣ, т. е. если бы послѣдняя не вынуждена была вести страшную борьбу не на жизнь, а на смерть съ Версальскими войсками и не истекла бы кровью черезъ 2 мѣсяца.

У Коммуны въ цѣломъ задачи были крайне спутанныя, неясныя, но у интернаціоналистовъ, т. е. у марксистовъ, т. е. у соціалдемократовъ, когда они у власти, можетъ быть только одна цѣль — введеніе соціалистическаго строя. Но то обстоятельство, что *революціонная часть Парижа* (потому что остальное населеніе не принимало участія въ выборахъ) доставила только $^1/_4$ интернаціоналистовъ, показываетъ, что надежды ввести соціализмъ во *всей Франціи* были совсѣмъ утопичны.

Равнымъ образомъ, выше разсказывая о неудачномъ возстаніи 15 мая 1848 года, мы видѣли, что сами парижскіе рабочіе испугались мысли, чтобы Временное Правительство

состояло только изъ соціалистовъ, такъ какъ это „можетъ произвести въ *странѣ* очень непріятное впечатлѣніе“. Если бы они и не испугались, то все равно соціалистическое Врем. Правительство, составленное изъ такой разношерстной компаніи, какъ Луи Бланъ, Кабе, Леру, Бланки, Прудонъ, Барбесъ, которые были самыхъ противорѣчивыхъ взглядовъ и имѣли каждый свою самостоятельную теорію, не могло бы ничего сдѣлать. Но характерно именно то, что рабочіе сами почувствовали безсиліе соціалистическаго центральнаго правительства въ буржуазной странѣ, зависѣвшее отъ того, что пролетаріатъ тогда не имѣлъ и не могъ имѣть той силы, которая необходима для осуществленія соціалистическаго строя и безъ которой всѣ попытки окажутся безнадежными.

Итакъ, вотъ какой опытъ даетъ намъ исторія: соціалъ-демократія должна стремиться не къ тому, чтобы занять *нѣсколько* мѣстъ во Врем. Правительствѣ, а чтобы изъ своихъ рядовъ *полностью* выдвинуть Врем. Правительство. Но это означало бы ни что иное, какъ возможность осуществленія соціалистическаго строя. Одно изъ двухъ: либо теперь возможна прямо соціалистическая республика, тогда и толковать нечего: Врем. Правительство будетъ сплошь соціалистическое; либо возможна только буржуазная республика, тогда во Врем. Правительствѣ можетъ оказаться только *меньшинство* соц. дем. членовъ, и тогда необходимо отказаться отъ этого добра для того, чтобы не связать себѣ рукъ и не нести отвѣтственности, не говоря уже объ ошибкахъ и преступленіяхъ Врем. Прав., за обычныя дѣйствія его, которыя съ точки зрѣнія соц. демократіи, осуждающей самыя основы буржуазнаго общества, слишкомъ часто будутъ компромиссомъ, сдѣлкой.

III

ЗАМѢЩЕНІЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ ДОЛЖНОСТЕЙ.

Сейчасъ же послѣ побѣды революціи приходится выдвинутому ею правительству — все равно будетъ ли это Временное Правительство, или „либеральное“ министерство — разрѣшить неотложный и насущный вопросъ, какъ отнестись къ унаслѣдованному отъ старато режима личному составу бюрократическаго механизма: замѣнить ли его цѣликомъ новыми людьми или произвести лишь частичныя измѣненія, или, наконецъ, до созыва Учредительнаго Собранія оставить все по старому? Учредительное Собраніе произведетъ, конечно, такія коренныя реформы и пре-

образованія во всемъ строѣ, что очищеніе авгіевыхъ конюшенъ произойдетъ съ естественной необходимостью. Если оно даже не осуществитъ требованія послѣдовательно демократической (и соціалдемократической минимальной) программы, заключающагося въ томъ, чтобы всѣ или часть чиновниковъ (напр. судьи) были выборные, а только перейдетъ отъ бюрократическаго централизма къ широкой мѣстной автономіи и къ переустройству, на новыхъ началахъ, народнаго образованія, суда, военнаго и морского дѣла, полиціи, желѣзнодорожнаго хозяйства и т. д., то и тогда почти полное обновленіе состава чиновниковъ становится несомнѣннымъ. Даже въ шестидесятыхъ годахъ, несмотря на то, что реформы производились самодержавнымъ правительствомъ, паденіе порядковъ, основанныхъ на крѣпостномъ правѣ, потребовало цѣлой плеяды чиновниковъ новаго закала — судейскихъ, мировыхъ посредниковъ и т. д. Не оставить ли поэтому Временному Правительству все по старому безъ столь опасной либеральной душѣ „ломки“, до того времени, когда соберутся народные представители?

Такъ разсуждали, напр., прусскіе и австрійскіе „мартовскіе“ министры въ 1848 году и не уволили ни одного изъ прежнихъ чиновниковъ. Но иначе дѣйствовало Временное Правительство во Франціи въ томъ же году.

Замѣщеніе должностей послѣ февральской революціи.

Когда подъ шумъ баррикадной борьбы и трескъ пушечной и ружейной стрѣльбы сочинялись въ редакціи газеты „Реформа“ списки членовъ будущаго Временнаго Правительства — то за одно намѣчались тамъ же кандидаты на нѣкоторыя важнѣйшія должности, напр., начальниковъ *почты* и *полиціи*. Для послѣдней роли нашли весьма подходящимъ яраго демократа — якобинца Коссидьера, друга Ледрю Роллена, а для первой — Этьена Араго, брата астронома Франсуа Араго, намѣченнаго въ члены Временнаго Правительства. Претенденты на вліятельныя и важныя для революціи должности не стали даромъ терять драгоцѣннаго времени. Лишь только выяснилась полная побѣда народа и провозглашеніе республики, Этьенъ Араго явился въ Центральную Почту города Парижа и категорически объявилъ директору почты, что онъ, Араго, избранъ народомъ на его мѣсто; затѣмъ онъ созвалъ всѣхъ служащихъ и строго имъ наказалъ продолжать безостановочно свою работу и не допускать никакихъ задержекъ въ отправленіи и доставкѣ почтовой корреспонденціи. Изумленные чиновники пробовали было возражать, выказывать сомнѣніе, но Араго велѣлъ имъ ни о чемъ не тревожиться, такъ какъ „при республикѣ все возможно“. Затѣмъ онъ поспѣшилъ извѣстить Временное Правительство (состава котораго онъ даже еще не зналъ съ точностью) о занятіи имъ поста

слѣдующей лаконической запиской: „Граждане-правители, сегодня вечеромъ почта пойдетъ по обыкновенію“. И она таки пошла!

Не менѣе рѣшительно дѣйствовалъ и Косидьеръ. Прямо съ баррикадъ онъ отправился въ полицейскую префектуру и водворился въ ней начальникомъ. Вотъ какъ описываетъ этотъ инцидентъ Герценъ: „ Косидьеръ пришелъ пѣшкомъ со своимъ ружьемъ на плечѣ въ префектуру, вошелъ въ кабинетъ, изъ котораго только что вышелъ Делессеръ*), поставилъ ружье въ уголъ и объявилъ, что онъ назначенъ именемъ французскаго народа префектомъ полиціи. Секретарь ему поклонился — и дѣла пошли своимъ чередомъ“. Косидьеръ немедленно назначилъ супрефектомъ, т. е. своимъ помощникомъ, друга Собрье, составилъ вмѣстѣ съ нимъ прокламацію къ Парижанамъ и велѣлъ ее расклеить на всѣхъ перекресткахъ. Въ ней онъ сообщалъ о томъ, что суверенный французскій народъ назначилъ 9 человѣкъ въ члены Врем. Правительства (онъ не зналъ еще тогда, что ихъ было выбрано 11), Этьена Араго главнымъ директоромъ почтъ, Косидьера и Собрье префектомъ и супрефектомъ, а въ заключеніе рекомендовалось всѣмъ гражданамъ остаться подъ ружьемъ для обезпеченія только что завоеванной республики.

Косидьеръ обновилъ весь составъ полиціи, набравъ ее изъ революціонныхъ демократовъ, отчего она получила названіе „монтаньярской“.**) Своими красными шапками, красными кушаками и рѣшительными физіономіями она наводила вначалѣ ужасъ на буржуазію, полагавшую, что отъ такой полиціи ей не поздоровится. Но скоро она въ значительной степени успокоилась, такъ какъ увидѣла, что „порядокъ“ охраняется новыми полицейскими, какъ нельзя лучше. Косидьеръ удержался на своемъ посту цѣлыхъ 3 мѣсяца. Послѣ бурной демонстраціи и попытки переворота 15 мая (разсказанной въ предыдущей главѣ), приведшей въ ярость Учредительное Собраніе, оно заставило его немедленно подать въ отставку.

Ледрю Ролленъ, не менѣе рѣшительный демократъ, чѣмъ Косидьеръ, былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ членовъ Врем. Правительства, въ которомъ онъ занялъ постъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Онъ стремился замѣнить убѣжденными республиканцами весь личный составъ не только администраціи, но и судебнаго вѣдомства, пользовавшагося „судейской несмѣняемостью“. Вотъ какія инструкціи давалъ онъ 8 марта своимъ коммиссарамъ, которыхъ онъ разослалъ по всей провинціи: „Гражданинъ-коммиссаръ! Провозглашаемая нами республика не является ни случай-

*) Префектъ полиціи.

**) Монтаньярами или по русски „горой“ называлась въ Великую Фр. Революцію партія крайнихъ демократовъ.

нымъ результатомъ увлеченія, ни продуктомъ святого и законнаго озлобленія, происшедшаго отъ неравной борьбы между цѣлымъ народомъ и горстью безумцевъ, — нѣтъ, она установлена постепеннымъ ростомъ народнаго разума. Вы должны объяснить всѣмъ и каждому, что республика должна быть одинаково чужда какъ реакціоннымъ побужденіямъ, такъ и чувству мести. *Необходимо, однако, чтобы ваше великодушіе не перешло въ слабость.* Вы должны воздержаться отъ всякихъ преслѣдованій за прежнія политическія мнѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ *вы должны принять за правило, чтобы общественныя должности на всѣхъ ступеняхъ іерархіи были вверяемы только старымъ испытаннымъ республиканцамъ.* Презрѣнное правительство, уничтоженное однимъ дуновеніемъ народной воли, заразило своей дряблостью всѣ развѣтвленія администраціи, — *старые исполнители его плановъ не могутъ служить интересамъ народа*... Намъ нужны люди будущаго, истинные республиканцы, боровшіеся за идею республики до революціи, а не такіе, которые сдѣлались республиканцами только на слѣдующій день послѣ революціи.“*)

„*Всѣ префекты и супрефекты должны быть смѣщены* — писалъ Ледрю Ролленъ въ другомъ циркулярѣ, — въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ просятъ ихъ оставить — ваша обязанность объяснить населенію, что нельзя оставлять людей, служившихъ такому правительству, каждое дѣйствіе котораго было преступленіемъ... Со стороны судей вы потребуете полнаго содѣйствія, увѣдомляя меня о всѣхъ противодѣйствіяхъ, которыя вы встрѣтите... Что касается *несмѣняемыхъ судей*, то вы должны зорко слѣдить за ними, и если кто-либо изъ нихъ окажется враждебнымъ республикѣ, то вы можете *отрѣшить его отъ должности.*“

Ледрю Ролленъ весьма основательно опасался республиканцевъ „слѣдующаго дня“, т. е. тѣхъ продажныхъ, лицемѣрныхъ, развращенныхъ субъектовъ, которые моментально облачаются въ модную одежду, съ необыкновенной легкостью надѣваютъ на себя личину и тѣмъ ниже и подобострастнѣе расшаркиваются передъ „свободой, равенствомъ и братствомъ“, передъ демократіей, республикой и соціализмомъ, чѣмъ вѣрнѣе замышляютъ ихъ погубить. Толпы такихъ людей осаждали съ 24 февраля пріемные членовъ Врем. Правительства съ почтительными увѣреніями въ своей искренней преданности новорожденной республикѣ и полной готовности посвятить свои драгоцѣнныя силы дѣлу ея преуспѣянія. Всѣ эти генералы, депутаты — опоры прежней іюльской монархіи — клялись теперь,

*) Изъ перваго циркуляра Ледрю Роллена. Циркуляры эти опубликовывались и своимъ якобинскимъ языкомъ вызвали яростнѣйшія нападки на ихъ автора со стороны не только реакціонеровъ, но и „умѣренной“ буржуазіи.

что раньше они *ошибались*, что теперь они пылаютъ рвеніемъ послужить дорогой республикѣ, которую утвердило „великодушнѣйшее и благороднѣйшее парижское рабочее населеніе“. „О, какое глубокое чувство отвращенія испытывали мы — говоритъ въ своей исторіи революціи 1848 года Луи Бланъ — при видѣ всей этой массы искателей теплыхъ мѣстечекъ, бросившихся со всѣхъ сторонъ на свою новую добычу — на молодую республику! Съ какимъ чувствомъ презрѣнія вспоминаю я теперь эту массу, толпившуюся въ передней Ратуши, преклонявшуюся передъ новой богиней, проклинавшую свое прошлое и дававшую клятву вѣрности будущей Франціи“.*)

При описаніи іюльской революціи 1830 года**) намъ ужъ пришлось разсказать комическій эпизодъ, происходившій 29 іюля въ помѣщеніи Ратуши, которою овладѣлъ псевдо-генералъ, генералъ самозванецъ Дюбургъ. Себя онъ объявилъ комендантомъ Ратуши, своихъ друзей возвелъ въ различные ранги, и немедленно его обступила цѣлая толпа просителей, охотниковъ до всевозможныхъ должностей. Сцену эту прекратило появленіе Лафайета и „Временной коммиссіи“, которые были не менѣе самозванны, чѣмъ Дюбургъ со своими друзьями.

Надо ли обновлять чиновничій персоналъ?

Вопросъ о немедленномъ обновленіи чиновничьяго муравейника столько же сложенъ, сколько важенъ. Много соображеній имѣется *за* такое обновленіе, но есть также мотивы и *противъ*.

Основанія, побуждающія уволить всю старую админи-

---

*) Съ какой легкостью эти хамелеоны мѣняли свою окраску, и, держа постоянно носъ по вѣтру, принаравливались ко всякой погодѣ, можно видѣть изъ рѣчи знаменитаго революціонера Распайля, привлеченнаго къ суду въ 1874 году, на 82-омъ году своей многострадальной жизни, за напечатаніе одного календаря. „Господинъ прокуроръ *республики* — сказалъ онъ, устремивъ ѣдкій, уничтожающій взглядъ на своего обличителя — вы, вѣроятно, меня хорошо знаете. Во время *іюльской монархіи* вы, въ качествѣ *королевскаго* прокурора, обвиняли меня не одинъ разъ; затѣмъ сдѣлавшись прокуроромъ *республики*, вы имѣли со мной дѣло за участіе въ манифестаціи 15-го мая 1848 года; во время *имперіи* вы, будучи прокуроромъ того *императора*, которому вы такъ вѣрноподданнически служили, также не оставляли меня въ покоѣ, — такъ извольте же обвинять меня еще разъ... вы, господинъ *третьей республики*!“

**) См. бр. „Какъ происходили революціи въ З. Европѣ“, выпускъ 1-ый.

страцію, понять легко. Въ приведенныхъ выше отрывкахъ изъ циркуляровъ Ледрю Роллена они выставлены въ яркихъ и энергичныхъ выраженіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, сохранить бюрократическій персоналъ на своихъ мѣстахъ — это значитъ удержать, въ сущности, и весь прежній режимъ. Хищниковъ, взяточниковъ, подхалимовъ, бурбоновъ, помпадуровъ, всѣхъ этихъ Фамусовыхъ, Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Молчалиныхъ и Держиморды, всѣхъ этихъ гоголевскихъ, грибоѣдовскихъ и щедринскихъ героевъ никакими декретами невозможно превратить въ сколько-нибудь сносныхъ республиканскихъ чиновниковъ. Всякое новое вино непремѣнно быстро испортится въ этихъ прокисшихъ, прогнившихъ мѣхахъ. Ясно, что зараженные мѣхи надо выбросить вонъ. Иначе, народъ даже и не почувствуетъ сладости происшедшаго переворота, какъ не замѣчаютъ пріятнаго дуновенія свѣжаго вѣтерка въ наглухо заколоченномъ и законопаченномъ домѣ.

Но, кромѣ того, сохраненіе стараго личнаго состава представляетъ прямую опасность для революціи, такъ какъ облегчаетъ дѣло реакціи, той реакціи, которая хоть и старается, елико возможно, прятаться въ первые моменты революціонной эпохи, но на самомъ дѣлѣ ни на минуту не теряетъ надеждъ на полное возстановленіе прежнихъ порядковъ и не перестаетъ плести своихъ интригъ и козней. Легко понять, какъ удобно для нея находить повсюду, на всѣхъ постахъ старыхъ знакомыхъ человѣчковъ, которыхъ такъ легко купить и которымъ такъ заманчиво возвращеніе потеряннаго рая. Совершенно другое дѣло, когда она повсюду, куда ни сунется, натыкается на новыхъ людей, демократовъ, республиканцевъ, революціонеровъ или, по крайней мѣрѣ, людей неподкупной честности.

Возьмемъ, напр., знаменитое бѣгство французскаго короля Людовика XVI въ 1791 году изъ Парижа заграницу, бѣгство, неудачный исходъ котораго имѣлъ такое большое значеніе для хода революціи. Онъ былъ уже совсѣмъ близко отъ цѣли, когда въ Менегѣ былъ узнанъ мѣстнымъ почтмейстеромъ, человѣкомъ, искренно и горячо преданнымъ дѣлу революціи.

Благодаря его энергіи и распорядительности, король былъ задержанъ въ Варенне и возвращенъ обратно въ Парижъ. Будь этотъ почтмейстеръ изъ прежняго состава, онъ не арестовалъ бы короля, но въ надеждѣ на щедрое вознагражденіе за „вѣрноподданническій“ поступокъ, пустилъ бы въ ходъ всѣ средства, чтобы обезпечить ему вѣрный успѣхъ.

Возьмемъ случай прямо противоположнаго свойства.

Когда 18 марта 1871 года была провозглашена въ Парижѣ Коммуна, Французскимъ Банкомъ управлялъ помощникъ директора Плекъ. Комитетъ Коммуны вмѣсто того, чтобы немедленно его удалить съ такой важной должности, оставилъ его на мѣстѣ и только послалъ къ нему для спра-

вокъ о количествѣ имѣющихся въ Банкѣ денегъ своего члена Белэ, добродушнѣйшаго инженера, который слишкомъ много полагался на свое пониманіе денежныхъ дѣлъ. Въ подвалахъ банка въ это время лежало въ различныхъ государственныхъ бумагахъ до трехъ милліардовъ франковъ! Но Плекъ сразу раскусилъ делегата Коммуны, представилъ ему ложный отчетъ о состояніи кассы, и недалекій инженеръ принялъ его за чистую монету. Но даже и къ той наличности, которую подвелъ ему въ итогѣ Плекъ, онъ рѣшился прикоснуться не безъ колебанія и съ крайней щепетильностью, такъ какъ Плекъ патетически заклиналъ его какъ можно меньше трогать имущество банка, иначе,—божился онъ, — вся Франція впадетъ въ нищету. Белэ не только повѣрилъ ему, но еще убѣдилъ въ этомъ и Коммуну. „Твердыня капитала—замѣчаетъ по этому поводу съ злой ироніей коммунаръ Лиссагарэ—въ Версалѣ не имѣла лучшихъ защитниковъ, чѣмъ въ Коммунѣ!“ —И вотъ Плекъ остался на своемъ посту и въ то время, какъ онъ выдавалъ съ оханьемъ и причитаніями Коммунѣ милліонъ, онъ пересылалъ ихъ въ Версаль пятнадцать. Тьеръ, который изнывалъ въ Версали отъ недостатка денегъ, просто ожилъ, узнавъ о такой оплошности Коммуны.

Какъ ни полезно было бы, такимъ образомъ, прогнать съ насиженныхъ мѣстъ *всѣхъ* чиновниковъ стараго режима, но противъ этого существуютъ два возраженія. Первое, что трудно будетъ подобрать сразу соотвѣтствующее количество годныхъ для дѣла преданныхъ республиканцевъ или революціонеровъ — не такъ убѣдительно, какъ второе, указывающее на опасность созданія громадной арміи обозленныхъ, освирѣпѣлыхъ враговъ новыхъ порядковъ. Выбрасывая за бортъ сотни тысячъ людей, существовавшихъ со своими семьями только казенной службой, революціонное правительство дѣлаетъ ихъ ревностнѣйшими сторонниками реакціи, для которой они будутъ работать съ тѣмъ большимъ жаромъ, чѣмъ громче будетъ роптать въ нихъ голодный желудокъ. А такъ какъ на близкой очереди стоитъ созывъ Учредительнаго Собранія, то нетрудно понять, за кандидатовъ какихъ партій будутъ вотировать и, со всей яростью проголодавшихся людей, агитировать бывшіе чиновники. То обстоятельство, что новый политическій строй получитъ за то преданныхъ друзей въ лицѣ новаго чиновничества, не уравновѣшиваетъ указанной опасности, такъ какъ если оно навербовано изъ искреннихъ демократовъ, то они все равно голосовали бы за упроченіе и развитіе результатовъ революціи.

Какой выходъ можно найти изъ этого затруднительнаго положенія, показываетъ отрывокъ изъ проповѣди отца Гавацци, сподвижника Гарибальди.

Въ предыдущей главѣ намъ пришлось уже сообщить нѣсколько словъ о революціи въ Неаполитанскомъ королев-

ствѣ 1860 года, вызванной смѣлой высадкой отряда Гарибальди, этого національнаго героя Италіи. Неаполь, наконецъ, вздохнулъ свободнѣе, избавившись навѣки отъ своихъ Бурбоновъ, о которыхъ упомянутый Гавацци говорилъ: „изъ всѣхъ деспотовъ Европы — самая жалкая династія — это династія Бурбоновъ *); изъ всей династіи Бурбоновъ — самая негодная отрасль—испанская; а самая гнилая вѣтвь испанской отрасли—это неаполитанскіе Бурбоны!“ 7-го сентября, при восторженныхъ крикахъ народа, Гарибальди вступилъ въ Неаполь, а ужъ 12 сентября неутомимый агитаторъ Гавацци, блестящія „проповѣди“ котораго привлекали и воодушевляли тысячи слушателей, вынужденъ былъ коснуться вопроса о замѣщеніи должностей. Прежде всего онъ язвительно сталъ осмѣивать тѣхъ „либераловъ“, которые сейчасъ же обсѣли Гарибальди, какъ шмели медъ, въ надеждѣ пристроиться къ какому-нибудь теплому казенному мѣстечку и, получивъ отказъ, начинали ворчать и даже вопить противъ новыхъ порядковъ. Затѣмъ, указавъ, что многіе убѣжденные демократы, не изъ эгоистическихъ ужъ соображеній, а вполнѣ искренно не одобряютъ оставленія на мѣстахъ части прежнихъ чиновниковъ, онъ дѣлитъ бурбонистовъ (т. е. приверженцевъ Бурбоновъ) на 3 разряда: бурбонистовъ-*палачей*, которыхъ нужно привлечь къ суровому общественному суду и судить безпощадно; *умѣренныхъ*, которые были усердными исполнителями бурбонскихъ приказовъ и которыхъ нѣтъ надобности привлечь къ судебной отвѣтственности, но непремѣнно нужно отстранить отъ занимаемыхъ ими должностей; наконецъ, бурбонистовъ-*равнодушныхъ*, которыхъ можно смѣло оставить на ихъ мѣстахъ. „Люди эти, пояснилъ Гавацци, служили въ канцеляріяхъ и судахъ, на низшихъ должностяхъ, писали, что имъ прикажутъ, но не были ни въ чемъ виноваты, потому что перо переписчика вѣдь не разсуждаетъ: оно принадлежитъ тому, кто платитъ; если это Бурбоны, оно пишетъ: „да здравствуютъ Бурбоны!“, если Гарибальди,—„да здравствуетъ Гарибальди!“. Поэтому нечего и заниматься ими; такихъ людей множество во всѣхъ странахъ, и если бы всѣхъ ихъ мѣнять при каждой перемѣнѣ правительства, такъ пришлось бы дѣлать множество несчастныхъ и, сверхъ того, производить каждый разъ остановку и путаницу въ ходѣ дѣлъ...

Вотъ въ Америкѣ каждые четыре года мѣняютъ правительство; какъ же поступаютъ тамъ съ чиновниками? Ставятъ на всѣ *самостоятельныя* и *важныя* мѣста людей, преданныхъ новому правительству, а остальныхъ не трогаютъ: они будутъ дѣлать, что имъ прикажутъ“.

---

*) Гавацци, какъ и всѣ тогдашніе европейцы, совсѣмъ не зналъ Россіи. Имѣй онъ хоть слабое представленіе о Романовыхъ, онъ не обидѣлъ бы такъ Бурбоновъ.

Выводы.

Россійская соціалдемократія должна требовать отъ Учредительнаго Собранія полнаго переустройства Россіи на демократическихъ началахъ. Выполненіемъ такихъ пунктовъ нашей программы-минимумъ, какъ широкая мѣстная автономія, выборность судей, замѣна постоянныхъ войскъ народной милиціей, самъ собою рѣшается вопросъ о почти полномъ обновленіи всего чиновничьяго персонала.

По отношенію же къ чиновничеству переходнаго времени, о которомъ только и шла у насъ выше рѣчь и которое обнимаетъ періодъ функціонированія Временнаго Правительства, отъ послѣдняго требуется соединеніе твердой, рѣшительной политики и такта. А это возможно лишь въ томъ случаѣ, если у него есть руководящая нить.

Обновленіе извѣстной, и притомъ значительной, части чиновниковъ безусловно необходимо. Марксъ не даромъ издѣвается надъ прусскими „мартовскими" министрами, которые не исключили ни одного прежняго чиновника. Это лучшій показатель того, что новое правительство не только не революціонно, но даже не настроено въ пользу серьезныхъ реформъ. „Ни одинъ чиновникъ, ни одинъ офицеръ не были исключены со службы — пишетъ Марксъ въ своей „Революціи и контръ-революціи въ Германіи"; — вообще не было произведено никакихъ перемѣнъ въ старой бюрократической системѣ государственной администраціи. Эти забавные отвѣтственные министры вернули на старыя мѣста даже тѣхъ чиновниковъ, которыхъ народъ въ пылу перваго революціоннаго движенія прогналъ за ихъ прежнія злоупотребленія. Ничего въ Пруссіи не перемѣнилось, за исключеніемъ личностей министровъ. Даже штатъ отдѣльныхъ министровъ остался нетронутымъ, а тѣмъ конституціоннымъ карьеристамъ, которые раньше составляли свиту теперешнихъ правителей, а нынче разсчитывали на свою долю во власти и въ чиновничьихъ мѣстахъ, было дано понять, что они должны ждать до того момента, когда возстановленіе нормальныхъ отношеній сдѣлаетъ возможнымъ ввести перемѣны въ бюрократическомъ персоналѣ, которыхъ теперь будто бы нельзя было совершить, не подвергаясь опасности".

Огульно, однако, прогнать всѣхъ чиновниковъ, какъ мы уже видѣли выше, неразумно. Надо должности разбить на категоріи, во первыхъ, по ихъ рангу — горизонтальной плоскостью — на крупныя и мелкія, и во вторыхъ, по ихъ политическому значенію — вертикальными перегородками — на важныя и безразличныя. *Всѣ крупныя* должности надо безусловно замѣстить новыми людьми. Но и мелкихъ служащихъ надо удалить, если они выполняютъ специфически-важную общественную функцію. Напр., вся старая полиція должна безусловно цѣликомъ пойти на смарку. Съ другой

стороны, возьмемъ почтово-телеграфное вѣдомство. Здѣсь достаточно устранить начальниковъ съ ихъ ближайшими помощниками, но нѣтъ надобности выбрасывать на улицу всю остальную массу тружениковъ, которые по классификаціи Гавацци въ худшемъ случаѣ принадлежатъ къ „равнодушнымъ“, а часто настроены прямо оппозиціонно.

IV

ВООРУЖЕНІЕ НАРОДА.

(Національная гвардія, гражданское ополченіе).

Однимъ изъ первыхъ требованій, которое предъявляетъ побѣдоносный народъ побѣжденному старому или поставленному имъ новому, временному правительству—является требованіе „вооруженія народа“. И это вполнѣ понятно. Успѣхъ революціи, все равно произошла ли она безъ кроваваго возстанія или сопровождалась уличной борьбой, не уничтожаетъ существованія *войскъ*, т. е. организованной, вооруженной силы, которая всегда можетъ быть выдвинута противъ народа, съ цѣлью взять обратно всѣ вынужденныя уступки. Для предупрежденія возможности такой реакціи есть два способа: распущеніе войскъ и вооруженіе народа. Въ соціалдемократическую программу-минимумъ входитъ требованіе—замѣны постоянныхъ войскъ народной милиціей, объединяющее одновременно оба пути обезсиленія реакціи. Но до сихъ поръ никогда ни одна революція не осуществляла сразу обѣихъ задачъ, т. е. и распущенія постоянной арміи, и вооруженія народа. Обыкновенно возставшій народъ наряду съ требованіемъ учрежденія гражданскаго ополченія добивался не *уничтоженія* линейныхъ войскъ, а только *выведенія* ихъ за предѣлы столицы. И происходило это потому, что гегемонія во всѣхъ революціяхъ (кромѣ Парижской Коммуны) принадлежала буржуазіи, которая страшится и возвращенія прежняго только что побѣжденнаго самодержавнаго или феодальнаго правленія, и нападенія сосѣднихъ державъ, и посягательствъ на ея священное право собственности со стороны „черни“. Объятая такимъ тройнымъ ужасомъ, буржуазія жаждетъ сама вооружиться и въ то же время не хочетъ отказаться и отъ постоянной, т. е. профессіонально обученной арміи. А такъ какъ буржуазія всегда прячетъ *свои* классовые интересы подъ флагомъ обще-*народныхъ* интересовъ, то вооруженіе буржуазіи превращается на словахъ въ вооруженіе *народа, буржуазное* ополченіе получаетъ несоотвѣтствующее названіе *гражданскаго* ополченія или еще эффектнѣе — *національной* гвардіи. Буржуазный революціонный языкъ, какъ и языкъ

Талейрана, спеціально служитъ для того, чтобы скрывать мысли.

Впрочемъ, ниже мы увидимъ, что въ извѣстные весьма кратковременные впрочемъ, періоды, когда на революціонную арену выступали достаточно сознательныя широкія народныя массы, вооруженіе народа демократизировалось, т. е. переставало быть вооруженіемъ только буржуазіи.

Возникновеніе національной гвардіи въ Великой Французской революцію 1789 г.

5 мая 1789 г. послѣ 174-лѣтняго перерыва состоялось во Франціи открытіе Генеральныхъ Штатовъ, т. е. Земскаго Собора. Такъ какъ король согласился на эту мѣру крайне неохотно и, вслѣдствіе неподатливости и смѣлости третьяго сословія, объявившаго себя самовольно Національнымъ Учредительнымъ Собраніемъ, хотѣлъ его разогнать, чтобы вернуться къ прежнимъ самодержавнымъ порядкамъ, то парижскій пролетаріатъ поднялся въ защиту Собранія и громадными массами наводнилъ улицы. Было это 12-го іюля. Произошли кровопролитныя стычки съ войсками. Парижскій Городской Совѣтъ (т. е. Городская Дума), настроенный тоже революціонно, нашелъ необходимымъ въ это тревожное время организовать гражданское ополченіе изъ 48,000 человѣкъ, чтобы противопоставить ихъ королевскимъ войскамъ. Не будучи въ состояніи достать для нихъ немедленно огнестрѣльнаго оружія, онъ заказалъ 50,000 пикъ, которыя и были изготовлены съ неимовѣрной быстротой. Ополченіе это получило названіе *національной гвардіи*. Какъ отличительный знакъ, ей были присвоены синекрасныя кокарды, т. е. цвѣта города Парижа. Учредительное Собраніе одобрило эту мѣру, и когда на слѣдующій день, 14-го іюля, была взята народомъ Бастилія, національная гвардія получила окончательную организацію. Во главѣ ея 16 іюля былъ поставленъ Лафайетъ. Она была раздѣлена на легіоны, легіоны на батальоны и роты.

Въ какія-нибудь 1-2 недѣли она была введена по всей Франціи и двухцвѣтныя кокарды, носившія мѣстный характеръ, были замѣнены трехцвѣтными — красно-бѣло-синими, долженствовавшими означать единство трехъ сословій. Съ этого момента вплоть до іюльской монархіи эти цвѣта стали эмблемой свободы.

Въ первую годовщину взятія Бастиліи Лафайетъ получилъ повышеніе—онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ національной гвардіи Франціи.

Такъ появилась впервые національная гвардія. Мы видимъ, что происхожденіе ея чисто революціонное. Она несомнѣнно—дѣтище революціи и отъ дальнѣйшей судьбы послѣдней зависитъ ея собственная исторія. Она была пре-

образована въ демократическомъ духѣ въ 1792 г., затѣмъ подвергалась неоднократно измѣненіямъ вмѣстѣ съ попятнымъ движеніемъ революціи.

Съ возвращеніемъ Бурбоновъ въ 1815 году она окончательно исчезла. Іюльская революція ее воскресила, Февральская обновила, іюньское возстаніе сократило, имперія уничтожила, революція 1870 года вторично воскресила, послѣ подавленія Коммуны она была окончательно и безповоротно похоронена. Аналогичное явленіе замѣчается и въ другихъ европейскихъ государствахъ, гдѣ каждая революція вызывала появленіе гражданскаго ополченія. Прежде чѣмъ остановиться нѣсколько подробнѣе на отдѣльныхъ наиболѣе интересныхъ моментахъ исторіи нац. гвардіи, разскажемъ вкратцѣ объ организаціи, которую чаще всего получала національная гвардія.

Организація національной гвардіи.

Если читателю приходится сталкиваться съ нашими вольнопожарными обществами, то онъ можетъ составить себѣ приблизительное представленіе объ организаціи національной гвардіи. Членомъ такого вольнопожарнаго общества можетъ быть всякій желающій, причемъ полагается вносить опредѣленный взносъ въ годъ. Члены собираются на общія собранія и выбираютъ правленіе, командира, начальниковъ отрядовъ и т. д. Каждый членъ долженъ завести себѣ пожарную форму, куртку, каску и т. п. Члены организуются по военному, дѣлятся на различные спеціальные отряды. Въ обычное время они занимаются каждый своимъ дѣломъ. Но чуть услышатъ тревожный гудокъ (въ большихъ городахъ—если увидятъ пожарные сигналы), то гдѣ бы онъ ни былъ, чѣмъ бы онъ ни былъ занятъ, онъ долженъ бросить все и летѣть, надѣвъ на скоро форму, на сборный пунктъ, или на пожаръ, или къ обозу, смотря по инструкціямъ или обстоятельствамъ. Періодически имъ дѣлаютъ смотры, парады, а кромѣ того, они отбываютъ по очереди караулы въ театрахъ и т. подобныхъ общественныхъ мѣстахъ.

Совершенно аналогичнымъ образомъ была организована и національная гвардія. Члены ея должны были имѣть при себѣ мундиры, оружіе, въ извѣстные моменты отбывать караулы, дежурства, являться на парады и смотры; остальное время они могли посвящать своимъ дѣламъ. Но чуть услышатъ они удары набата, они должны бросить все, прилавокъ, мастерскую, гостиную, бальный залъ, облачиться въ мундиръ и спѣшить въ сборный пунктъ своего округа.

Однимъ изъ важныхъ правъ національныхъ гвардейцевъ было избраніе своихъ начальниковъ. Національная гвардія дѣлилась на легіоны, полки и роты, и каждая часть выбирала своихъ ближайшихъ начальниковъ: каждая рота

выбирала своихъ офицеровъ; офицеры всѣхъ ротъ одного батальона выбирали батальоннаго командира и его штабъ и т. д. Впрочемъ, предѣлы этой автономіи мѣнялись въ различныхъ странахъ и въ различное время. Особенно часто мѣнялось отношеніе къ праву выбора главнокомандующаго національной гвардіи. Такъ, въ 1871 году Временное Національное Собраніе старалось навязать парижской національной гвардіи въ главнокомандующіе генерала Палядина, завѣдомаго бонапартиста и негодяя. — А въ началѣ января 1849 года только что избранный въ президенты французской республики Луи Наполеонъ, начавъ съ мѣста въ карьеръ подготовлять государственный переворотъ, допустилъ еще большее и совершенно ужъ незаконно насиліе: онъ назначилъ генерала Шангарнье и начальникомъ всѣхъ регулярныхъ войскъ парижскаго округа, и главнокомандующимъ всей парижской національной гвардіи. Между тѣмъ законъ, изданный еще въ 1831 году, гласилъ, что ни одинъ офицеръ, занимающій въ *арміи* какой-либо постъ, не можетъ быть главнокомандующимъ національной гвардіи.

Буржуазная національная гвардія.

Мы видѣли выше, какъ возникла въ 1789 году во Франціи національная гвардія. Во главѣ революціи шла въ то время буржуазія, увлекая за собой рабочихъ. Назначеніе національной гвардіи было защищать только что добытую свободу и Національное Собраніе отъ покушеній со стороны реакціи. Буржуазія, однако, не менѣе боялась и пролетаріата, который имѣлся въ Парижѣ въ большомъ количествѣ, а кромѣ того стекался въ столицу въ огромномъ числѣ изъ провинціи и своимъ голоднымъ, оборваннымъ видомъ наводилъ ужасъ на зажиточное населеніе. Разумѣется, у буржуазіи не было ни малѣйшей охоты снабдить оружіемъ этихъ голоштанниковъ или безштанниковъ, „санкюлотовъ“, какъ она ихъ презрительно называла. Она вооружила только самое себя. Начальникъ ихъ Лафайетъ, хотя былъ рожденъ хватомъ,—не даромъ его величали со свойственной французамъ цвѣтистостью „героемъ стараго и новаго Свѣта“, — но съ другой стороны, особенной глубиной ума не отличался. Съ чрезвычайной добросовѣстностью исполнялъ „простофиля“ Лафайетъ, какъ его назвалъ впослѣдствіи Наполеонъ I, обязанности полицейскаго надзирателя для буржуазіи, охраняя „порядокъ и собственность“, съ достойнымъ лучшаго дѣла усердіемъ онъ яростно разгонялъ и волнующихся рабочихъ, разыскивая дѣйствительныхъ или мнимыхъ зачинщиковъ рабочихъ волненій. Маратъ, знаменитый агитаторъ, редакторъ газеты „Другъ народа“, безпощадно нападалъ въ своемъ органѣ на свирѣпость національной гвардіи, и вотъ Лафайетъ, не долго думая, двинулся съ 4000 національной гвардіи къ тому дому, гдѣ, какъ

онъ предполагалъ, скрывался Маратъ. Послѣдній, однако, успѣлъ ускользнуть и бѣжать въ Англію. Но особенно отличился нашъ простофиля 17 іюля 1791 года. Въ этотъ день громадныя толпы народа стеклись на Марсово поле, чтобы подписать петицію въ Учредительное Собраніе о низложеніи короля-измѣнника. Явившись туда со своей національной гвардіей, онъ предъявилъ толпѣ требованіе разойтись и, когда оно не было исполнено, открылъ огонь по беззащитному народу. Масса убитыхъ и раненыхъ осталось на мѣстѣ.

Такъ-то выполнила національная гвардія свою первоначальную миссію защищать свободу и революцію отъ покушеній реакціи!

Рабочіе были страшно озлоблены противъ этихъ буржуа въ мундирахъ. „Они воображаютъ себѣ, — жаловались они въ письмѣ къ Марату, — что, нарядившись въ мундиръ и эполеты, могутъ себѣ все позволить!“

Еще худшій характеръ имѣла національная гвардія, возстановленная королемъ Луи Филиппомъ послѣ іюльской революціи 1830 года. Она состояла только изъ зажиточной и богатой буржуазіи; члены ея должны были обзаводиться на собственный счетъ роскошными мундирами, дорогими мохнатами шапками и вооруженіемъ. Это вооруженная буржуазія служила надежнѣйшей опорой короля-буржуа Луи Филиппа и ревностно защищала его отъ всѣхъ заговоровъ и возстаній, столь многочисленныхъ въ первую половину его царствованія.

Чванливыя фигуры жирныхъ буржуа въ мундирахъ и эполетахъ, съ ружьями въ рукахъ, служили предметомъ ѣдкихъ насмѣшекъ со стороны искреннихъ демократовъ. Съ миной властелиновъ новаго міра занимались они военными экзерциціями, держали караулы, маршировали съ барабаннымъ боемъ на парадахъ передъ королемъ и приводили въ восхищеніе своихъ дамъ и дѣвицъ.

То же самое происходило и въ Германіи. Когда 18 марта 1848 года разразилась въ Берлинѣ революція, то въ числѣ требованій, предъявленныхъ королю, было и „вооруженіе народа“. Король согласился, и въ тотъ же день на караулѣ у двора сталъ первый отрядъ гражданской стражи. Организаторомъ „народнаго“ ополченія былъ не кто иной, какъ начальникъ полиціи Минутоли! Сразу было поставлено дѣло такъ, что задачей національной гвардіи является поддержаніе „общественной безопасности“ и огражденіе неприкосновенности „личности и собственности“. Записывались въ нее буржуи, ремесленники, студенты, государственные и городскіе чиновники, художники и даже гимназисты. Рабочіе не разъ требовали, чтобы и имъ было роздано оружіе, но встрѣчали упорный отказъ. Зато правительство усердно рекомендовало поступленіе въ національную гвардію своимъ чиновниками, которые большею

частью и избирались въ начальники. Главнокомандующимъ этой 20-тысячной арміи былъ выбранъ упомянутый выше Минутоли, а потомъ генералъ фонъ-Аппавъ.

Нѣмецкій демократъ Берне еще въ 1831 году въ своихъ „Парижскихъ письмахъ“ предсказалъ, какую роль будетъ играть въ Германіи національная гвардія. Въ то время во французскихъ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, будто нѣмецкіе государи вводятъ у себя національную гвардію. „Мнѣ смѣшно читать писанія здѣшнихъ (парижскихъ) журналистовъ — пишетъ онъ 8 января 1831 года—я смѣюсь надъ ихъ невѣжествомъ. Они сообщаютъ съ торжествомъ: въ Германіи, даже въ Австріи вводятъ національную гвардію, и они думаютъ, что это шагъ впередъ для дѣла свободы; эти ослы не понимаютъ, что это лишь новое орудіе насилія, имѣющее замѣстить старое, изношенное.

О нѣмцы! не замѣчать, что мундиръ есть родъ тюрьмы, что дисциплина это своего рода ножные и ручные кандалы, — не замѣчать, что, когда стоишь на караулѣ, то это для того, чтобы держать въ уздѣ такъ называемую „чернь“, т. е. людей неимущихъ, т. е. единственныхъ людей, у которыхъ проклятое золото не откупило всей души и всей вѣры, единственныхъ, у которыхъ нервы не расшатаны отъ безділья и которые имѣютъ душу, чтобы жаждать свободы, и тѣло, чтобы за нее сражаться! Становиться передъ народнымъ пламенемъ, какъ каминный экранъ, для того, чтобы сильные міра сего не потѣли отъ жары и съ удобствомъ для себя съѣдали мороженое, — и при этомъ увѣрять себя, что сіе дѣлаешь для свободы,— быть такимъ олухомъ, такимъ остолопомъ — это невѣроятно!“

Берне зналъ своихъ нѣмцевъ. Онъ зналъ, что они съ упоеніемъ будутъ разыгрывать изъ себя добросовѣстныхъ и добровольныхъ будочниковъ „порядка“ и каждымъ своимъ шагомъ, каждымъ движеніемъ, играя на руку реакціи, искреннѣйшимъ образомъ воображать, что они укрѣпляютъ „свободу“. Не даромъ тотъ же Берне говорилъ: „каждый человѣкъ имѣетъ право быть глупцомъ, ничего нельзя возразить противъ этого; но всетаки надо пользоваться своимъ правомъ съ умѣренностью. Нѣмцы же злоупотребляютъ имъ.“

Берлинское „гражданское ополченіе“ самымъ позорнымъ образомъ предало дѣло свободы, которое оно послѣ мартовской революціи должно было охранять. Своими систематическими враждебными дѣйствіями противъ рабочихъ оно широко расчистило почву для контръ-революціи, и, когда послѣдняя наносила свой послѣдній ударъ, храбрые національные гвардейцы попрятались по домамъ.

Вотъ какъ, напр., вели себя эти дальновидные либералы въ мундирахъ 14-го іюня 1848 года. Берлинскіе рабочіе, узнавъ, что по приказанію короля увозится тайкомъ по ночамъ изъ арсенала оружіе, бросились къ арсеналу, и часть

проникла во внутрь, чтобы вооружиться. Національная гвардія явилась на мѣсто происшествія, дала залпъ въ толпу, результатомъ чего были убитые и раненые, и затѣмъ стала выгонять и разоружать забравшихся въ зданіе. Вотъ какъ самодовольно разсказывалъ о своихъ подвигахъ одинъ изъ этихъ почтенныхъ блюстителей порядка, *профессоръ* Гнейстъ: „Нѣкоторые изъ толпы съ величайшимъ изумленіемъ спрашивали меня и моихъ товарищей, какъ могли мы дойти до того, чтобы препятствовать вооруженію народа. Порой возникалъ по этому вопросу обстоятельный диспутъ, но чаще дѣло разрѣшалось *пощечинами*".

Какъ это было въ десяткахъ другихъ аналогичныхъ случаевъ, тупой, ограниченной, трусливой по природѣ и нахальной по отношенію къ пролетаріату, буржуазіи пришлось скоро пожинать плоды того, что она сѣяла. Реакція пошла во всю, ничего не оставила изъ революціонныхъ новшествъ, уничтоживъ и эту, собственно, столь безвредную и даже полезную для нея „національную гвардію". 12 ноября 1848 года вышелъ королевскій указъ о разоруженіи гражданскаго ополченія. Исполненіе этого указа произошло съ необыкновенной легкостью, безъ малѣйшаго сопротивленія.

Дѣтки покушали, ложки повытерли, сказали спасибо!

Правда, были единичные случаи, когда при обыскахъ мужчины упрямо не хотѣли сказать, гдѣ запрятано ружье. Но тогда на помощь полиціи приходили добродѣтельныя жены и указывали потаенное мѣсто. Игра въ солдатики привела къ тому, что многіе солидные отцы семействъ совсѣмъ забросили свои дома, шатались по трактирамъ, гдѣ произносили высокопарные тосты за „свободу". Можно себѣ поэтому представить, какъ обрадовались жены, что отнынѣ „самъ" вернется къ домашнему очагу.

Въ Вѣнѣ національная гвардія, организованная сейчасъ послѣ мартовской революціи, носила такой же характеръ, какъ и въ Пруссіи. Для зачисленія въ ея ряды требовался имущественный и образовательный цензъ. Уже въ первые дни она выступила противъ рабочихъ. Но въ Вѣнѣ за то образовалась спеціально студенческая гвардія подъ названіемъ „академическаго легіона" численностью до 4000 человѣкъ. Онъ не только не принималъ участія въ усмиреніи рабочихъ, но наоборотъ поддерживалъ съ ними наилучшія отношенія. Поэтому революція въ Вѣнѣ далеко не носила такого комическаго, водевильнаго характера, какъ въ Берлинѣ. Обѣ эти вооруженныя силы — гражданское ополченіе и академическій легіонъ, выдѣленіемъ изъ своей среды делегатовъ, образовали Центральный Комитетъ, который могъ бы пріобрѣсти громадное вліяніе на ходъ революціи и дать послѣдней совсѣмъ другой исходъ, если бы онъ обладалъ большей рѣшительностью и иниціативой.

Демократическая національная гвардія.

Были, однако, случаи, когда буржуазія волей неволей видѣла себя вынужденной согласиться на вооруженіе народа въ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, по крайней мѣрѣ, поскольку идетъ рѣчь о городахъ. Это было во Франціи въ 1792 году, 1848 и 1870. И понятно, что только грозная опасность извнѣ или высокая степень сознательности и революціонности пролетаріата могли заставить ее рискнуть на такую непріятную мѣру.

Въ 1792 году, въ концѣ лѣта, на Францію надвигались прусскія и австрійскія войска, призванныя французскими эмигрантами дворянами. Они уже стояли у границы. Въ то же время внутри страны угрожало каждую минуту возстаніе монархистовъ, стремившихся къ возвращенію прежнихъ порядковъ. Въ это тяжелое и опасное время Національное Собраніе не растерялось, а, наоборотъ, проявило большую энергію; оно рѣшило расширить кадры національной гвардіи принятіемъ въ ея ряды рабочихъ и вооружить ихъ пиками, а кромѣ того организовать близъ Парижа лагерь изъ 20,000 „союзниковъ", т. е. патріотовъ, стекшихся въ столицу со всей страны для защиты угрожаемой свободы.

Начальникомъ новой, расширенной національной гвардіи былъ выбранъ мясникъ Сантерръ вмѣсто Лафайета, и она приняла совсѣмъ другой видъ, она стала демократической. Она перестала служить интересамъ богачей и зажиточной буржуазіи, сторонниковъ конституціонной монархіи; она сдѣлалась послушнымъ молотомъ въ рукахъ монтаньяровъ, т. е. партіи якобинцевъ, которая съ ея помощью сдѣлалась господствующей въ Конвентѣ. Численность ея ужъ ко времени созыва Конвента, т. е. къ 21 сентября 1792 года, доходила до 110,000 человѣкъ, не считая „союзниковъ", жандармовъ и конницы. Вмѣсто пикъ, они получили скоро ружья и пушки. Когда послѣ гибели Робеспьера и другихъ монтаньяровъ началась во Франціи реакція, то скоро было произведено насильственное разоруженіе рабочихъ.

Въ февральскую революцію 1848 года парижскій пролетаріатъ выступилъ такой грозной силой, что Временное Правительство не могло отказаться ни отъ всеобщаго избирательнаго права, ни отъ безцензовой національной гвардіи. Послѣдняя получила демократическую организацію, и численность ея сразу поднялась съ 56,000 до 190,000 человѣкъ. Оставшіеся въ наслѣдство отъ іюльской монархіи привиллигированные гражданскіе легіоны съ мохнатыми медвѣжьими шапками были преобразованы, офицеры выбирались національными гвардейцами на основаніи всеобщаго избирательнаго права. „Мохнатыя шапки" возмутились противъ такого новшества и устроили 16 марта демонстрацію

передъ ратушей, гдѣ помѣщалось Временное Правительство. На это рабочіе легіоны отвѣтили на слѣдующей день колоссальной контръ-демонстраціей, носившей, впрочемъ, вполнѣ мирный характеръ. Съ этого момента обострилась взаимная вражда между буржуазными и демократическими легіонами національной гвардіи. Послѣдняя не представляла однороднаго цѣлаго. Легіоны богатыхъ кварталовъ (западныхъ) были опорой порядка и собственности. Вооруженная буржуазія горѣла жаждой мести безпокойнымъ пролетаріямъ и, дѣйствительно, въ іюльскіе дни она имѣла случай натѣшиться вволю. По мѣрѣ того, какъ, благодаря стягиванію войскъ и организаціи мобилей, увеличивалась мощь правительства, смѣлость аристократическихъ легіоновъ все возростала. Уже 11 мая появилась на стѣнахъ Парижа слѣдующая вызывающая прокламація: „Мы желаемъ, чтобы гражданинъ Барбесъ *), начальникъ легіона 12-го парижскаго округа, немедленно подалъ въ отставку, въ противномъ случаѣ, мы потребуемъ, чтобы Національное Собраніе заставило его отказаться отъ этого неподходящего для него поста... Граждане! устоимъ съ этой цѣлью манифестацію!„ Понятно, что іюньское возстаніе было слишкомъ удобнымъ предлогомъ для разоруженія рабочихъ, чтобы имъ не воспользоваться. Сейчасъ же послѣ усмиренія его у пролетаріата были отняты ружья.

Наконецъ, упомянемъ еще о національной гвардіи, организованной въ Парижѣ въ 1870 году послѣ революціи 4 сентября. На Парижъ надвигались пруссаки, поэтому вооружены были всѣ способные держать ружье. Число національныхъ гвардейцевъ дошло до 300,000 человѣкъ. Они получали содержанія по полтора франка, женатые сверхъ того получали по небольшой прибавкѣ на жену и каждаго ребенка. При заключеніи перемирія Бисмарка потребовалъ общаго разоруженія, но относительно національной гвардіи удалось добиться у него согласія на сохраненіе оружія. Мы уже говорили выше**), что, съ чѣмъ примирился внѣшній врагъ — пруссакъ, не могло мириться реакціонное Національное Собраніе. Оно потребовало выдачи пушекъ, прекращенія выдачи жалованія національнымъ гвардейцамъ, кромѣ тѣхъ, которые предъявятъ свидѣтельство о бѣдности. Эти и рядъ другихъ безумныхъ постановленій Собранія вызвали кровавое возстаніе Коммуны. Національная гвардія сражалась съ отчаяннымъ мужествомъ, но руководство борьбой находилось въ весьма не умѣлыхъ рукахъ.

Сейчасъ же послѣ подавленія Коммуны Національное Собраніе поспѣшило совершенно уничтожить національную гвардію. „Для чего вооружать всѣхъ?“ — говорилось въ

*) Соціалистъ.

**) См. гл. 2-ую.

мотивахъ — „Противъ кого? Противъ всѣхъ, потому что мятежниковъ нельзя отличить отъ массы и арміи.“

Нельзя сказать, чтобы мотивы были очень убѣдительны, но буржуазное Собраніе понимало, что дѣлаетъ. Вооружить *всѣхъ* дѣйствительно было очень невыгодно для буржуазіи, какъ класса. Вооружить только собственниковъ — но это будетъ противорѣчить всему политическому строю, основанному на всеобщемъ равномъ избирательномъ правѣ. Итакъ, совсѣмъ не нужно національной гвардіи. Тѣмъ болѣе, что страшный разгромъ, испытанный только что отъ Пруссіи, заставлялъ безотлагательно перенять отъ нея систему всеобщей воинской повинности. Это вѣдь тоже значитъ „вооружить всѣхъ“. Только такого общаго вооруженія буржуазія не боится, — конечно, до поры, до времени, пока соціалистическое сознаніе не проникнетъ настолько широко и глубоко въ массы, что сама армія, состоящая въ главной своей массѣ изъ пролетаріевъ, не станетъ въ значительной своей части соціалистической. Тогда конецъ владычеству капитала.

Выводы.

Опытъ Западной Европы не можетъ и не долженъ для насъ пропасть даромъ. Мы должны неутомимо и не переставая требовать уничтоженія постоянныхъ войскъ и замѣны ихъ народной милиціей. Однако, мало шансовъ добиться этого немедленно, сейчасъ послѣ революціи, хотя въ этомъ требованіи не заключается ничего такого, что противорѣчило бы буржуазному строю, и хотя и теперь есть страны, какъ напримѣръ Швейцарія, въ которыхъ давно введена народная милиція. Но дѣло въ томъ, что милитаризмъ — болѣзнь интернаціональная. Буржуазія одной страны со страхомъ слѣдитъ за системой вооруженія и организаціей боевыхъ силъ у сосѣдей, а потому она никогда не рѣшится безъ необычайно сильнаго импульса и давленія приступить къ такому „рискованному“ шагу, какъ введеніе милиціи вмѣсто постоянной арміи.

Во всякомъ случаѣ Временное Правительство врядъ ли рѣшится на свой страхъ, безъ Учредительнаго Собранія, совершить такую крупную и отвѣтственную реформу, да оно и не успѣло бы провести ее. Итакъ, нужно считаться съ тѣмъ, что войско можетъ остаться. Но мы хорошо знаемъ, что представляетъ изъ себя нынѣшнее войско, и ясно, что сохранить его въ старомъ видѣ невозможно. Необходимо и внести въ него преобразованія, и вооружить народъ.

Преобразованіе арміи на первыхъ порахъ должно обязательно заключаться въ раскассированіи нѣкоторыхъ, отличающихся своимъ реакціоннымъ духомъ частей, напр., гвардейскихъ полковъ, казачьяго войска, увольненіи всѣхъ нынѣшнихъ главныхъ военныхъ начальниковъ, измѣненіи присяги и т. п.

При вооруженіи же народа необходимо позаботиться о томъ, чтобы пролетаріатъ непремѣнно получилъ оружіе и чтобы ополченіе было организовано на демократическихъ началахъ, чтобы оно не свелось къ вооруженію буржуазіи, мелкой буржуазіи и черныхъ сотенъ. Правда, „либералы“ любятъ выдвигать тотъ доводъ, что рабочему человѣку некогда де заниматься упражненіями и парадами, что на это имѣетъ досугъ только буржуазія. Но это, конечно, вздоръ. Игры въ солдатики не нужно пролетаріату, а научиться хорошо владѣть оружіемъ можно всегда найти достаточно времени. Подобно парадамъ и экзерциціямъ излишни также и мундиры. Если необходимо какое-либо отличіе, то достаточно кокарды, ленточки. Офицеры должны быть выборные вплоть до высшихъ начальниковъ. Необходимо приложить всѣ старанія къ тому, чтобы національная гвардія не могла быть обращена противъ пролетаріата, а также, чтобы между ней и регулярной арміей не устанавливалась профессіональная вражда, какъ это бывало въ 1848 году сплошь и рядомъ въ Германіи. Тамъ прусскіе офицеры, напыщенные, привыкшіе къ высокомѣрному обращенію съ штатскими, часто позволяли себѣ надменныя выходки по отношенію къ національнымъ гвардейцамъ, въ результатѣ чего происходили кровавыя столкновенія.

V.

ПОДДЕРЖАНІЕ БЕЗРАБОТНЫХЪ.

Причины народной нужды во время революціи.

„Въ эпохи, когда разыгрывается великая революціонная борьба — пишетъ Блосъ въ своей исторіи Великой Французской Революціи — масса всегда должна платиться за нее. Ей приходится не только проливать свою кровь: она должна для удовлетворенія потребностей общества страдать, голодать, терпѣть бѣдствія всякаго рода, лишь только политическое возбужденіе станетъ столь сильнымъ, что пройдетъ застой въ нормальномъ ходѣ дѣлъ и предпріятій въ странѣ. Если въ такія времена возбужденія нарушится правильность и уменьшатся размѣры производства продуктовъ первой необходимости и товарнаго обращенія — это немедленно должно отозвается на массѣ рабочаго люда самымъ чувствительнымъ образомъ“...

Въ приведенномъ отрывкѣ указывается *одна* изъ причинъ, вызывающихъ страшную нищету трудящихся классовъ въ революціонныя эпохи. Бѣдствія являются *слѣдствіемъ* самой революціи. Она вноситъ огромную путаницу

въ дѣла, производитъ въ нихъ сильную пертурбацію. Промышленнымъ и торговымъ міромъ овладѣваетъ паника. Курсы бумагъ стремительно падаютъ. Банкротства, неплатежи по векселямъ слѣдуютъ непрерывно одни за другими. Напуганные собственники и рентьеры спѣшатъ забрать свои вклады изъ банковъ и сберегательныхъ кассъ, превратить государственныя бумаги въ звонкую монету. Фабрики и мастерскія закрываются, въ торговлѣ мертвый застой, подвозъ съѣстныхъ припасовъ и другихъ необходимыхъ предметовъ потребленія встрѣчаетъ затрудненія. Начинаются голодовки, страданія отъ холода, болѣзней, обрушивающіяся всей своей тяжестью на пролетаріатъ и мелкую буржуазію городовъ. Деревня страдаетъ отъ этихъ причинъ въ несравненно меньшей степени.

Сопровождавшее нѣкоторыя революціи повальное бѣгство изъ городовъ и столицъ аристократіи, духовенства и королевскаго или императорскаго двора, лишая мелкую буржуазію (портныхъ, башмачниковъ, позументщиковъ, мебельщиковъ, поставщиковъ и т. п.) привычныхъ заказчиковъ, еще болѣе увеличивало промышленное разстройство.

Однако было бы большой ошибкой думать, что громадныя толпы безработныхъ, которыя составляютъ неизбѣжную характерную особенность всякихъ революцій, являются только ихъ *слѣдствіемъ*. Нужда и безработица столько же слѣдствія, сколько и *причины* революціи. Революціи вспыхивали именно потому, что въ странѣ существуютъ хроническія, постоянныя бѣдствія и лишенія, и вспыхивали онѣ большею частью тогда, когда нищета и безработица почему либо обострялись и становились невыносимыми.

Почему существовала *хроническая*, затяжная нужда? Какъ извѣстно, во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ капиталистическое производство, гдѣ въ производствѣ товаровъ и въ торговлѣ орудуетъ крупный капиталъ, постоянно имѣется масса рабочаго люду, тщетно стучащаяся въ ворота фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ, получающая въ отвѣтъ: мѣста нѣтъ! Это — такъ называемая постоянная резервная армія рабочихъ, находящая работу только въ эпохи наивысшаго расцвѣта промышленности. Но въ каждой странѣ бываетъ періодъ *первоначальнаго* развитія капитализма, когда онъ впервые начинаетъ свою сокрушительную борьбу съ ремесломъ и кустарными промыслами. Ремесленники и кустари совершенно не въ силахъ конкуррировать съ капиталомъ, вооруженнымъ машинами; десятками тысячъ они вынуждены бросать свои жалкіе станки и ручные инструменты. Но только небольшой части ихъ удается пристраиваться на фабрики и заводы. Остальные обрекаются на всѣ ужасы, сопряженные съ длительной безработицей. Наибольшая доля бѣдствій выпадаетъ на долю ручныхъ прядильщиковъ и ткачей. „Равнины Индіи блѣютъ отъ костей ткачей“ — доносили англійскому правительству

изъ Индіи, гдѣ англійская крупная хлопчатобумажная промышленность обрекла на голодную смерть милліоны кустарей. Кто не слыхалъ про страданія и бунты силезскихъ ткачей въ 1846 году, нашедшихъ такое художественное выраженіе въ драмѣ Гауптмана „Ткачи“ и стихотвореніи Гейне, носящемъ то же названіе.

Вотъ это знаменитое стихотвореніе, ярко рисующее безвыходныя страданія тѣхъ ручныхъ ткачей, которые еще находили работу, но которые должны были работать по 18 часовъ въ сутки, чтобы выработать 10-15 копеекъ. Заработокъ прядильщиковъ падалъ даже до 4-хъ копеекъ въ день!

Глаза ихъ сухіе не блещутъ слезами,
Сидятъ у станковъ и скрежещутъ зубами:
Родина! Саванъ тебѣ мы сошьемъ,
Въ него мы проклятье тройное вплетемъ!
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ.

Проклятіе богу, предъ кѣмъ мы съ мольбою
Склонялися въ холодъ и голодъ зимою,
Напрасно мы ждали, надежды полны:
Онъ насъ обманулъ, одурачены мы!
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ.

Проклятье ему, королю всѣхъ счастливыхъ!
Не жаль ему насъ, бѣдняковъ терпѣливыхъ,
Послѣдній онъ грошъ отнимаетъ у насъ:
„Стрѣлять по собакамъ!“ онъ отдалъ приказъ!
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ.

Проклятье тебѣ, о нашъ край лицемѣрный,
Гдѣ царствуетъ стыдъ и позоръ безпримѣрный,
Гдѣ въ мигъ увядаетъ цвѣтокъ полевой,
Гдѣ кормится тлѣньемъ червякъ гробовой!
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ.

Челнокъ снуетъ, станокъ бѣжитъ,
И день и ночь все ткачъ сидитъ,
Родина! Саванъ тебѣ мы сошьемъ,
Въ него мы тройное проклятье вплетемъ!
Мы ткемъ, мы ткемъ!

Первыя машины появились въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, и затѣмъ онѣ стали быстро вводиться во всевозможныхъ отрасляхъ промышленности. Вотъ почему конецъ XVIII и первая половина XIX столѣтія отличаются страшнымъ развитіемъ безработицы и пауперизма (бѣдности). Начиная со второй половины XIX столѣтія, когда ручные кустарные промыслы въ значительной степени были уже вытѣснены и исчезли въ Западной Европѣ, а для крупнаго капитала открылись всемірные рынки, безработица стала меньше. И мы видимъ, что большинство революцій совер-

шались именно въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX-го столѣтія *).

И это понятно. Каждому дорога своя жизнь. И только безысходная нужда, невыносимыя страданія могутъ заставить *массы* отдавать свою кровь, свою жизнь, въ геройской борьбѣ съ угнетателями. „Хлѣба или пуль!"—„Хлѣба или свинцу!"—„Жить работая или умереть сражаясь!"—таковы были крики тысячъ рабочихъ, шедшихъ на баррикады. Но шли они на баррикады не каждый день. Революціи вспыхивали далеко не всегда, когда буржуазія или революціонеры звали рабочихъ. Много было заговоровъ, бунтовъ при Луи Филиппѣ, а рабочіе оставались къ нимъ глухи, несмотря на призывы со стороны тайныхъ обществъ. А между тѣмъ въ 1848 г. совершенно *неожиданно* для послѣднихъ разразилась побѣдоносная революція. И мало того — она перекинулась на всѣ сосѣднія страны. Отчего это? — оттого, что для возстанія широкихъ массъ требуется не только наличность *хронической* нужды, но и рѣзкое *обострѣніе* ея, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, каковыми могутъ быть неурожай, промышленный или торговый кризисъ, неудачная война. Вотъ, что пишетъ, напримѣръ, одинъ писатель о времени, непосредственно предшествовавшемъ бурному „безумному" 1848 году.

„Уже 1846 годъ могъ считаться *голоднымъ* годомъ. Въ слѣдующемъ—1847 году надъ Англіей и континентомъ Европы разразился *промышленный кризисъ*. Земледѣлецъ, ремесленникъ, фабрикантъ — всѣ оказались въ самомъ безотрадномъ положеніи. *Неурожаи* еще больше сократили и безъ того упавшій спросъ на продукты мануфактуръ и фабрикаты. Товары оставались нераспроданными, фабрики останавливались одна за другой, толпы рабочихъ были выброшены на улицу. Заработковъ не было, а цѣны предметовъ первой необходимости стремительно поднимались" **).

Революціонный 1830 годъ ознаменовался торговопромышленнымъ кризисомъ.

Въ 1870 году революція, сметшая имперію Наполеона III, была непосредственно вызвана неудачной войной со всѣ-

---

*) Знаменитая книга Фридриха Энгельса „Положеніе рабочаго класса въ Англіи", написанная въ 1845 году и ярко рисующая нищету и безработицу англійскихъ пролетаріевъ, соціалистическія ученія Фурье, Сенъ-Симона, Кабе, Леру, Луи Блана и другихъ были отраженіемъ этой бѣдственной для рабочихъ побѣдоносной борьбы машины съ ручнымъ производствомъ, капитала съ кустаремъ и ремесленникомъ. Въ 1847 году появился знаменитый „Коммунистическій манифестъ" Карла Маркса, открывшій эру „научнаго соціализма".

**) „Очерки по исторіи Германіи въ XIX-мъ столѣтіи", стр. 94.

ми сопровождавшими ее бѣдствіями. Эти же страданія, еще болѣе возросшія въ Парижѣ, благодаря выдержанной этимъ городомъ пятимѣсячной осадѣ, послужили главной причиной возстанія „Коммуны“, вспыхнувшаго тамъ 18 марта 1871 года, противъ реакціоннаго Національнаго Собранія, дѣлавшаго все для отягченія нужды парижскаго пролетаріата и мелкой буржуазіи.

Знаменитое „чартистское“ движеніе, революціонное броженіе англійскихъ рабочихъ, выразившееся въ колоссальномъ количествѣ многолюднѣйшихъ митинговъ (народныхъ собраній), на которыхъ произносились пламенныя рѣчи и подписывались петиціи съ милліонами подписей, обнимаетъ періодъ слишкомъ 10 лѣтъ. Оно то замирало, то вспыхивало огромнымъ заревомъ. Всѣ три вспышки—въ 1838, 1842 и 1848 годахъ—происходили въ періоды тяжкаго угнетенія промышленности; въ промежуточное же время подъема и процвѣтанія движеніе затихало.

Нетрудно также замѣтить, что могучее революціонное движеніе, охватившее въ настоящее время всю Россію, непосредственно связано съ нынѣшней неудачной войной, поглощающей милліоны народныхъ денегъ, вызвавшей страшный застой во всей промышленности, грозящей неурожаемъ и эпидеміями.

Какія мѣры принимались выдвинутымъ революціей правительствомъ для ослабленія бѣдствій рабочихъ.

Теперь нетрудно понять, почему сейчасъ же послѣ революціи вопросъ о безработицѣ выплываетъ на первый планъ. Рабочіе, только что самоотверженно сражавшіеся на баррикадахъ и сокрушившіе прежній режимъ, не станутъ, конечно, по прежнему молча переносить лишенія голода и холода. Они заявляютъ требованія, они волнуются, грозятъ, посылаютъ депутаціи. Буржуазіи это совсѣмъ не по нутру. Добившись обѣщанія конституціи, всевозможныхъ свободъ, установивши республику, свергнувъ господство дворянъ, Она рѣшаетъ, что все желанное уже достигнуто и что въ этомъ лучшемъ изъ міровъ все стало такъ прекрасно, что никакихъ больше улучшеній и перемѣнъ не требуется. Нужно только заботиться о сохраненіи „порядка“. Съ кислой миной выслушиваетъ поэтому новоиспеченное буржуазное правительство жалобы рабочихъ депутацій на голодъ, нужду, безработицу. Какъ истые „либералы“, министры стоятъ за „свободу“ и въ промышленности, за невмѣшательство въ экономическую жизнь. Но рабочимъ нѣтъ дѣла до либеральныхъ теорій. Они говорятъ, что проливали кровь не для того, чтобы въ награду умирать съ голоду. Безпокойныя сборища, „безпорядки“ въ формѣ разноса съѣстныхъ лавокъ и т. п., скоро убѣждаютъ министровъ отъ революціи, что голодъ шутить не любитъ. Нечего дѣлать, надо

нарушить либеральную теорію и что-нибудь предпринять.

На сцену выступаютъ „общественныя работы“. Для безработныхъ выискиваются, создаются, измышляются какія-нибудь занятія.

Замѣчательная вещь! во всѣхъ революціяхъ, начиная съ Вел. Французской и кончая 1848 годомъ, повторяется одна и та же исторія: общественныя работы являются въ формѣ *земляныхъ* работъ. Пролетаріямъ предлагаютъ за опредѣленную, конечно, очень скромную плату копать рвы, каналы, строить укрѣпленія, насыпи и т. п., и почти всегда эти занятія отличаются своей безполезностью и ненужностью.

Почему это такъ?

Буржуазное правительство, въ дѣйствительности, совсѣмъ не принимаетъ близко къ сердцу бѣдственнаго положенія пролетаріевъ, тѣхъ самыхъ, самоотверженностью которыхъ оно только что добыло себѣ свободу и власть. Ему хочется какъ можно дешевле и проще отдѣлаться отъ докучливыхъ бѣдняковъ, поскорѣе и съ меньшими хлопотами замкнуть имъ рты. Самыми удобными при такихъ обстоятельствахъ представляются поэтому земляныя работы. Не приходится затрагивать никакихъ капиталовъ на наемъ или оборудованіе рабочихъ помѣщеній, на покупку сырья и сложныхъ инструментовъ. Не требуется также тратить времени и труда на обученіе. Бери лопату и мотыку, перебрасывай землю въ теченіе дня и получай свои 1-2 франка или 25 крейцеровъ.

Другое, весьма существенное преимущество этихъ работъ заключается въ томъ, что онѣ не конкуррируютъ съ промышленниками. Если бы правительство устроило, напримѣръ, для безработныхъ хлопчатобумажную фабрику, то владѣльцы остальныхъ фабрикъ этой отрасли производства подняли бы страшный крикъ, стали бы вопить, что они пойдутъ по міру, что они вынуждены закрыть свои фабрики и т. д.

А какъ же буржуазному правительству не прислушиваться къ вліятельному голосу своего класса?

Во время Великой Французской Революціи организаціей помощи безработнымъ завѣдывала Парижская Городская Община (Коммуна), которая получала необходимыя для этого средства сперва отъ Нац. Собранія, потомъ отъ Нац. Конвента. Число рабочихъ доходило до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ.

Въ 1848 году въ Берлинѣ этимъ дѣломъ завѣдывало городское управленіе и министерство, которыя содержали по 3000 рабочихъ.

Въ Австріи организація общественныхъ работъ приняла гораздо болѣе грандіозные размѣры, такъ какъ тамъ разстройство въ дѣлахъ, благодаря волненіямъ, охватившимъ всю страну, достигло апогея, а завѣдываніе работами по-

пало въ руки демократическаго комитета. Онъ постановилъ, что оставшіеся безъ хлѣба пролетаріи имѣютъ право требовать работы у государства за обычную поденную плату. Рабочихъ дѣлили на *роты*, находившіяся подъ начальствомъ студента-техника; роты разбивались на взводы, которыми командовали старшіе рабочіе. Общее число организованныхъ такимъ образомъ рабочихъ достигло 50,000. Занятія были все тѣ же: копаніе рвовъ, каналовъ, устройство дорогъ.

Но самыми крупными и въ то же время самыми безсмысленными были общественныя работы, организованныя въ Парижѣ Временнымъ Правительствомъ сейчасъ послѣ Февральской революціи и получившія громкую и печальную извѣстность подъ именемъ Національныхъ мастерскихъ. Онѣ заслуживаютъ того, чтобы остановиться на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Національныя мастерскія въ Парижѣ въ 1848 г.

Временное Правительство, обязавшись торжественно 25 февраля передъ рабочими гарантировать имъ „право на трудъ“, издало декретъ объ образованіи „Національныхъ мастерскихъ“, въ которыхъ каждый желающій найдетъ работу за 2 франка въ сутки. Безработные стали стекаться со всѣхъ сторонъ въ огромномъ количествѣ, и скоро число ихъ дошло до 150,000! Они были организованы по военному, дѣлились на бригады, полки, имѣвшіе каждая своего начальника. Главнымъ же завѣдующимъ былъ молодой инженеръ Эмиль Тома, подчиненный министру общественныхъ работъ Мари, члену Временнаго Правительства. Работы были земляныя и совершенно безплодныя. Похоже было на то, какъ въ нѣкоторыхъ каторжныхъ тюрьмахъ, чтобы „занять“ арестантовъ, поручаютъ имъ перетаскивать кучу дровъ съ одного мѣста на другое, потомъ обратно на старое мѣсто и т. д. Легко себѣ представить, какъ такая работа нравственно тяжела была рабочимъ и деморализировала ихъ. Она такъ похожа была на милостыню! „Національныя мастерскія — говорилъ въ Учредительномъ Собраніи Викторъ Гюго—разслабили здоровыхъ дѣятелей труда, убили въ одной части народа любовь къ труду, ту спасительную любовь, которая развиваетъ въ человѣкѣ чувство собственнаго достоинства, позволяетъ ему глядѣть на себя съ гордостью и уваженіемъ, награждаетъ его спокойной совѣстью... Эти люди вѣрили до сихъ поръ только въ благородную силу рабочей руки,—вы, господа, научили ихъ вѣрить въ постыдную силу просящей руки“.

Сами рабочіе не обманывали себя относительно истиннаго характера, который былъ приданъ Національнымъ мастерскимъ министромъ Мари, стремившимся только къ одной цѣли: скомпрометировать идеи „права на трудъ“ и

„организаціи труда“ вмѣстѣ съ ихъ защитниками Луи Бланомъ и Альберомъ, а заодно и соціализмъ вообще. *) Вотъ что писали рабочіе въ „открытомъ письмѣ“ въ отвѣтъ на грубыя, возмутительныя нападки буржуазной газеты „Конституціоналистъ“: „Редакторы газеты“ „Конституціоналистъ“, вы безбожно и нахально лжете, когда утверждаете, будто въ Національныхъ мастерскихъ находится 11-12 тысячъ каторжниковъ, когда вы называете убійцами, разбойниками и ворами тѣхъ, которые 23-24 февраля жертвовали своею жизнью для спасенія Франціи отъ ига деспотизма въ то время, когда вы скрывались гдѣ-то въ погребахъ. Если бы рабочіе дѣйствительно были бы ворами, разбойниками и убійцами, то они могли найти случай проявить себя таковыми: полные хозяева Парижа въ теченіе многихъ дней, они могли бы купаться въ вашей крови и грабить ваше добро. Но они были благородны и протянули вамъ руку помощи... Страдая отъ голода и холода, они, лишенные всего, охраняли ваши богатства и не дозволяли ихъ грабить. Если между ними оказывался рабочій, который рѣшался наложить свою руку на то, что ему не принадлежало, то справедливость возвышала немедленно свой голосъ. Въ Тюльери можно было видѣть трупы съ надписью „воръ“... Вы, которые не знаете, что такое бѣдность, вы упрекаете насъ въ томъ, что мы получаемъ отъ государства 23 су въ день! „Они не зарабатываютъ ихъ!“—говорите вы. Мы это знаемъ не хуже васъ, и *это-то* заставляетъ насъ страдать, ибо вы, богачи, не знаете, какъ тяжело честному рабочему, привыкшему трудомъ зарабатывать свой кусокъ хлѣба, ходить за милостыней и протягивать руку. Но необходимо ѣсть, необходимо кормить своихъ дѣтей! И голодъ, этотъ страшный врагъ бѣдняка, заставляетъ насъ унижаться до того, чтобы мы обращались въ національныя мастерскія“.

Національныя мастерскія въ томъ видѣ, какъ ихъ поставило Временное Правительство, были вполнѣ безсмысленнымъ, безнадежнымъ учрежденіемъ. Онѣ поглощали массу денегъ, не создавая ничего полезнаго, но главное, число рабочихъ росло съ каждымъ днемъ, такъ какъ со всей Франціи стекались безработные пролетаріи, прослышавъ, что въ Парижѣ даютъ легкую работу за 2 франка въ день. Неудивительно, что какъ Временное Правительство, такъ и, по созывѣ своемъ, Учредительное Собраніе думало только о томъ, чтобы раздѣлаться съ этой обузой. Начали съ умень-

*) Бывшій членъ Врем. Правительства Ламартинъ въ своей исторіи Февральской революціи разсказываетъ, что главари національныхъ мастерскихъ вошли въ тайное соглашеніе съ противосоціалистическими членами Времен. Правительства, и что весь планъ національныхъ мастерскихъ былъ коварнымъ ходомъ враговъ Луи Блана и Альбера.

шенія платы: вмѣсто 2 франковъ сбавили ее до $1^1/_2$ фран. въ день. Затѣмъ стали давать „работу“ не ежедневно, а черезъ день, и пользоваться каждымъ предлогомъ, каждымъ случаемъ, чтобы не давать работы, а слѣдовательно и платы. Въ концѣ концовъ, оно рѣшило совсѣмъ закрыть Нац. мастерскія, что вызвало страшное „іюньское“ возстаніе. Въ моментъ закрытія въ нихъ числилось 117,000 человѣкъ.

Впрочемъ, прежде чѣмъ окончательно закрыть Націон. мастерскія, Учредит. Собраніе предложило желающимъ отправиться въ провинцію на такія же работы по осушкѣ болотъ или *поступить въ армію*. Зачисленіе въ солдаты это — вторая панацея, съ помощью которой буржуазныя правительства въ революціонныя эпохи пытались избавиться отъ докучливаго призрака безработицы. То же самое Временное Правительство, которое устроило Національныя мастерскія, одновременно организовало армію „подвижной гвардіи“ („мобилей“), въ которую вербовало юныхъ парижскихъ „гаменовъ“, т. е. дѣтей улицы“, не имѣющихъ никакихъ опредѣленныхъ источниковъ существованія, принадлежащихъ скорѣе къ люмпенпролетаріату, чѣмъ къ трудовому пролетаріату. Армія эта состояла изъ 25,000 челов. и принимала ревностнѣйшее участіе въ подавленіи іюньскаго возстанія.

Такое же гнусное, реакціонное употребленіи изъ безработныхъ хотѣло сдѣлать австрійское императорское правительство, предложивъ занятымъ въ вѣнскихъ общественныхъ работахъ поступить въ армію. Войска же предназначались для отправки въ Италію—гдѣ имъ предстояло принять участіе въ усмиреніи итальянскаго возстанія. Часть рабочихъ уже было согласилась, но студенты повели энергичную агитацію, и рабочіе не только отказались итти въ солдаты, но еще разнесли сборный пунктъ.

Совсѣмъ другое значеніе имѣло поступленіе въ армію для рабочихъ, когда дѣло шло не о подавленіи свободы, а о защитѣ ея, не о войнѣ съ пролетаріями, отстаивающими свои интересы, а о войнѣ съ врагами пролетаріевъ. Такой характеръ носила военная служба для рабочихъ въ 1792 и слѣдующихъ годахъ и въ 1871 году во время возстанія Коммуны. Въ первомъ случаѣ цѣлая коалиція изъ европейскихъ государствъ (Англія, Пруссія, Австрія, Россія, Испанія, Италія, Швеція и т. п.) обрушилась на Францію съ цѣлью вернуть въ ней старые порядки. Во второмъ случаѣ вся деревенская Франція въ лицѣ своего Національнаго Собранія и сотни тысячъ солдатъ обложила со всѣхъ сторонъ мятежную Парижскую Коммуну. Всѣ парижскіе жители, способные носить оружіе, приглашены были поступить въ національную гвардію съ платой $1^1/_2$ франка въ день. Легко себѣ представить, какимъ подспорьемъ это было для пролетаріевъ, ибо какая же могла быть работа въ Парижѣ въ это бурное время!

Какое вліяніе имѣли общественныя работы на развитіе революціи?

Національныя мастерскія и т. п. общественныя работы, которыми правительства во время революціи стремились утишить острую нужду рабочихъ, являлись могучимъ факторомъ въ смыслѣ вліянія на дальнѣйшій ходъ революціи. Вліяніе это было разностороннее, обоюдоострое.

Хотя онѣ и давали многимъ тысячамъ безработныхъ средства къ существованію, но ихъ общій палліативный характеръ, весьма скверная организація, явная безполезность работъ,—все это вліяло въ такомъ направленіи, что недовольство рабочихъ, безпокойство относительно будущаго, недовѣріе къ правящей буржуазіи—не могли исчезнуть. Всякому было ясно, что работы эти носятъ временный характеръ, и что долго такъ продолжаться не можетъ.

Не ослабляя такимъ образомъ нисколько противорѣчій, антагонизма между пролетаріатомъ и буржуазіей, онѣ, наоборотъ, обостряли ихъ, доводили взаимное озлобленіе этихъ классовъ до бѣлаго каленія, до гражданской войны.

Крупная и мелкая буржуазія отличается необыкновенной чувствительностью по отношенію къ расходамъ, производимымъ на рабочихъ. Сотни милліоновъ, которыя государство тратитъ на военное и морское дѣло, неменьшія суммы, которыя оно же даритъ промышленникамъ и землевладѣльцамъ, насчетъ бѣдняковъ, путемъ концессій, высокихъ таможенныхъ пошлинъ и вывозныхъ премій — все это пустяки, вполнѣ нормальная, обыденная вещь, надъ которою даже странно задумываться. Если онѣ и вызываютъ со стороны буржуазіи жалобы, то лишь потому, что всѣ эти субсидіи кажутся ей слишкомъ ничтожными; ей бы хотѣлось ихъ удвоить, утроить, удесятерить. Но какая-нибудь сотня тысячъ франковъ или марокъ, потраченныхъ на поддержаніе безработныхъ, заставляетъ ее издавать истерическіе яростные вопли. „Караулъ!—кричитъ она несвоимъ голосомъ — грабятъ!“

Мѣщанство и крестьянство въ этомъ отношеніи еще чувствительнѣе средней и крупной буржуазіи.

Поэтому для всѣхъ реакціонеровъ, стремящихся всѣми фибрами души къ возвращенію старыхъ, славныхъ, „самобытныхъ“ порядковъ,—общественныя работы даютъ весьма благодарный матеріалъ для соотвѣтствующей низменной агитаціи. „Глядите, люди добрые, куда уходятъ ваши кровныя денежки! Эта безбожная революціонная банда преспокойно ухлопываетъ ихъ на даровое кормленіе всевозможныхъ тунеядцевъ, дармоѣдовъ, голоштанниковъ! Они доведутъ васъ всѣхъ, нашу бѣдную родину до полнаго разоренія!“

Промышленники и мастера имѣютъ еще одно вѣское основаніе ненавидѣть эти общественныя работы. Они жи-

вутъ исключительно эксплуатаціей своихъ рабочихъ и, чѣмъ многочисленнѣе армія безработныхъ, тѣмъ ниже спускается вслѣдствіе конкурренціи плата за трудъ. Но разъ для безработныхъ открывается шлюзъ въ Національныя мастерскія, то предложеніе труда на фабрики и въ мастерскія значительно уменьшается, и рабочіе, пользуясь этимъ, требуютъ увеличенія платы, уменьшенія рабочаго времени. А когда хозяева не соглашаются, они объявляютъ забастовку и уходятъ на общественныя работы. Тутъ поневолѣ запопишь благимъ матомъ! Нешто такъ можно жить? Хоть прямо закрывай фабрики!

Съ другой стороны, буржуазія начинаетъ сильно побаиваться этого огромнаго скопленія пролетаріевъ въ столицѣ. И дѣйствительно, это буйное, безпокойное населеніе является огромнымъ революціоннымъ факторомъ. Именно опираясь на этотъ столичный пролетаріатъ, могла въ 1793 году партія Горы или монтаньяровъ-якобинцевъ захватить въ свои руки власть въ Національн. Конвентѣ и желѣзной рукой диктатуры бороться со всѣми многочисленными внѣшними и внутренними врагами юной республики.

Буржуазія употребляетъ, поэтому, всѣ усилія къ тому, чтобы уменьшить или совсѣмъ парализовать неминуемый наплывъ безработныхъ изъ провинціи. Берлинское городское управленіе въ 1848 году прямо заявило, что иногороднимъ оно не обязано и не будетъ доставать работы; о нихъ должны заботиться муниципалитеты тѣхъ мѣстностей, откуда они родомъ. Въ Вѣнѣ всѣмъ пріѣзжающимъ предлагали возвращаться домой, а такъ какъ у большинства не было денегъ на обратный проѣздъ, то имъ выдавали по 10 гульденовъ. Вѣнская демократія, не препятствовавшая выселенію рабочихъ изъ столицы, скоро поняла, какую огромную политическую ошибку она сдѣлала. Когда къ Вѣнѣ подступили со своими полчищами Виндишгрецъ и Елачичъ, чтобы усмирить огнемъ и мечемъ возставшую столицу, въ послѣдней оказалось очень мало защитниковъ, такъ какъ таковыми были только рабочіе и студенты. Либеральная же буржуазія очень шумно бряцала оружіемъ, произносила весьма грозныя рѣчи въ трактирахъ за бутылкой пива, но для дѣла обороны никуда не годилась.

Создавая Націон. мастерскія, Мари и нѣкоторые другіе члены Врем. Правительства питали надежды, что въ лицѣ занятыхъ тамъ рабочихъ они будутъ имѣть „преторіанскую“ армію, т. е. преданную имъ тѣломъ и душей, съ помощью которой они будутъ въ состояніи усмирять остальныхъ рабочихъ,—все равно, какъ Зубатовъ надѣялся своими „легализаторами“, т. е. рабочими, находившимися подъ его опекой и покровительствомъ легальныхъ союзовъ, подавлять революціонно настроенныхъ рабочихъ. Но надежды эти совершенно не оправдались. Въ іюньскіе дни они сражались противъ буржуазіи. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ они представляли

наиболѣе революціонный элементъ, и вѣнскіе „землекопы“ принимали главное участіе во всѣхъ возстаніяхъ австрійской столицы. Въ Берлинѣ особенную славу пріобрѣли такъ называемы „Ребергцы“, получившіе это прозвище отъ „Reh-berge“, „Козульихъ горъ“, на которыхъ они работали, и которыя находились въ разстояніи одной мили отъ тогдашняго Берлина. Они расчищали сосновый лѣсъ. Въ своихъ высокихъ сапогахъ, съ краснымъ пѣтушинымъ перомъ на шляпѣ, они пагнали на мѣщанство невыразимый ужасъ. Агитація демократовъ имѣла среди нихъ большой успѣхъ, и долгое время они были грозой для реакціи.

Утопіи, возникавшія у рабочихъ на почвѣ безработицы.

Мы знаемъ, что безработица и нужда неразрывно связаны съ капиталистическимъ обществомъ. Мы также видѣли выше, что въ революціонную эпоху Западной Европы, обнимавшую конецъ XVIII и первую половину XIX столѣтій, эта хроническая безработица была еще больше, еще значительнѣе, благодаря повальному раззоренію мелкихъ производителей, ремесленниковъ, кустарей, крестьянъ. Мы видѣли также, что годы, предшествовавшіе революціямъ, были обыкновенно періодомъ усиленной нужды вслѣдствіе ли неурожаевъ, кризисовъ или войны. И наконецъ, мы указали, почему сейчасъ же послѣ революцій нужда достигала прямо ужасающихъ размѣровъ. А между тѣмъ рабочій классъ пересталъ уже быть безгласнымъ, безсознательнымъ предметомъ эксплуатаціи. Революція его расшевелила, растормошила. Онъ встряхнулся, осмотрѣлся и увидѣлъ, что цѣлый классъ—буржуазія—очень много выигралъ отъ революціи; выиграло также и крестьянство, избавившись отъ всѣхъ своихъ феодальныхъ повинностей; одинъ онъ, городской пролетаріатъ, ничего въ сущности не пріобрѣлъ. Свобода, равенство и братство—звучатъ очень красиво, но гдѣ же это равенство и братство? Учредительное Собраніе 1789 года во Франціи не дало даже рабочимъ избирательнаго права, не дало имъ права стачекъ и союзовъ. Это ли равенство и братство?

Когда собрался Національный Конвентъ въ 1792 году, къ нему явилась делегація отъ 18,000 рабочихъ съ заявленіемъ, въ которомъ говорилось слѣдующее: „Отчего забываете вы ваши хорошіе принципы, лишь только дѣло зайдетъ объ активныхъ и пассивныхъ гражданахъ?*) Бастилія

*) Французское Учредительное Собраніе, не желая дать политическихъ правъ пролетаріямъ, раздѣлило гражданъ на активныхъ и пассивныхъ. Активными были люди не моложе 25 лѣтъ и платящіе около $1^1/_2$ франковъ прямыхъ налоговъ въ годъ. Только активнымъ были даны политическія права.

пала, потому что ее взяли приступомъ десятки тысячъ рабочихъ С. Антуанскаго предмѣстья... Низвергнуть родовую аристократію только для того, чтобы подпасть господству аристократіи денежной,—это было бы слишкомъ плохой мѣной. Когда плотины прорваны, морская вода съ шумомъ низвергается внизъ: она не остановится до тѣхъ поръ, *пока вверху и внизу она не станетъ на одномъ уровнѣ.* Напрасно вы хотите положить конецъ реформамъ тамъ, гдѣ это вамъ желательно. Въ дѣйствительности, равенство правъ ведетъ къ равенству въ радостяхъ жизни, и *лишь на этомъ можетъ успокоиться мысль*".

Мысль рабочихъ не успокаивалась. Она искала выхода изъ бѣдственнаго положенія. Пролетаріатъ чуялъ свою силу, сознавалъ свои права, но какимъ образомъ ихъ осуществить, какимъ образомъ добиться „равенства въ радостяхъ жизни", онъ не зналъ да и не могъ тогда знать.

Воплотить въ жизнь равенство можетъ только соціалистическій строй, соціалистическій способъ производства. Но водворить такой строй нельзя по желанію отдѣльныхъ лицъ, хотя бы этого жаждало большинство населенія одного *города.* Отъ того, что этотъ городъ будетъ столицей и притомъ съ милліоннымъ населеніемъ, дѣло не мѣняется. Соціализмъ осуществится тогда, когда большинство всего населенія страны *захочетъ* этого, а это произойдетъ тогда, когда большинство населенія будетъ пролетаріями или будетъ настроено въ пользу пролетаріевъ. А для этого нужна въ свою очередь высокая степень капиталистическаго развитія страны, относительное уменьшеніе въ ней самостоятельнаго крестьянства и вообще мелкой буржуазіи. Эта истина составляетъ основное ядро великаго ученія „научнаго соціализма", созданнаго геніальнымъ Марксомъ и Энгельсомъ въ серединѣ XIX столѣтія. Идей этого ученія и теперь еще не усвоили въ Западной Европѣ широкія массы рабочихъ; можно себѣ представить поэтому, въ какомъ туманѣ въ то время бродили рабочіе и ихъ интеллигентные доброжелатели.

Разъ бурное недовольство рабочихъ своимъ положеніемъ не озаряется яснымъ, отчетливымъ пониманіемъ того, чего можно ожидать, чего можно добиться при данной степени капиталистическаго развитія, то что кромѣ несбыточныхъ, невозможныхъ проектовъ, *утопій* можетъ подсказать пролетаріату его горячее стремленіе положить предѣлъ своей нищетѣ?

Мы перечислимъ здѣсь нѣсколько изъ этихъ утопій.

Въ 1792-3 годахъ, по требованію рабочихъ, былъ установленъ конвентомъ „максимумъ" цѣнъ на продукты, т. е. предѣльная такса, выше которой торговцы не смѣли брать за предметы первой необходимости. Вызвана была эта мѣра невѣроятнымъ вздорожаніемъ всѣхъ товаровъ. Правда, Маратъ въ своей газетѣ „Другъ народа" совершенно спра-

ведливо указывалъ, что истинной причиной тогдашняго *роста* цѣнъ является паденіе *цѣнности* денегъ. Деньги были тогда бумажныя, такъ называемыя „ассигнаты“, и выпущено было ихъ колоссальное количество, на сумму до 40 милліоновъ франковъ! Легко понять, какъ должны были обезцѣниться эти бумажки, и какъ дороги поэтому должны были стать товары. Маратъ же указывалъ и разумный выходъ изъ тяжелаго положенія: распродать конфискованныя земли дворянъ и духовенства и погасить вырученными деньгами ассигнаты. Но народъ видѣлъ всю причину въ злой волѣ скупщиковъ и лавочниковъ, которые нарочно де прячутъ товары и подымаютъ цѣны. Конечно, были и такіе скупщики, но „максимумъ“ могъ заставить такихъ только подальше запрятать свои товары. Принудительныя мѣры лишь увеличивали застой въ промышленности и торговлѣ, слѣдовательно еще больше обостряли нужду и безработицу.

Въ 1848 году парижскіе рабочіе немедленно послѣ побѣдоноснаго низверженія іюльской монархіи потребовали отъ Временнаго Правительства признанія „права на трудъ“. Требованіе это было *утопично*, потому что только соціализмъ можетъ гарантировать каждому работу. Въ капиталистическомъ же обществѣ неизбѣжна резервная армія безработныхъ, неизбѣжны кризисы. Требовали еще рабочіе „организаціи труда“. И это требованіе было *утопично*, потому что организовать трудъ общества, придать ему планомѣрный характеръ возможно только въ соціалистическомъ строѣ. Устройство же артелей, товариществъ, кооперацій, вовсе не означаетъ организаціи труда. Временное Правительство побоялось отказать рабочимъ и обѣщало имъ „право на трудъ“. И какъ же оно исполнило свое обѣщаніе? Оно устроило Національныя мастерскія! Туда принимались всѣ безработные — вотъ и осуществленіе „права на трудъ“. Рабочіе были тамъ распредѣлены по военному—на бригады, полки, взводы и т. п. — вотъ тебѣ и „организація труда“. Необыкновенно просто! Жаль только, что вся эта недостойная игра закончилась страшной іюньской катастрофой,

„Право на трудъ“ предъявлялось, по примѣру французскихъ рабочихъ, и въ Германіи и въ Австріи во время революціи 1848 г.

Наконецъ, отмѣтимъ еще утопію Коммуны. Парижскіе рабочіе думали, что можно избавиться отъ реакціоннаго давленія на нихъ деревенской Франціи, выражавшагося въ томъ, что въ Нац. Собраніяхъ депутаты отъ рабочихъ всегда тонули въ массѣ реакціонныхъ депутатовъ отъ деревенщины, и рѣшили отдѣлиться въ отдѣльную общину (коммуну) и преобразовать, такимъ образомъ, всю Францію въ федерацію (вольный союзъ) самоопредѣляющихся общинъ. Это было тогда любимой идеей анархистовъ. Если бы тутъ шло дѣло только о широкой автономіи городскихъ

и сельскихъ общинъ, то въ этой политической идеѣ не было бы утопическаго элемента. Но рабочіе мечтали о томъ, что съ превращеніемъ Парижа въ автономную коммуну кончатся ихъ соціальныя бѣдствія: нищета, безработица и т. п. Эта была настоящая утопія, потому что Парижъ экономически не можетъ быть самодовлѣющимъ цѣлымъ, и только введеніе соціализма во всей странѣ, а не въ одномъ городѣ, можетъ положить конецъ страданіямъ рабочихъ.

„Идея Коммуны, — пишетъ авторъ одной статьи о Коммунѣ, — превращенная въ непоколебимый догматъ вѣры, прямо фанатизировала извѣстные круги народа; они питали непоколебимую увѣренность, что Коммуна, если только она сможетъ свободно функціонировать, есть единственная истинная политическия и соціальная организація, которая устранитъ всѣ страданія низшихъ классовъ, выполнитъ всѣ обѣщанія, превратитъ въ дѣйствительнось самыя смѣлыя ожиданія и разольетъ надъ всѣми счастье. Такимъ образомъ многіе вѣрили, что сражаются теперь за исполненіе всѣхъ своихъ идеаловъ, за счастье всего человѣческаго люда, и они дрались, какъ львы“.

Идеалъ, который воодушевлялъ парижскихъ рабочихъ, былъ *коммунизмъ* или соціализмъ, но Коммуна не могла дать коммунизма. Въ этомъ былъ трагизмъ отчаянной, кровавой борьбы, въ которую многострадальный парижскій пролетаріатъ вступилъ въ 1871 году съ буржуазіей и крестьянствомъ всей Франціи.

Желательная постановка помощи безработнымъ въ предстоящую революцію.

Нынѣшняя революція у насъ въ Россіи не дастъ еще намъ соціалистическаго строя, потому что экономическое развитіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соціалистическое сознаніе, не достигли еще соотвѣтствующей степени. Поэтому вопроса о безработныхъ, который у насъ будетъ не менѣе острый, чѣмъ въ Западно-Европейскихъ революціяхъ, невозможно будетъ рѣшить полностью, уничтоживъ въ корнѣ вызывающія его причины, т. е. капиталистическое производство. Придется его рѣшить частично. Поэтому важно, чтобы вопросъ этотъ рѣшался самымъ выгоднымъ для пролетаріата, а слѣдовательно и для революціи, образомъ.

Первое наиболѣе могучее средство для уменьшенія безработицы заключается въ повсемѣстномъ уменьшеніи рабочаго дня. Временное Правительство должно сразу декретировать 8-часовой рабочій день. Нѣмецкіе либеральные филистеры 48-го года поступали какъ разъ наоборотъ. Они убѣждали рабочихъ, ради бога, не добиваться ни повышенія платы, ни сокращенія рабочаго времени. Вотъ какъ усердствовалъ, напр., писатель Эрнстъ Коссакъ: „Въ настоя-

щее время *ни малѣйшаго повышенія заработной платы*, и долой всякую праздность!.. Рабочіе, въ эти дни, въ дни муки родовъ великаго будущаго, соблюденіемъ *порядка* и *трудолюбіемъ*, вы должны заслужить себѣ свидѣтельство исторіи, что вы умѣете работать и жить во имя свободы своей націи!"

Итакъ, трудолюбіе, довольство малымъ и порядокъ — вотъ спасительныя средства для упроченія революціи, которыя рекомендовались умными филистерами. Къ счастью, рабочіе никогда не были расположены слушаться такихъ господъ.

Сокращеніе рабочаго времени есть сильное, мощное средство для ослабленія безработицы, но его одного недостаточно. Придется прибѣгнуть и къ общественнымъ работамъ, но, конечно, на иныхъ началахъ, чѣмъ это дѣлалось въ прежнихъ революціяхъ, Работы должны быть безусловно общественно полезны. Бывали и раньше попытки устраивать настоящія мастерскія. Но тамъ приготовлялись почти исключительно оружіе и амуниція для національной гвардіи. Такъ было въ 1789 г. Также въ 1848 г. въ Парижѣ, благодаря стараніямъ и содѣйствію Луи Блана, была организована въ освободившемся казенномъ помѣщеніи долговой тюрьмы Клиши артель *портныхъ*, которой былъ данъ правительствомъ заказъ на 100,000 формъ для національной гвардіи и 10,000 для подвижной гвардіи (мобилей). Имъ же была основана ассоціація прядильщиковъ и позументщиковъ, которымъ были заказаны 100,000 паръ эполетовъ. Обѣ эти мастерскія были недолговѣчны, такъ какъ Учредительное Собраніе сейчасъ послѣ іюньскихъ дней поспѣшило ихъ закрыть.

Самыми удобными и выгодными общественными работами, какъ вполнѣ правильно указываетъ Каутскій въ своей брошюрѣ „На другой день послѣ соціальной революціи", представляются несомнѣнно строительныя работы и вотъ почему:

1) Работы эти безусловно общественно полезны, такъ какъ квартирный вопросъ принадлежитъ къ самымъ больнымъ, потребность въ удобныхъ и дешевыхъ жилищахъ для рабочихъ и мелкой буржуазіи огромна. Къ тому же города безпрерывно растутъ, и сколько бы ни строить домовъ съ такими квартирами, они никогда не будутъ лишними. Затѣмъ сверженіе самодержавія выдвигаетъ на первый планъ необходимость въ школьныхъ зданіяхъ, народныхъ домахъ, театрахъ и т. п.

2) Строительныя работы не требуютъ большихъ ассигновокъ въ основной капиталъ, кромѣ земли, которую города и государство всегда имѣютъ въ распоряженіи.

3) Онѣ вызываютъ концентрированіе безработныхъ въ городахъ и столицахъ, что имѣетъ огромное значеніе для развитія революціи и сопротивленія контръ-революціи.

Постройка же дорогъ, напр., влечетъ въ этомъ отношеніи прямо противоположные результаты.

4) Работа по возведенію зданій настолько приближается къ труду чернорабочихъ, настолько несложна, что затрудненій изъ-за недостаточной обученности не представится.

5) Въ связи съ этимъ стоятъ работы по устройству конокъ, трамваевъ, проведенію улицъ. Потребуется значительное увеличеніе продуктивности кирпичныхъ заводовъ.

Такъ какъ зимой прекращаются строительныя работы, то тогда надо будетъ организовать подготовку строительныхъ матеріаловъ, внутреннюю отдѣлку домовъ, необходимыя строительныя работы и т. д.

VI.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ РЕВОЛЮЦІИ НА ПРОВИНЦІЮ.

Въ Западной Европѣ революціи почти всегда вспыхивали въ столицахъ, а провинціи оставалось такъ или иначе отнестись къ перевороту, какъ къ готовому факту. Большей частью она принимала случившееся съ восторгомъ и энтузіазмомъ (мы говоримъ, конечно, о *большинствѣ* населенія) и сейчасъ же отвѣчала на него широкимъ движеніемъ въ городахъ и деревняхъ. Иногда же она встрѣчала извѣстіе о переворотѣ съ большой долей равнодушія, а кое-гдѣ и прямо враждебно. Зависѣло это, конечно, отъ того, какой классъ давалъ лозунги революціи, какими цѣлями онъ задавался, и насколько эти цѣли соотвѣтствовали настроенію населенія провинціи, главнымъ образомъ, деревни.

Причины, почему столицы всегда давали тонъ странѣ, почему, напр., Франція, какъ плакали роялисты, десятки разъ получала, начиная съ 1789 года, правительства и конституціи „по телеграфу изъ Парижа“, понять нетрудно. Столицы всегда самые крупные, богатые, промышленные, многолюдные города страны; напр., въ Парижѣ 1789 года было уже 600,000 жителей, въ Берлинѣ 1848 года—400,000. Въ Лондонѣ въ 1685 году, т. е. въ эпоху революціи, свергшей вторично династію Стюартовъ, было 530,000 жителей. Это даетъ, такимъ образомъ, многочисленный, промышленный сконцентрированный въ одномъ мѣстѣ пролетаріатъ, т. е. необходимый личный составъ революціонной арміи. Съ другой стороны, тутъ же живетъ и самъ монархъ-самодержецъ въ своихъ дворцахъ, тутъ сосредоточиваются всѣ центральныя правительственныя учрежденія, государственный банкъ, всѣ нити и проводы административной машины. Рядышкомъ, бокъ о бокъ, помѣщается и болѣе или ме-

нѣе революціонно настроенное населеніе, и его злѣйшій врагъ.

Неудивительно нисколько, что именно здѣсь—въ столицѣ *возстаніе* скорѣе всего приметъ характеръ *революціи*, т. е. кончится сверженіемъ режима.

„Парижъ и Лондонъ—говоритъ Каутскій въ статьѣ, посвященной столѣтію смерти нѣмецкаго поэта Шиллера,—были не только большими городами, съ которыми не могъ сравняться ни одинъ городъ цивилизованной Европы...; въ своей собственной странѣ они не находили другого города, который хотя бы приблизительно могъ подойти по своей величинѣ къ нимъ. Такъ, напримѣръ, въ Англіи оба слѣдовавшіе за Лондономъ большіе города, Бристоль и Норвичъ, имѣли въ 1685 году по 29,000 жителей. Такимъ образомъ, второй по величинѣ городъ былъ въ 17 разъ меньше главнаго города! *Ужъ это одно обстоятельство должно было дать послѣднему необъятную власть надъ страной.* Къ тому же, въ немъ концентрировались всѣ средства власти, въ то время, какъ деревня и небольшіе города не только располагали ничтожными средствами силы, но, благодаря неразвитымъ путямъ сообщенія, не въ состояніи были быстро собрать эти силы и использовать ихъ. Въ большомъ же городѣ они сосредоточивались на узкомъ пространствѣ и могли быть мобилизованы въ теченіе одной ночи".

Отдѣльныя, самостоятельныя возстанія вспыхивали нерѣдко во всевозможныхъ углахъ провинціи, но сами они не бывали въ силахъ произвести *революціи*. Въ лучшемъ случаѣ, они могли только вызвать отторженіе той или другой провинціи и присоединеніе ея къ другой державѣ или превращеніе въ самостоятельное государство.

Отзывчивость провинціи на революціонное движеніе столицы достигала самыхъ грандіозныхъ размѣровъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ господствовала еще крѣпостная зависимость. Революція въ столицѣ служила тогда сигналомъ для повсемѣстныхъ стихійныхъ крестьянскихъ волненій и бунтовъ. Крестьяне тысячами подымались противъ своихъ господъ, врывались въ замки, сжигали крѣпостные акты, а нерѣдко попутно и замки, избивали и убивали наиболѣе ненавистныхъ помѣщиковъ и управляющихъ. Такъ было во Франціи въ 1789 году, во всѣхъ многочисленныхъ государствахъ Германіи и въ Австріи въ 1848 году и въ другихъ странахъ. Для примѣра разскажемъ, какъ произошло крестьянское возстаніе во Франціи въ 1789 г.

Извѣстіе о взятіи 14 іюля Бастиліи, съ быстротой молніи разнесшееся по всей странѣ, было искрой, попавшей въ порохъ. Въ селахъ свирѣпствовалъ тогда голодъ; бѣдствія, усугубленныя непомѣрными налогами, оброками и притѣсненіями, достигли небывалыхъ размѣровъ. Крестьяне стали собираться многочисленными бандами и подниматься про-

тивъ помѣщиковъ и поповъ. Дворцы и замки дворянъ, монастыри и дома духовенства брались, приступомъ и подвергались разрушенію. Въ продолженіе цѣлыхъ недѣль небо Франціи было краснымъ отъ ночныхъ пожаровъ, въ которыхъ гибли замки и монастыри. Въ провинціи Франкшконтэ послѣ взятія Бастиліи сожигали каждую ночь, по крайней мѣрѣ, по одному монастырю или замку; въ провинціи Дофинэ въ теченіе 14-ти дней было сожжено 240 замковъ. Старинные документы, владѣльческія грамоты бросались въ огонь, и тѣ представители привиллегированныхъ сословій, которые возбудили противъ себя преимущественную ненависть крестьянъ, подвергались избіенію. Много землевладѣльцевъ скиталось по странѣ, ища убѣжища; много ихъ бѣжало заграницу. Образовались разбойничьи шайки, которыя наводили страхъ на страну и повсюду жгли, грабили и убивали. Многовѣковое крѣпостное право фактически пало во Франціи, благодаря этому грозному массовому напору крестьянъ, и всего черезъ $2^1/_2$ недѣли послѣ взятія Бастиліи буржуазіи и дворянству, засѣдавшимъ въ Учредительномъ Собраніи, не оставалось ничего другого, какъ признать этотъ фактъ, что и было сдѣлано въ знаменитомъ ночномъ засѣданіи 4 августа, сразу сметшемъ всѣ привиллегіи, титулы и чины, связанные съ происхожденіемъ.

Аналогичныя вещи происходили въ Германіи и Австріи въ 1848 году, причемъ наиболѣе высокой степени достигло возбужденіе крестьянъ въ нѣмецкихъ государствахъ Баденѣ и Вюртембергѣ. Когда крестьяне увидѣли, что, пользуясь волненіями въ городахъ, они могутъ сбросить съ себя феодальныя повинности, они пришли въ броженіе и стали „собираться толпами, словно пчелы, когда ихъ выгоняютъ изъ улья“. Крестьяне стали нападать на замки землевладѣльцевъ-дворянъ, особенно такихъ, довѣренные которыхъ возбудили ненависть своей жестокостью. Феодальные документы, книги для записи долговъ и денежныхъ взносовъ бросались въ огонь. Во многихъ случаяхъ крестьяне заставляли самихъ помѣщиковъ сжигать бумаги. Въ замкѣ Гогенлоэ пламя перекинулось на самое зданіе, и значительная часть его сгорѣла. Тѣмъ, кто хотѣлъ тушить, они препятствовали съ оружіемъ въ рукахъ. Кое-гдѣ они устраивали также еврейскіе погромы. Помѣщики пришли въ ужасъ и поспѣшили добровольно отказаться отъ своихъ феодальныхъ правъ. Это сразу успокоило крестьянъ, и скоро они впали въ прежнюю апатію и неподвижность. Революціи нечего было въ дальнѣйшемъ на нихъ разсчитывать.

Повсемѣстыя возстанія крестьянъ придаютъ революціи большую силу, но крестьяне, вообще говоря, союзникъ непрочный. Добившись сверженія феодализма, пріобрѣтши участокъ земли, они успокаиваются, и отнынѣ у нихъ преобладающей является мысль только о сохраненіи пріобрѣтеннаго. Они одобряютъ совершенный въ столицѣ перево-

ротъ, потому что онъ способствовалъ измѣненію ихъ собственнаго положенія, но если во главѣ правительства станутъ прежній или новый король или какой-нибудь выскочка императоръ и обѣщаютъ крестьянамъ, что добытое ими за ними же останется, то они будутъ очень рады и охотно будутъ давать ему свои голоса, и никакъ не поймутъ они неугомонныхъ смутьяновъ, городскихъ голоштанниковъ, которые все не хотятъ еще успокоиться, все еще бунтуютъ и мутятъ, и мѣшаютъ водвориться „порядку“. Однимъ словомъ, крестьяне очень скоро дѣлаются крѣпкой опорой реакціи.

Если въ странахъ съ сохранившимся крѣпостнымъ правомъ или (какъ у насъ въ Россіи) со значительными пережитками его, революція встрѣчаетъ въ крестьянахъ, по крайней мѣрѣ, сначала многочисленныхъ, хотя малосознательныхъ союзниковъ, то тамъ, гдѣ крѣпостное право уже окончательно исчезло,—крестьяне встрѣчаютъ переворотъ чаще всего равнодушно, иногда прямо враждебно. Іюльская революція въ Парижѣ въ 1830 г. была принята деревней безъ сопротивленія, но и безъ энтузіазма. То же самое было въ 1870 г. при сверженіи 2-ой имперіи. Коммуна была встрѣчена съ ненавистью. Итальянскія революціи двадцатыхъ годовъ и 1848 года тоже не встрѣтили замѣтнаго отклика въ деревняхъ, и среди добровольцевъ въ борьбѣ за объединеніе Италіи было много рабочихъ, студентовъ и другой учащейся молодежи, но крестьянъ было чрезвычайно мало.

Иногда же крестьяне цѣлыхъ областей, выходя изъ соннаго своего состоянія, подымались съ косами и дрекольями не въ защиту революціонеровъ или повстанцевъ, а „за вѣру, царя и отечество“. Такую цѣль имѣло страшное возстаніе провинцій Ванде во Франціи противъ рев. конвента, начавшееся въ 1793 году, стоившее массы жертвъ и сопровождавшееся съ обѣихъ сторонъ невѣроятнѣйшими жестокостями.

Такую же реакціонную роль сыграли крестьяне въ Галиціи въ 1846 году. Когда поляки подняли возстаніе противъ австрійскаго правительства, австрійскій Плеве—Меттерниxъ—устроилъ погромъ противъ польскихъ помѣщиковъ. Крестьяне учинили цѣлый рядъ грабежей, поджеговъ и убійствъ, названныхъ „Галиційской рѣзней“. То же самое было и въ Россіи въ Волынской и Подольской губерніяхъ во время польскаго возстанія 1863 года.

Таково отношеніе *деревни* къ революціи, вспыхнувшей въ столицѣ. Что касается *городовъ*, то они въ общемъ слѣдуютъ во всемъ за столицей. Они копируютъ тѣ перевороты, которые происходятъ тамъ, свергаютъ прежнихъ чиновниковъ, замѣняютъ старыя знамена революціонными, выдѣляютъ изъ себя множество горячихъ, пылкихъ сторонниковъ революціи, которые отправляются въ столицу помогать возставшему народу въ борьбѣ съ пытающимся под-

нять голову старымъ режимомъ. Особенную извѣстность получили „Марсельскіе патріоты“, которые въ 1792 г. двинулись пѣшкомъ изъ южнаго приморскаго города Франціи Марселя въ Парижъ и тамъ принимали участіе въ знаменитомъ дѣлѣ 10 августа 1792 г. — взятіи Тюльери. Они-то первые принесли парижанамъ революціонный гимнъ, названный по имени ихъ города *Марсельезой*.

На окраинахъ страны, населенныхъ иноплеменными національностями, „инородцами“, революція въ столицѣ часто вызываетъ національныя возстанія, ставящія себѣ задачей пріобрѣтеніе самостоятельнаго государственнаго существованія. Таковы были, напр., возстанія 1848 года въ Познани (части Пруссіи), въ Шлезвигѣ Гольштиніи, въ Венгріи, въ Ломбардіи. Эти національныя возстанія, ихъ вліяніе на ходъ революціи заслуживаютъ подробнаго разсмотрѣнія и рѣчь о нихъ будетъ въ слѣдующемъ выпускѣ.

* * *

Въ Россіи не повторится того, что было въ Зап. Евр. Провинціи не придется только слѣдовать за столицей. Напоминая о томъ, что буржуазныя революціи Западной Европы нельзя понять, не зная исторіи ихъ *столицъ*, Каутскій пишетъ о нынѣшнемъ времени: „Съ того времени столицы много потеряли въ своемъ политическомъ значеніи. Для пролетарской освободительной борьбы онѣ являются уже далеко не тѣмъ, чѣмъ были для буржуазіи“. Хотя нынѣшняя революція еще не соціальная, но именно потому, что она вызвана въ значительной степени неустанной работой соціалдемократіи среди пролетаріата, замѣчаніе Каутскаго оказывается не только вѣрнымъ, но даже слишкомъ осторожнымъ въ примѣненіи къ Россіи. Въ настоящее время въ броженіи находится *вся страна*, при чемъ окраины революціонизированы далеко сильнѣе, чѣмъ центры. При такихъ условіяхъ, революція въ Россіи напоминаетъ то необъятное пламя, которое вспыхнетъ, если огромное деревянное зданіе, наполненное соломой, стружками и другими горючими веществами и облитое керосиномъ, поджечь со всѣхъ сторонъ.

VII.

МЕДОВЫЙ МѢСЯЦЪ СВОБОДЪ.

а) Развитіе революціонной печати.

Революція сразу сметаетъ цензуру и всѣ прочія многочисленные намордники и колодки, которые реакціонныя

правительства съ такой изобрѣтательностью придумывали и надѣвали на докучливую печать.

Такъ какъ пресса не прогресса,
А крамолы проводница,
А крамолѣ быть на волѣ
Ужъ тѣмъ болѣ не годится, —
Значитъ, нужно для прогресса,
Чтобъ была *подъ прессомъ* пресса.

Вотъ этотъ-то ужасный *прессъ*, отъ котораго избавлялась только нелегальная литература, сразу однимъ ударомъ сбрасывала революція.

Какъ въ жаркихъ странахъ, гдѣ подъ дѣйствіемъ палящаго зноя увядаетъ, погибаетъ вся растительность и замираетъ вся природа, достаточно одного ливня, чтобы все воскресло, чтобы въ одну ночь земля покрылась прекрасной свѣжей зеленью и чтобы голая высохшая пустыня превратилась въ цвѣтущій садъ—такъ и литературная нива становится сразу неузнаваемой подъ вліяніемъ внезапно хлынувшей живительной свободы печати.

Во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ передъ революціями, сметавшими реакціонные режимы, положеніе печати было приблизительно такое же, какъ у насъ до послѣдняго времени, до „весны“. Царитъ безмолвіе кладбища, могилы, и среди этой тишины, какъ писалъ о ней Салтыковъ въ 1882 году, „отъ времени до времени раздается полемика, но односторонняя и какъ-то черезчуръ уже побѣдоносная. Захрюкаетъ вдругъ свинья или кто-нибудь изъ подсвинковъ и поросятъ—и сразу побѣдятъ. Налгутъ, наябедничаютъ и, не вызвавши возраженій, потонутъ въ собственномъ навозѣ. И никто не удивляется, что только изъѣденные трихинами голоса свободно раздаются въ пространствѣ“.

И вдругъ вмѣсто этихъ пользующихся монополіей хрюкающихъ „Московскихъ Вѣдомостей“, „Гражданина“, „Дружескихъ Рѣчей“, Крушевановскаго „Знамени“ и Суворинскаго „Новаго Времени“—какъ изъ земли выростаетъ огромная масса новыхъ журналовъ и газетъ, пріобрѣтающихъ могучее вліяніе, читающихся на расхватъ.

До французской революціи 1789 года было во Франціи чрезвычайно скудное количество газетъ, носившихъ крайне безцвѣтный или вполнѣ реакціонный характеръ. А теперь вся страна была буквально ими наводнена. Всѣ выдающіеся вожди партій завели себѣ свои органы. Но главный, во истину колоссальный успѣхъ выпалъ на долю демократическихъ газетъ. Газета „Парижскія революціи“, издаваемая молодымъ и талантливымъ журналистомъ Лустало, расходилась въ 200,000 экземпляровъ. Огромнымъ успѣхомъ пользовалась также газета блестящаго публициста и агитатора

Камилла Демулена „Революціи Фландріи и Брабанта“, а также органъ Марата „Другъ народа“.

Аналогичныя явленія были въ той же Франціи послѣ революцій 1830, 1848 и 1870 годовъ.

То же самое было и въ другихъ странахъ. Упомянемъ только объ Австріи, интересной тѣмъ, что тамъ революція 1848 года смела знаменитый „Метерниховскій“ режимъ, душившій съ равной силой все живое, но съ особенной любовью печать.

Тамъ сейчасъ же послѣ 13 марта выросла новая пресса, которая большею частью носила яро-революціонный характеръ. Невинные журнальчики для семейнаго чтенія и листки, переполненные сплетнями, превратились въ ракикальные политическіе журналы (напр., „Демократъ“, „Откровенный“, „Конституція“, „Газета улицъ“). Любопытна газета „Конституція“, редакторомъ которой былъ простой шляпочникъ, но онъ поставилъ свою газету такъ умѣло, что ее больше всѣхъ другихъ читали и боялись въ Вѣнѣ. Въ общей сложности въ Вѣнѣ возникло въ этомъ бурномъ году больше 200 газетъ. Въ Германіи самой блестящей газетой, обязанной своимъ существованіемъ революціи, была „Новая Рейнская Газета“, издававшаяся въ Кельнѣ подъ главной редакціей Маркса и Энгельса въ 1848 и 1849 гг.

Свобода печати первое время послѣ революціи бывала безграничная, но сравнительно очень скоро реакція пыталась накинуть на нее узду.*)

б) Свобода собраній, союзовъ, слова и т. п.

Мощные токи свѣжаго воздуха охватываютъ и всѣ остальныя стороны жизни. Куда дѣвалась забитость, пришибленность, молчаливость обывателей? Куда исчезла, въ какія дебри провалились ненавистныя полиція и жандармерія, эти башибузуки, во все вмѣшивающіеся, забирающіе, арестующіе, обыскивающіе, бьющіе и убивающіе? Обыватели глядятъ и не наглядятся, вдыхаютъ волю и не надышутся, слушаютъ рѣчи и никакъ не могутъ освоиться съ мыслью, что не явятся городовые, солдаты или казаки, не разгонятъ, не изобьютъ нагайками и не дадутъ залповъ въ безоружную толпу.

Громадныя собранія въ домахъ и подъ открытымъ небомъ, пламенныя рѣчи ораторовъ, факельныя шествія, съѣз-

*) Напримѣръ, уже черезъ двѣ недѣли послѣ мартовской революціи, въ Вѣнѣ 31-го марта, „либеральный“ министръ Пиллерсдорфъ придумалъ законъ противъ печати, грозившій очень суровыми карами, особенно за оскорбленіе величества. Негодованіе общества, студентовъ и рабочихъ поднялось такой высокой волной, что министръ поспѣшилъ взять свое новорожденное дѣтище обратно.

ды всевозможныхъ партій, безпрерывныя засѣданія и обсужденія въ комитетахъ, коммисіяхъ, клубахъ. На улицахъ жизнь бьетъ ключемъ. Какъ будто вся придушенная, задавленная, притоптанная въ теченіе вѣковъ наглымъ каблукомъ, энергія народная разомъ вырвалась и закружилась. Всѣ собранія, всѣ общественныя засѣданія биткомъ набиты нервной, возбужденной толпой. Въ ресторанахъ за бутылкой пива или вина горячо жестикулируютъ и обсуждаютъ текущія событія почтенные отцы семействъ, бюргеры, купцы, мастеровые.

Національные гвардейцы съ барабаннымъ боемъ, величественно выпятивъ грудь, съ улыбкой блаженства на лицахъ, шествуютъ по улицамъ. По ночамъ студентами и бюргерами устраиваются противъ оконъ болѣе ненавистныхъ реакціонеровъ кошачьи концерты. Изобрѣтаютъ всевозможныя празднества братства, свободы, труда, мира и человѣчества. Сажаютъ въ землю съ торжественными церемоніями при огромномъ скопленіи народу „деревья свободы“. Полныя воодушевленія „пѣсни революціи“ сочиняются поэтами, перелагаются въ бравурную музыку и распѣваются днемъ и ночью, въ домахъ и на улицахъ.

Хорошо, вольно живется буржуазіи и интеллигенціи въ медовый мѣсяцъ революціи. Небо чисто, безоблачно, солнце весело грѣетъ, зима прогнана, и, кажется, что она больше не вернется, и никакія тучи не закроютъ яснаго горизонта.

Лица сторонниковъ стараго режима растеряны и мрачны. Экая напасть! — терзаются они. Кто могъ ожидать нѣчто подобное! Форменное свѣтопреставленіе!

Впрочемъ, утѣшаются они, долго эта вакханалія длиться не можетъ. Будетъ и на нашей улицѣ опять праздникъ. Ежевыя рукавицы и бараній рогъ только спрятались, но они еще не въ могилѣ.

Однако, пока что, революціонная волна стоитъ высоко и подымается все выше. Реакція дѣйствительно въ свое время покажетъ свои когти—но теперь въ медовый мѣсяцъ революціи она приталась.

в) Революціонные клубы.

Самымъ замѣчательнымъ и вліятельнымъ продуктомъ революціи, вызваннымъ къ жизни неограниченной свободой слова и сообществъ, были *политическіе клубы*. Политическій клубъ—это общество людей, держащихся въ большей или меньшей степени одинаковыхъ взглядовъ на важнѣйшіе общественные вопросы. Они устраиваютъ періодически свои засѣданія, въ которыхъ выступаютъ выдающіеся ораторы, и на которыя стекаются тысячи постороннихъ слушателей. Тамъ обсуждаются и рѣшаются животрепещущіе вопросы дня, волнующіе общественное мнѣніе. Клубы имѣ-

ли отдѣленія въ провинціи и вели съ ними оживленныя сношенія письменно и при посредствѣ коммисаровъ. Клубы связывались также между собою посредствомъ центральныхъ клубовъ, носившихъ названіе „клуба клубовъ“. Однимъ словомъ, это чрезвычайно вліятельныя учрежденія, замѣнявшія организованныя политическія *партіи*, которыя являются продуктомъ новаго времени.

Клубъ якобинцевъ.

Первымъ революціоннымъ клубомъ былъ знаменитый клубъ якобинцевъ, возникшій слѣдующимъ образомъ. Когда собрались 5-го мая 1789 года въ Версали Генеральные Штаты, то депутаты изъ провинціи Бретонь, какъ водится у земляковъ, неоднократно собирались вмѣстѣ для предварительнаго обсужденія тѣхъ вопросовъ, которые стояли на очереди въ Національномъ Собраніи. Сходились они въ кафе. Мало по малу къ нимъ приставали видные депутаты-единомышленники изъ другихъ мѣстностей Франціи, напримѣръ, Мирабо, Сіейсъ, Робеспьеръ, Барнавъ, Петіонъ и другіе. Прежнее землячество превратилось въ „Комитетъ“, въ которомъ принимались весьма важныя рѣшенія. Когда послѣ насильственнаго переселенія Людовика XVI въ Парижъ 6 октября, Національное Собраніе тоже перебралось въ столицу, бывшій брестонскій клубъ нанялъ для себя помѣщеніе въ старомъ монастырѣ св. Якова и съ того времени получилъ прозвище якобинскаго клуба. Въ началѣ членами его могли быть только депутаты, но скоро стали принимать и писателей, оказавшихъ чѣмъ-либо услугу дѣлу свободы, и всякихъ другихъ лицъ, по рекомендаціи 6-ти членовъ. Слава этого клуба стала расти съ такой быстротой, что уже въ декабрѣ 1789 года пріѣзжающіе въ Парижъ провинціалы стали являться въ клубъ и просить объ учрежденіи въ провинціи филіальныхъ отдѣленій. Клубъ съ радостью ухватился за эту мысль, и отдѣленія стали выростать, какъ грибы: въ августѣ слѣдующаго года ихъ было уже болѣе 150; еще черезъ годъ (въ іюнѣ 1791 года) ихъ было уже 406; а къ осени 1792 года число филіальныхъ отдѣленій перевалило за тысячу!

Центральное бюро якобинскаго клуба въ Парижѣ состояло изъ предсѣдателя, выбиравшагося на 4 мѣсяца, четырехъ секретарей и казначея. Съ середины 1791 года засѣданія клуба стали публичными, и громадныя толпы народа ломились въ зданіе, когда происходили засѣданія.

Якобинскій клубъ пріобрѣлъ огромнѣйшее вліяніе на ходъ революціи. Онъ сталъ промежуточнымъ звеномъ между народомъ и Національнымъ Собраніемъ, такъ какъ, съ одной стороны, своими филіальными отдѣленіями онъ, словно щупальцами, охватывалъ всю страну и слѣдилъ за малѣйшими проявленіями реакціи, а съ другой стороны, такъ

какъ главными его членами были депутаты Національнаго Собранія (а потомъ Конвента), то онъ вліялъ черезъ нихъ на законодательство и управленіе *). Окраска клуба мѣнялась съ развитіемъ революціи и ствновилась все ярче и краснѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ мѣнялся и составъ его членовъ, менѣе рѣшительные уходили изъ него, а вмѣсто нихъ господствующее положеніе занимали другіе. Робеспьеръ имѣлъ тамъ даже свою ораторскую трибуну, гдѣ онъ ежедневно говорилъ, приготовляясь къ рѣчи въ Національномъ Собраніи.

Возникло въ Парижѣ много и другихъ клубовъ, болѣе или менѣе отличавшихся отъ якобинскаго по своимъ взглядамъ, тактикѣ и размаху. Былъ, напр., клубъ *Кордельеровъ* (называвшійся такъ тоже по имени монастыря, въ которомъ члены его собирались), основанный Дантономъ, Маратомъ и Камилломъ Демуленомъ.

Былъ клубъ Мирабо, равно какъ и клубъ роялистовъ. Но ни одинъ изъ нихъ по своему вліянію не могъ итти ни въ какое, хотя бы отдаленное, сравненіе съ якобинскимъ клубомъ**).

Политическіе клубы во Франціи въ 1848 году.

Французскіе революціонеры 48-го года въ значительной степени жили воспоминаніями и традиціями Вел. Франц. Революціи. Неудивительно поэтому, что первымъ же дѣломъ послѣ февральской революціи и наступленія эры неограниченной свободы было образованіе клубовъ. Народъ былъ буквально опьяненъ идеями свободы, тысячи людей чувствовали потребность говорить и заставить себя слушать, а сотни тысячъ были готовы слушать безъ конца. Клубы выростали съ такой быстротой, что скоро въ одномъ Парижѣ ихъ было уже много сотенъ. Сразу же явилась идея объединить ихъ всѣ между собой посредствомъ центральной организаціи, которая получила названіе „клуба клубовъ“. Она составилась изъ делегатовъ отъ всѣхъ входившихъ въ нее клубовъ. Засѣданія этой центральной организаціи происходили днемъ отъ 12 часовъ до 3 пополудни,

*) Огромное вліяніе на Національное Собраніе (а потомъ на Конвентъ имѣло и Парижское Городское Управленіе, Парижская Община, Коммуна или Ратуша), но оно все же вліяло на революцію только черезъ Собраніе, тогда какъ якобинскій клубъ распространялъ свой авторитетъ и обаяніе на всю Францію и далеко за ея предѣлами.

**) Отъ названія „клуба якобинцевъ“ получилъ кличку „якобинизмъ“, особое рѣшительное направленіе демократіи, стремящееся къ диктатурѣ, прибѣгающее къ террору для устраненія противниковъ и т. д. О немъ, равно какъ о роли Парижской Ратуши, будетъ въ слѣдующемъ выпускѣ.

а вечеромъ делегаты передавали въ свои клубы идеи и планы, возникавшіе въ этомъ центральномъ очагѣ. Когда началась избирательная агитація предъ выборами въ Учредительное Собраніе, этотъ „клубъ клубовъ“ разсылалъ по всей Франціи эмиссаровъ, которые вели дѣятельную агитацію за демократическую республику. Онъ поддерживалъ сношенія съ ярымъ демократомъ и якобинцемъ членомъ Временнаго Правительства и министромъ внутреннихъ дѣлъ — Ледрю Ролленомъ, который выдалъ имъ на агитацію до 200,000 франковъ.

„Клубъ клубовъ“ издавалъ собственную газету „Парижская Коммуна“, имѣвшую огромное распространеніе въ столицѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ могъ бы выработаться въ очень вліятельный революціонный факторъ, въ родѣ Якобинскаго клуба или Парижской Коммуны 1789-1794 годовъ, если бы у него было опредѣленное ясное міровоззрѣніе относительно роли пролетаріата. Такимъ міросозерцаніемъ можетъ быть только „научный соціализмъ“, который ровно годомъ раньше получилъ яркое выраженіе въ „Коммунистическомъ манифестѣ“ Маркса. Но въ дѣйствительности, въ головахъ членовъ „клуба клубовъ“ была настоящая мѣшанина изъ демократическихъ, якобинскихъ и отчасти соціалистическихъ идей. Они почти цѣликомъ жили воспоминаніями 1793 года, а время между тѣмъ было теперь иное...

Безусловно самымъ замѣчательнымъ и вліятельнымъ изъ отдѣльныхъ клубовъ былъ тотъ, гдѣ предсѣдателемъ былъ Бланки, этотъ по выраженію Маркса, шефъ рабочихъ. Помѣщался клубъ въ театрѣ Бержеръ, и наплывъ народа туда въ часы засѣданій былъ такъ великъ, что лишь только открывали дверь, залъ моментально переполнялся. То и дѣло подъѣзжали экипажи; крупная буржуазія стремилась посмотрѣть и послушать этого человѣка, имя котораго постоянно звучало въ ихъ ушахъ, какъ угроза; вождя партіи, идеи которой расшатывали существующій порядокъ вещей до основанія и котораго считали способнымъ на самыя крайнія мѣры и рѣшенія. Вокругъ Бланки группировалось много молодыхъ, блестящихъ талантовъ: художники, ученые, рабочіе.

Нѣсколько уступалъ по вліянію этому клубу другой, въ которомъ главенствовалъ Барбесъ, тоже соціалистъ, старый товарищъ Бланки по разнымъ заговорщицкимъ организаціямъ *), сдѣлавшійся однако непримиримѣйшимъ его врагомъ. Временное Правительство всевозможными способами стараясь раздувать эту взаимную ненависть, которая была такъ на руку всѣмъ противникамъ соціализма, пустило

*) См. напр. „Какъ происходили революціи въ Западной Европѣ“, выпускъ I, глава послѣдняя: „Общество Временъ года“.

слухъ, что Бланки предатель. Барбесъ ухватился за эту мерзкую выдумку, и неисчислимъ тотъ вредъ, который причиненъ былъ дѣлу пролетаріата возникшими дрязгами и взаимообвиненіями въ самый важный моментъ — во время избирательной агитаціи.

Изъ массы другихъ клубовъ 48 года въ Парижѣ отмѣтимъ еще клубъ Кабе, насчитывавшій болѣе 5000 членовъ, которые, не преслѣдуя политическихъ задачъ, задались цѣлью осуществить утопію своего учителя и устроить соціалистическую общину въ Америкѣ.

Были и женскіе клубы, находившіеся подъ вліяніемъ великой французской писательницы Жоржъ Зандъ, ярой демократки и агитаторши за освобожденіе женщины отъ ярма безправія.

* * *

И въ различныхъ городахъ Германіи и въ Австріи возникали въ 1848 году всевозможные клубы, напр. „Народный клубъ“, „Демократическій клубъ“, „Клубъ защиты народныхъ правъ“, но они значительно уступали по значенію, размаху и вліянію французскимъ клубамъ.

У насъ въ Россіи революціонное броженіе уже создало оригинальное явленіе въ формѣ всевозможныхъ „союзовъ“, обнимающихъ интеллигентныхъ работниковъ всевозможныхъ *профессій*, напримѣръ, „союзъ литераторовъ“, „союзъ инженеровъ“ и т. д., а также людей, поставившихъ себѣ одну опредѣленную задачу, напр., союзъ эмансипаціи женщины, союзъ равноправія евреевъ и т. д. Аналогично парижскому „клубу клубовъ“, созданъ у насъ уже и „союзъ союзовъ“.

Для соціалдемократіи въ настоящей революціи клубы не могутъ играть старой роли. Значеніе прежнихъ клубовъ было двоякое: агитаціонное и организаціонное. Соціалдемократія же для агитаціи пользуется и будетъ пользоваться прессой, собраніями и митингами, а для организаціи революціонныхъ силъ и давленія на правящіе классы служитъ *партія*. Соціалдемократическое движеніе, какъ движеніе пролетаріата, т. е. широкихъ массъ, переросло старыя рамки „клубовъ“, „союзовъ“.

ОТДѢЛЪ II.

ПОЯВЛЕНІЕ НА СЦЕНѢ УЧРЕДИТЕЛЬНАГО СОБРАНІЯ.

VIII.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ СОЗЫВУ УЧРЕДИТЕЛЬНАГО СОБРАНІЯ. ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАКОНЪ.

Предыдущій отдѣлъ озаглавленъ у насъ переходнымъ временемъ. И дѣйствительно, все, что описывалось выше, носитъ характеръ чего-то промежуточнаго. Временно само правительство, временны его декреты, налоги имъ взимаемые и вновь вводимые, его мѣропріятія противъ безработицы, уступки, вырываемыя у него революціонными массами. У всѣхъ рѣшительно, и у сторонниковъ революціи, и у реакціонеровъ, и у буржуазіи, и у рабочихъ, и у министровъ, и у народа все время господствуетъ одно ощущеніе:

Вотъ пріѣдетъ баринъ,
Баринъ насъ разсудитъ.

Этотъ баринъ—Учредительное Собраніе, народные представители. На него разсчитываютъ, возлагаютъ надежды, его опасаются, къ нему заранѣе аппелируютъ, противъ него ужъ наперед строятъ казни. Воплощенію „суверенитета народа", Учредительному Собранію, предстоитъ назначить постоянное правительство, утвердить или отмѣнить сдѣланное за переходное время, принять опредѣленную позицію, съ одной стороны, по отношенію къ реакціонерамъ и съ другой—по отношенію къ партіямъ пролетаріата.

Трагическое положеніе революціонныхъ классовъ заключается въ томъ, что, одолѣвъ послѣ безконечныхъ страданій и многочисленныхъ кровавыхъ жертвъ вѣковое самодержавіе тирановъ и привиллегіи аристократовъ и поповъ, они вынуждены передать свою побѣду, свои требованія и выговоренныя права на усмотрѣнія собранія представителей всей націи, включающаго въ себя, на ряду съ революціонными элементами, и элементы равнодушные, колеблющіеся и враждебные революціи.

У древнихъ была легенда про сфинкса, таинственное существо со львинымъ туловищемъ и женской головой,

которое задавало людямъ загадки и, такъ какъ никто ихъ не умѣлъ рѣшать, то оно тутъ же ихъ и пожирало. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока мудрый Эдипъ не разрѣшилъ загадки. Тогда чудовище бросилось съ отчаянья съ утеса и погибло. Такимъ загадочнымъ и грознымъ сфинксомъ стояло всегда передъ искренними революціонерами и представителями пролетаріата будущее Учредительное Собраніе. Поймете ли мѣщанство и невѣжественная деревенщина стремленія революціонеровъ и соціалистовъ? А если не поймете, если мира между ними не будетъ, то кто погибнетъ? Революція или Собраніе? Или оба вмѣстѣ?

Что будетъ задавать тонъ этому сфинксу — его могучее львиное туловище или женская голова? Какъ будетъ держать себя Учредительное Собраніе по отношенію къ остающемуся еще на тронѣ и жаждущему возврата къ прошлому королю или императору? Поведетъ ли оно себя съ достоинствомъ, мужественно и гордо, или будетъ заискивать, уступать, искать золотой середины. Будетъ ли оно себя вести, какъ Французскіе Генеральные Штаты или какъ Прусская Палата Соглашенія? Наполнитъ ли оно страну смѣлыми, великими рѣшеніями и дѣлами, или трескучей, праздной болтовней?

Таково положеніе, полное мучительной неизвѣстности. Такова неизбѣжная тягостная доля всякой революціи, пока она не станетъ соціальной революціей. Виновата въ этомъ относительно численная слабость революціонныхъ классовъ и неизбѣжность среди нихъ расколовъ подъ вліяніемъ развитія и обостренія классовыхъ антагонизмовъ.

Революціонные классы безсильны противъ существующаго соотношенія общественныхъ силъ въ странѣ, потому что оно зависитъ только отъ степени капиталистическаго развитія, отъ состоянія производительныхъ силъ. Но какъ ни мало благопріятно для революціи это соотношеніе общественныхъ силъ, благодаря преобладанію деревни надъ городомъ и относительной малочисленности промышленнаго пролетаріата, — господствующіе классы стремятся еще *извратить* въ свою пользу эти соотношенія въ томъ Собраніи, которое въ идеѣ должно правильно отражать истинную группировку классовъ. Съ этимъ зломъ революціонеры могутъ и должны бороться самымъ энергичнымъ образомъ. И они, дѣйствительно, въ состояніи въ значительной степени парализовать то беззастѣнчивое усердіе, съ которымъ буржуазія стремится подмѣнить своими собственными депутатами представительство народа. Извратить же составъ будущаго Учредительнаго Собранія можно, во-первыхъ, искусственнымъ подборомъ и выдѣленіемъ избирателей, т. е. характеромъ *избирательнаго закона*, а во-вторыхъ, искусственными и тенденціозными условіями, въ которыхъ будутъ проходить *предвыборная агитація* и производиться самые *выборы*.

Избирательный законъ вообще.

Кто даетъ избирательный законъ, т. е. кто опредѣляетъ, кому изъ народа быть избирателемъ и какъ подавать свой голосъ? Очевидно тотъ, кто созываетъ Собраніе. Созывать же его можетъ, какъ мы уже видѣли, либо та же правящая клика (хотя и съ другими министрами), которая царствовала до революціи и пошла на уступки, либо революціонное Временное Правительство. Примѣры перваго мы видимъ во Франціи въ 1789 году, въ Пруссіи и Австріи въ 1848 году, примѣры второго мы можемъ видѣть во Франціи въ 1848 и 1871 году.

Избирательное право можетъ быть полное и ограниченное. Оно можетъ быть *всеобщимъ* и групповымъ, *равнымъ* и множественнымъ; подача голосовъ можетъ быть *прямая* и косвенная, *тайная* и открытая. Ни демократія, ни тѣмъ болѣе соціалдемократія не можетъ примириться съ иной формулой, кромѣ *всеобщаго, равнаго, прямого* и *тайнаго* избирательнаго права.

Но ни правящимъ кликамъ, ни буржуазіи, какъ классу, эта формула не можетъ нравиться, такъ какъ она мало благопріятствуетъ извращенію въ ихъ пользу соотношенія общественныхъ силъ. Они всегда захотятъ и постараются обрѣзать въ ней одинъ конецъ, превратить въ противоположность другой, изуродовать середину. И они это сдѣлаютъ, если сразу не встрѣтятъ могучаго противодѣйствія со стороны демократическихъ и революціонныхъ элементовъ. Малѣйшее отклоненіе отъ этой формулы даетъ ужъ сильнѣйшее извращеніе народнаго представительства и значительный перевѣсъ въ пользу реакціонныхъ и буржуазныхъ партій. Избирательный законъ — это фундаментъ. Ничтожное отступленіе *здѣсь* отъ строительной формулы — и зданіе выйдетъ шаткимъ и непрочнымъ.

Избирательный законъ въ 1789 году.

Генеральные чины, созванные послѣ долгихъ и мучительныхъ колебаній Людовикомъ XVI, были учрежденіемъ сословнымъ, подобно нашимъ старинным Земскимъ Соборомъ или нынѣшнему Финляндскому Сейму. Они состояли изъ трехъ чиновъ: дворянства, духовенства и „третьяго сословія“, подъ которымъ подразумѣвалось остальное населеніе, не привиллегированное. Таковымъ былъ этотъ Соборъ земскихъ чиновъ въ 1615 году, когда онъ былъ созванъ въ послѣдній разъ. Въ такомъ же видѣ хотѣлъ собрать ихъ и Людовикъ XVI. Всѣхъ депутатовъ предполагалось 1200 человѣкъ *поровну* между всѣми тремя сословіями. Но въ такомъ случаѣ оба привиллегированныя сослові —дворянство и духовенство всегда имѣли бы готовое большинство по всѣмъ вопросамъ. При такихъ условіяхъ созывать чины

было вполнѣ безсмысленнымъ и безцѣльнымъ. Третье сословіе начало протестовать и пришлось уступить. Король повелѣлъ разверстать число депутатскихъ мѣстъ такимъ образомъ, чтобы третье сословіе получило половину, т. е. 600, оба привиллегированныхъ сословія по 300. Но согласившись на такую уступку, дворъ задумалъ сейчасъ же ее парализовать тѣмъ, чтобы голосованіе по каждому вопросу производилось по сословіямъ: каждое сословіе будетъ имѣть 1 голосъ, такъ что большинство все-таки будетъ обезпечено за дворянствомъ и духовенствомъ. Какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, этотъ хитроумный планъ разбился о сопротивленіе депутатовъ третьяго сословія.

Мало того, въ то время, какъ духовенство и дворянство избирали своихъ депутатовъ непосредственно, третьему сословію были предписаны косвенные выборы, двухстепенные и даже трехстепенные: избиратели посылали выборщиковъ, эти послѣдніе со всей округи съѣзжались въ одно мѣсто и выбирали уже депутатовъ; но чаще они выбирали новыхъ выборщиковъ, которые съѣзжались со всего „сенешальства“ *) въ главный городъ его и тамъ, наконецъ, выбирали депутатовъ.

Правомъ голоса въ третьемъ сословіи пользовался лишь тотъ, кто, во-первыхъ, былъ не моложе 25 лѣтъ, во-вторыхъ, либо занималъ какую-нибудь *должность*, либо имѣлъ *чинъ*, либо былъ *мастеромъ*, либо, наконецъ, платилъ прямыхъ налоговъ не менѣе 6 франковъ ($2^1/_4$ руб.) въ годъ.

Такимъ образомъ, избирательное право не было ни всеобщимъ, ни равнымъ, потому что малочисленныя два верхнія сословія посылали столько же депутатовъ, сколько 20-милліонное 3-ье сословіе, ни прямымъ, ни тайнымъ. Къ тому же оно было еще сословнымъ. Если, несмотря на все это, депутаты 3-го сословія оказались факторомъ революціоннымъ, то это, во-первыхъ, потому, что вся Франція, кромѣ привиллегированныхъ кастъ, была настроена въ высшей степени оппозиціонно противъ господствовавшаго режима, а, главное, потому, что революціонное парижское населеніе — мелкая буржуазія и пролетаріатъ *толкали* депутатовъ 3-го сословія къ рѣшительнымъ заявленіямъ и дѣйствіямъ, на которыя безъ того у нихъ не хватило бы мужества.

Избирательный законъ 1792 года.

Прошло послѣ созыва Генеральныхъ Штатовъ немного болѣе трехъ лѣтъ, и Франціи понадобилось новое Учредительное Собраніе, на этотъ разъ дѣйствительно народное. Произошло это сейчасъ послѣ знаменитаго и чреватаго огромными послѣдствіями дня 10 августа 1792 года, когда на-

*) Сенешальствомъ назывался судебный округъ.

рижскій народъ взялъ приступомъ Тюльерійскій дворецъ съ королемъ и королевскимъ семействомъ. Людовикъ XVI, предательски вступившій въ переговоры съ иностранными державами и накликавшій ихъ нашествіе на Францію для возврата стараго режима, былъ свергнутъ съ престола, заключенъ съ женой и наслѣдникомъ въ тюрьму и преданъ суду. Монархія прекратила свое существованіе. Надлежало учредить республику и выработать новую конституцію—республиканскую, демократическую. Прежняя конституція, выработанная первымъ Учредительнымъ Собраніемъ, никуда не годилась. Она сохраняла королевскую власть, давала ей право veto, т. е. право на много лѣтъ пріостанавливать и дѣлать недѣйствительнымъ всякое постановленіе Собранія, дѣлила гражданъ на активныхъ и пассивныхъ, такъ что избирательнымъ правомъ пользовался лишь тотъ, кто платилъ *прямыхъ* налоговъ не ниже $1^1/_2$ франковъ („трехдневной заработной платы"), запрещала экономическіе союзы и т. д.

И вотъ 10 августа, т. е. подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что произведеннаго побѣдоноснаго штурма королевскаго дворца и подъ давленіемъ возбужденныхъ народныхъ массъ, Законодательное Собраніе *) постановило созвать на 21 сентября Всенародное Учредительное Собраніе подъ названіемъ Національнаго Конвента. Избирательный законъ, выработанный для членовъ Конвента Законодательнымъ Собраніемъ, былъ составленъ подъ сильнымъ давленіемъ партіи Горы (монтаньяровъ), представлявшей революціонную мелкую буржуазію и пролетаріатъ, тѣмъ не менѣе онъ заключалъ 3 существенныхъ уклоненія отъ истинно-демократической формулы: во-первыхъ, избирательныя права не были распространены на женщинъ, во-вторыхъ, возрастъ избирателей былъ назначенъ не ниже 25 лѣтъ, а, въ третьихъ, выборы остались косвенными. Тщетно протестовалъ, противъ этого послѣдняго ограниченія въ своемъ журналѣ Маратъ; остальные монтаньяры не проявили здѣсь достаточно энергіи.

Въ результатѣ, созванный Конвентъ имѣлъ въ большинствѣ своемъ такъ называемыхъ жирондистовъ, т. е. умѣренную фракцію республиканцевъ. Монтаньяровъ же было гораздо меньше и только благодаря бурнымъ опасностямъ, надвигавшимся на Конвентъ со всѣхъ сторонъ, и извнѣ и извнутри Франціи, монтаньярамъ удалось, опираясь на революціонное населеніе Парижа, насильственно пріобрѣсти въ Конвентѣ большинство, заставивъ его исключить изъ своей среды значительное число жирондистскихъ депутатовъ.

---

*) Національное Собраніе, смѣнившее съ 29-го сентября 1791 года Учредит. Собраніе и выбранное на основаніи составленной послѣднимъ конституціи.

Избирательные законы въ 1848 году.

Почти вполнѣ удовлетворяетъ демократическимъ требованіямъ избирательный законъ, выработанный послѣ Февральской революціи Временнымъ Правительствомъ для выборовъ въ Учредительное Собраніе. Послѣ того, какъ іюльская революція 1830 года нагло обманула надежды мелкой буржуазіи и пролетаріата, давъ имъ вмѣсто одного короля другого, вмѣсто господства родовой аристократіи и клира владычество денежнаго мѣшка, вмѣсто ценза для обладанія избирательнымъ правомъ въ 300 франк. прямыхъ налоговъ цензъ въ 200 франковъ,—послѣ такого безстыднаго обмана, парижскіе рабочіе не могли дать себя еще разъ одурачить. Временное Правительство, въ составъ котораго входили не только 2 р*шительныхъ демократа, но даже 2 соціалиста, не рѣшилось бы даже и предложить иной избирательной формулы, кромѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. О женщинахъ, впрочемъ, и тутъ не было рѣчи. *)

Формула всеобщаго, равнаго избирательнаго права стала съ этого момента лозунгомъ для всѣхъ революцій 1848 года. Въ главнѣйшихъ государствахъ ее удалось провести для Учредит. Собраній почти въ полномъ объемѣ, несмотря на усиленное противодѣйствіе реакціонеровъ. Но подобно монтаньярамъ 1792 года, германскіе и австрійскіе демократы 1848 года недостаточно настойчиво отнеслись къ требованію *прямыхъ* выборовъ, получили поэтому косвенные и тѣмъ значительно испортили дѣло.

Такъ какъ опытъ европейскихъ революцій показываетъ, что въ избирательной формулѣ чаще всего приносится въ жертву требованіе прямыхъ выборовъ и не столько потому, что его нельзя провести, сколько потому, что на немъ не настаиваютъ, то считаемъ нелишнимъ остановиться нѣсколько на этомъ пунктѣ и показать, почему косвенные выборы даютъ невѣрную картину дѣйствительныхъ классовыхъ отношеній, существующихъ въ странѣ, и притомъ всегда въ пользу господствующихъ классовъ.

Прямые и косвенные выборы.

Нѣмецкій писатель Эйхлеръ на одномъ изъ многолюдныхъ народныхъ митинговъ, происходившемъ въ Берлинѣ 10 апрѣля, черезъ три недѣли послѣ мартовской революціи, такъ разъяснялъ слушателямъ преимущество прямыхъ выборовъ передъ косвенными. „Если вамъ нуженъ товаръ, то что лучше: купить его изъ первыхъ рукъ или изъ вторыхъ?“

*) Революціи 1870 и 1871 года во Франціи, разумѣется, не сдѣлали шага назадъ по сравненію съ 1848 годомъ и повторили избирательную формулу этого послѣдняго года.

—„Конечно, изъ первыхъ!“—отвѣтила толпа.—„Превосходно—согласился ораторъ — изъ первыхъ рукъ вы получаете народныхъ представителей, если будутъ прямые выборы, а изъ вторыхъ рукъ,—если прибѣгнете къ посредству маклеровъ—выборщиковъ. То самое, что вы, пріобрѣтая изъ первыхъ рукъ, получили бы лучшимъ и болѣе дешевымъ путемъ, это самое господинъ Кампгаузенъ („либеральный мартовскій“ министръ) хочетъ предоставить вамъ изъ вторыхъ рукъ и хуже, и дороже“.

Итакъ, одна изъ первыхъ, бросающихся въ глаза, вредныхъ сторонъ косвенныхъ выборовъ заключается въ томъ, что между избирателемъ и депутатомъ становится „маклеръ“—выборщикъ. Когда я *лично* защищаю свои интересы, то я никогда не стану, по крайней мѣрѣ, сознательно дѣйствовать во вредъ себѣ. Слѣдовательно, при *непосредственномъ народномъ законодательствѣ*, когда вся община стекается на сходъ и тамъ, безъ депутатовъ, прямо рѣшаетъ свои дѣла *), воля народа выражается безъ всякаго извращенія. Но въ большихъ государствахъ невозможно законодательство иначе, какъ посредствомъ выборныхъ представителей. Уже здѣсь возможна неточная передача депутатами воли пославшихъ ихъ. Но если народъ посылаетъ не самихъ депутатовъ, а только выборщиковъ; если разные выборщики изъ различныхъ деревень и мѣстечекъ съѣзжаются въ одно мѣсто и тамъ избираютъ депутата, то послѣдній совершенно чуждъ первичнымъ избирателямъ; ни они его не знаютъ, ни онъ ихъ. Онъ чувствуетъ себя совершенно независимымъ, и поэтому составъ выбранныхъ такимъ путемъ депутатовъ весьма плохо соотвѣтствуетъ истинному соотношенію настроеній, желаній въ странѣ.

При этой системѣ облегчается также возможность подкупа тѣхъ, которые выбираютъ депутата. Если выборы прямые, то число избирателей, посылающихъ 1 депутата, очень велико, такъ какъ 1 депутатъ приходится на 50 тысячъ жителей, а то и на цѣлую сотню тысячъ. Пуститься при такихъ условіяхъ въ ходъ подкупъ вещь нестоющая, особенно при *тайной* подачѣ голосовъ, когда подкупающій не можетъ даже быть увѣренъ, что его денежки не пропадутъ даромъ, что подкупленный не обманетъ его и не возметъ денегъ со всѣхъ кандидатовъ одновременно. — Но совсѣмъ другое дѣло при косвенныхъ выборахъ, при которыхъ избраніе депутата зависитъ уже отъ выборщиковъ, число которыхъ весьма ограничено: Напр., для выборовъ въ Прусскую Палату Соглашенія 1848 г. полагалось на 500 человѣкъ 1 выборщикъ. Слѣдовательно при пропорціи 1 депу-

*) Такъ было въ древнихъ небольшихъ государствахъ, въ швейцарскихъ кантонахъ и т. п. Въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ непосредственное народное законодательство сохранилось и по сію пору.

татъ на 50,000 жителей, выходитъ, что на 1 депутата понадобится 100 выборщиковъ. Для того, чтобы обезпечить выборъ своего кандидата, надо привлечь приблизительно 50 выборщиковъ на свою сторону, что не богъ вѣсть, какъ трудно; часть и безъ того на твоей сторонѣ, часть привлечена обѣщаніемъ теплаго мѣстечка, часть прямымъ подкупомъ.

При такихъ условіяхъ первичныхъ избирателей очень мало тянетъ итти къ урнамъ терять время для подачи голоса. Когда онъ знаетъ, что его голосъ имѣетъ вѣсъ, что отъ него непосредственно зависитъ произвести наклонъ чашки вѣсовъ въ ту или другую сторону, то онъ идетъ охотно. Но терять время ради какого-нибудь выборщика, зная, что твой голосъ почти не имѣетъ вліянія на выборъ депутата—далеко не всякому пріятно. Въ результатѣ большая масса народа вовсе не интересуется выборами и процентъ уклонившихся отъ подачи голосовъ куда выше при косвенныхъ выборахъ, чѣмъ при прямыхъ. А это опять-таки только на руку господствующимъ классамъ.

Если все это принять во вниманіе, то станетъ понятно, почему либеральная буржуазія такъ цѣпко держится за косвенные выборы. Въ 1848 году во всей Германіи и Австріи, министры и либералы въ одинъ голосъ твердили, что народъ „не созрѣлъ еще для прямыхъ выборовъ“.

И оппозиція эта была такъ настойчива, а съ другой стороны демократы такъ халатно отнеслись къ этому пункту, что косвенные выборы такъ-таки уцѣлѣли. 14 мая 1848 г. прусскіе демократы собирались устроить въ Берлинѣ грандіозную демонстрацію для протеста противъ двухстепенныхъ выборовъ, на основаніи которыхъ министерство собиралось созвать Палату. На приготовленныхъ для этого шествія знаменахъ были надписи: „Прямые выборы, долой выборщиковъ, самыя широкія полномочія и свобода!“ Но эта манифестація, въ которой предполагалось участіе до 50,000 человѣкъ, какъ и большинство берлинскихъ демонстрацій, не удалась.

Какъ разъ на слѣдующій день произошло въ Вѣнѣ успѣшное возстаніе народа противъ министерства, вызванное тѣмъ, что послѣднее издало декретъ о распущеніи Центральнаго Комитета, составленнаго изъ представителей Національной гвардіи и Академическаго легіона. *) Перепуганный министръ Пиллерсдорфъ отмѣнилъ свое распоряженіе и удовлетворилъ остальныя требованія, но двухстепенность выборовъ спасъ, спасъ только потому, что демократы упустили изъ виду потребовать прямыхъ выборовъ. Когда они спохватились, было уже поздно. Министръ хорошо понималъ, что изъ-за этого вопроса ему не устроятъ новаго возстанія, и потому, когда къ нему явился для от-

*) См. глава V.

мѣны двухстепенности видный вожакъ демократовъ д-ръ Таузенау, то онъ ограничился насмѣшливымъ замѣчаніемъ, что онъ, министръ, не представляетъ себѣ даже, какъ устраиваются прямые выборы.

Здѣсь мы видимъ лишнее доказательство того, что всегда надо предъявлять и отстаивать полный списокъ основныхъ требованій. Упущенное гораздо труднѣе дополучить потомъ. „Что съ возу упало, то пропало".

Впрочемъ, повторяемъ, главная причина неуспѣха по данному вопросу заключалась въ недостаточной оцѣнкѣ преимуществъ прямыхъ выборовъ со стороны самихъ демократовъ. Иначе, при новомъ своемъ, опять-таки имѣвшемъ полный успѣхъ, возставніи 26 мая, вызванномъ распоряженіемъ министерства о распущеніи Академическаго легіона, они добились бы безъ всякихъ затрудненій и прямыхъ выборовъ, если бы на нихъ настаивали.

Либералы любятъ ссылаться въ подтвержденіе того, что косвенные выборы даютъ хорошіе результаты, на дѣятельность французскаго Учредительнаго Собранія 1789 года и Конвента. Но мы уже показали выше, что боевой характеръ перваго Собранія (въ начальную пору его работы) и революціонный демократизмъ Конвента произошли не *благодаря* косвеннымъ выборамъ, а *несмотря* на нихъ.

Выводы.

Намъ остается только повторить и сгруппировать то, что уже было нами выше высказано. Опытъ западноевропейскихъ революцій, въ отношеніи избирательнаго закона, учитъ насъ двумъ вещамъ:

Во-первыхъ, нѣтъ и не можетъ быть для соціалдемократіи иной формулы, какъ однопалатное полномочное Всенародное Учредительное Собраніе, созванное посредствомъ всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосовъ безъ различія пола, національности и религіи, начиная съ 20-лѣтняго возраста.

Во вторыхъ, требованіе это должно быть предъявлено Временному Правительству *въ первый моментъ* непосредственно послѣ торжества революціи, одновременно съ выборами этого Правительства, какъ непремѣнное условіе, наряду съ другими непреложными основными требованіями—какъ полная неограниченная свобода слова, печати, собраній, союзовъ, съѣздовъ, стачекъ, неприкосновенность личности и т. д.

Одновременно же надо потребовать назначенія *срока* созыва Учредительнаго Собранія, который, какъ увидимъ въ слѣдующей главѣ, далеко не безразличенъ для состава Учредительнаго Собранія, а слѣдовательно, для успѣха революціи.

IX.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ СОЗЫВУ УЧРЕДИТЕЛЬНАГО СОБРАНІЯ.

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ АГИТАЦІЯ.

Важное значеніе избирательной агитаціи.

Даже при идеальномъ избирательномъ правѣ и полномъ отсутствіи прямого давленія или подкупа со стороны реакціонныхъ и буржуазныхъ элементовъ, составъ Учредительнаго Собранія и распредѣленіе партій въ немъ все же далеко не будетъ соотвѣтствовать классовой группировкѣ населенія, соотношенію дѣйствительныхъ интересовъ различныхъ классовъ страны. Огромнымъ препятствіемъ къ вѣрному отраженію группировки является *невѣжество*.

Если бы, напр., сто тысячъ рабочихъ всѣ понимали свои *классовые* интересы, то они не могли бы голосовать за иного кандидата, кромѣ соціалдемократа. Если бы сто тысячъ мелкихъ собственниковъ-крестьянъ опять-таки вполнѣ правильно понимали свои *классовые* интересы, то они голосовали бы всѣ, если не за соціалдемократовъ, то за послѣдовательныхъ демократовъ. Но въ дѣйствительности, число поданныхъ голосовъ за означенныхъ кандидатовъ въ каждомъ изъ взятыхъ примѣровъ будетъ значительно, весьма значительно отклоняться отъ сотни тысячъ, причемъ отклоненіе будетъ для крестьянъ гораздо болѣе, чѣмъ для рабочихъ. Причина — *непониманіе* своихъ классовыхъ интересовъ, увлеченіе личными временными интересами, *незнаніе* программъ соціалдемократовъ и демократовъ, *неумѣнье* критически разбираться во всевозможныхъ сплетняхъ, клеветахъ, обманахъ, практикуемыхъ въ изобиліи реакціонными агитаторами, кулаками, попами, писарями и т. п. Причина, однимъ словомъ — невѣжество, умственная отсталость.

Единственнымъ средствомъ, если не побороть, то значительно ослабить вліяніе этого вѣкового зла, этого ужаснаго наслѣдства, оставляемаго прогнившимъ прежнимъ режимомъ, можетъ быть только *избирательная агитація*.

Въ Западной Европѣ передъ каждыми выборами происходитъ энергичнѣйшая, воодушевленнѣйшая, неутомимѣйшая избирательная агитація, для которой пускаютъ въ ходъ тысячи типографій и десятки тысячъ агитаторовъ, распространяются милліоны прокламацій, воззваній и брошюръ, устраиваются многочисленныя и многолюдныя собранія. Вся страна приходитъ въ кипѣніе, текущія дѣла забрасы-

ваются, все вниманіе приковывается къ выборамъ и ихъ результатамъ. И если такая масса энергіи и огня затрачивается на подготовку обыкновенныхъ, очередныхъ выборовъ, то сколько же усилій, лихорадочной дѣятельности и душевнаго жара, сколько преданныхъ, способныхъ, пламенныхъ агитаторовъ и работниковъ необходимо мобилизовать для выборовъ въ Учредительное Собраніе, которое во стократъ *отвѣтственнѣе* и *труднѣе*.

Отвѣтственнѣе, потому что Учредительное Собраніе въ противоположность очередному парламенту должно работать въ революціонной атмосферѣ, ежеминутно ведя борьбу со старымъ режимомъ, дѣлающимъ отчаянныя усилія, чтобы сбросить съ себя тѣ путы или ту петлю, которую надѣла на него революція. Съ другой стороны, оно безпрерывно получаетъ удары со стороны революціоннаго народа, толкающаго его на путь широкихъ демократическихъ и соціальныхъ реформъ. И въ такой боевой обстановкѣ военнаго времени оно должно вырабатывать *конституцію* страны, которую потомъ весьма трудно будетъ исправить безъ новой революціи. Понятно, почему выборы въ *такое* Собраніе заслуживаютъ исключительнаго вниманія революціонныхъ партій.

Труднѣе же избирательная агитація передъ выборами въ Учредительное Собраніе потому, что она имѣетъ дѣло съ народомъ, совершенно еще не затронутымъ легальной агитаціей. не имѣющимъ никакого представленія о политической жизни, о программахъ партій, осущности и задачахъ Учред. Собранія, не привыкшимъ къ аргументированію, къ дискутированію и т. д. Разница та же, какъ между обыкновенной пахотой и подниманіемъ новины... Прибавьте къ этому, что какъ ни ясно и категорически декретировать сверху всевозможныя свободы, старый режимъ, проникшій въ плоть и кровь, насквозь пропитавшій не только всевозможныхъ большихъ и маленькихъ начальниковъ, но и множество добровольцевъ, будетъ давать себя чувствовать на каждомъ шагу. То тутъ, то тамъ будутъ хватать агитаторовъ, избивать, запирать въ холодную, возить въ волость и т. д.

И вотъ при такихъ-то условіяхъ надо въ *кратчайшій срокъ* ознакомить десятки милліоновъ людей съ программой своей партіи, разъяснить, освѣтить, опровергнуть клевету и ложь. Работа, достойная Геркулеса!

Предвыборная агитація во Франціи въ 1789, 1792 и 1848 г.

При выборахъ въ Генеральные Штаты въ 1789 году избирательная агитація была весьма горячая. Времени въ распоряженіи было свыше 3 мѣсяцевъ. Задача облегчалась, благодаря многимъ обстоятельствамъ:

1) Срокъ былъ данъ достаточно большой.

2) Благодаря сословности выборовъ, поле дѣятельности для агитаціи было сужено. Агитаторамъ 3-го сословія приходилось работать только въ своемъ сословіи, причемъ имъ приходилось мало сталкиваться съ агитаторами изъ враждебнаго лагеря.

3) Отсутствіе многочисленныхъ сложившихся партій облегчало избирательную борьбу тѣмъ, что дѣлало ее проще. Шла борьба только между сторонниками стараго режима и сторонниками реформъ, т. е. между приверженцами абсолютизма и конституціоналистами. Ни республиканской, ни тѣмъ болѣе соціалистической партій тогда еще не было.

4) Облегчала также агитацію необходимость составленія „наказовъ". Въ каждой деревнѣ, въ каждомъ городскомъ округѣ избиратели должны были выработать списокъ своихъ нуждъ, желаній, проектовъ государственнаго преобразованія и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ они должны были избрать выборщика, который отвезетъ въ городъ округа приготовленный наказъ и тамъ совмѣстно съ прочими выборщиками этого округа обработатъ всѣ наказы въ одинъ сводный окружной наказъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они избираютъ изъ своей среды депутатовъ (если выборы были въ этой мѣстности двухстепенные) или выборщиковъ 2 ой степени (при 3-хстепенныхъ выборахъ), которые опять таки съѣдутся въ главный городъ сенешальства и обработаютъ окружные наказы въ сводный наказъ. Легко понять, какъ вся эта работа облегчала *агитацію*.

При выборахъ въ Конвентъ въ 1792 году не было всей этой процедуры, но за то уже три года вся страна кипѣла какъ въ котлѣ. Уже три года во Франціи царила свобода печати, слова, собраній, распространялась въ огромныхъ размѣрахъ революціонная пресса и дѣйствовалъ знаменитый клубъ якобинцевъ. Въ избирательной агитаціи при выборахъ въ Конвентъ этотъ клубъ принималъ дѣятельное участіе. По всей странѣ, въ самые отдаленные закоулки разсылалъ онъ своихъ эмиссаровъ, которые вливали огненный энтузіазмъ въ своихъ слушателей и побуждали ихъ голосовать за сторонниковъ крайнихъ мѣръ и рѣшительныхъ дѣйствій по отношенію къ реакціонерамъ — аристократамъ.

Но особенно интересна избирательная агитація въ Франціи въ 1848 году. Горячее участіе въ ней приняли не только партіи, но и само Временное Правительство въ лицѣ своего Министра Внутреннихъ Дѣлъ Ледрю Роллена, яраго якобинца. Опасаясь, какъ бы провинція не послала въ Учредительное Собраніе враговъ республиканскаго строя и такимъ образомъ не вступила въ отчаянную борьбу съ Парижемъ, онъ разослалъ по всей Франціи коммиссаровъ, которымъ предоставилъ неограниченныя полномочія и приказалъ всѣми силами содѣйствовать успѣху республики. Мы уже упо-

минали о его циркулярахъ, въ которыхъ онъ давалъ своимъ коммиссарамъ инструкціи, и которые, будучи опубликованы, привели въ ярость и негодованіе буржуазію*). „Выборы — писалъ онъ — являются важнѣйшимъ вашимъ дѣломъ. Необходимо, чтобы Нац. Собраніе было воодушевлено духомъ революціи: въ противномъ случаѣ намъ не избѣгнуть гражданской войны и анархіи. Въ этомъ отношеніи бойтесь болѣе всего двуличныхъ людей, которые, будучи недавно на службѣ у короля, называютъ себя теперь республиканцами. Поймите, что для того, чтобы быть достойнымъ чести засѣдать въ Нац. Собраніи, нужно быть свободнымъ отъ традицій прошлаго... Останавливайтесь лишь на тѣхъ кандидатахъ, въ республиканскихъ убѣжденіяхъ которыхъ вы вполнѣ увѣрены: никакихъ сдѣлокъ, никакой снисходительности! Пусть день выборовъ будетъ днемъ торжества республики!“

„*Должно ли правительство* — пишетъ онъ въ другомъ циркулярѣ — *вліять на выборы, или довольствоваться однимъ лишь наблюденіемъ за ихъ правильнымъ ходомъ?* Я не колеблясь отвѣчу, что правительство, подъ угрозой обвиненія въ отреченіи или даже въ измѣнѣ, не должно ограничиться веденіемъ протоколовъ и подсчетомъ голосовъ. Оно должно руководить Франціей, должно открыто работать для уничтоженія интригъ контръ-революціи, если послѣдней вздумается поднять голову. Какъ! не прошло еще нѣсколькихъ недѣль съ тѣхъ поръ, какъ мы сдѣлались свободными, еще такъ недавно мы находились подъ дѣйствіемъ закона, предписывавшаго намъ подъ страхомъ штрафа и тюрьмы обожаніе и служеніе одной лишь монархіи, еще такъ недавно республику представляли повсемѣстно символомъ грабежа, разбоя, убійства,—и мы не имѣемъ права раскрыть глаза всему народу, мы не имѣемъ права свободно говорить съ нашими гражданами! Нѣтъ, нѣтъ, мы не дойдемъ до подобнаго непониманія нашихъ священнѣйшихъ обязанностей!.. Во всѣхъ случаяхъ, когда вы, господинъ коммисаръ, будете призваны руководить націей, вы не должны забывать той истины, что страна впадетъ въ анархію, если въ Національное Собраніе будутъ избраны люди сомнительной нравственности и сомнительныхъ республиканскихъ убѣжденій... Не заслуживаютъ никакого довѣрія люди, не сочувствующіе страданіямъ народа и такъ долго не признававшіе его нуждъ... Пусть народъ не довѣряетъ имъ, пусть отвернется отъ нихъ. *Лучше имѣть дѣло съ явными противниками, чѣмъ съ сомнительными друзьями.*“**)

---

*) См. гл. III.

**) Соціалдемократія не можетъ согласиться съ якобинскимъ взглядомъ Ледрю Ролленна на допустимость и даже необходимость вмѣшательства правительственныхъ комми-

„Лучше имѣть дѣло съ явными противниками, чѣмъ съ сомнительными друзьями!“ — „Бойтесь больше всего двуличныхъ людей!“—Таковы наставленія, которыя Ледрю Ролленъ энергично старался внушить своимъ коммисарамъ. Совершенно правильно вождь рѣшительныхъ демократовъ установилъ одно изъ опаснѣйшихъ явленій, съ которымъ необходимо самымъ усиленнымъ образомъ бороться революціонной партіи во время выборовъ. Явные противники страшны, во-первыхъ, тысячами лживыхъ щедротъ и благодѣяній, которыми они обѣщаются осыпать своихъ избирателей, если выборомъ въ депутаты они дадутъ имъ возможность хлопотать за нихъ въ Учредительномъ Собраніи; во-вторыхъ, потоками клеветы и лжи, которые они беззастѣнчиво льютъ на головы революціонеровъ передъ своими слушателями; разоблачить лживость ихъ обѣщаній и измышленій не слишкомъ трудная задача. Гораздо болѣе вредны и трудно одолимы скрытые враги, оборотни, которые рядятся въ чужую одежду, надѣваютъ на себя временную маску демократа, республиканца, соціалиста — для того, чтобы какъ-нибудь пролѣзть въ депутаты. А тамъ, въ Учредительномъ Собраніи онъ скоро сброситъ взятый на прокатъ костюмъ и предстанетъ въ истинномъ своемъ видѣ—завзятаго реакціонера.

Что Ледрю Ролленъ не ошибался, когда предостерегалъ противъ новоиспеченныхъ „республиканцевъ“, можно видѣть хотя бы изъ нижеприводимыхъ нѣсколькихъ образчи-

---

саровъ въ избирательную агитацію. Ледрю Ролленъ смѣшалъ тутъ двѣ различныя вещи: республиканскую демократическую *партію* и республиканское демократическое *правительство*. Какъ членъ партіи, онъ обязанъ былъ и самъ принимать, и свою партію побуждать къ самой интенсивной, самой пламенной агитаціи, какъ для разоблаченія опаснаго лицемѣрія „двуличныхъ кандидатовъ, республиканцевъ вчерашняго дня“, такъ и для пропаганды партійной программы. Но орудовать при этомъ правительственнымъ аппаратомъ, пускать въ ходъ оффиціальныхъ коммисаровъ для *давленія* на избирателей, для „руководительства націей“, полагать, что надо дѣлать нѣчто большее, чѣмъ „веденіе протоколовъ или подсчетъ голосовъ“ (NB. даже и эти функціи не должны бы были находиться въ рукахъ правительственныхъ агентовъ, а подлежать совмѣстному контролю всѣхъ политическихъ партій) — значитъ создавать чрезвычайно гибельные прецеденты, дать и реакціоннымъ правительствамъ моральное право прибѣгать къ подобнымъ же дѣйствіямъ — что они и практикуютъ на дѣлѣ. Единственный принципъ, который можетъ признать соціалдемократія въ отношеніи избирательной агитаціи, — это абсолютнѣйшая свобода агитаціи при полномъ нейтралитетѣ правительства.

ковъ того, какъ завѣдомые негодяи и злѣйшіе враги демократіи и республики выдавали себя за истинныхъ республиканцевъ, чтобы попасть въ депутаты Учред. Собранія.

Персиньи, извѣстный какъ авантюристъ еще до февральской революціи, одинъ изъ ревностнѣйшихъ сподвижниковъ Луи Наполеона, дѣятельный сотрудникъ его въ государственномъ переворотѣ 2-го дек. 1851 г., такъ распинался передъ своими избирателями:

„До сихъ поръ я полагалъ, что переходомъ нашихъ монархическихъ учрежденій, явившихся результатомъ существованія у насъ почти восьмивѣковой монархіи, къ республиканской формѣ правленія, этой *естественной формѣ правленія* всѣхъ наиболѣе совершенныхъ государствъ, долженъ быть совершенъ медленно и постепенно, и вѣрилъ, что Наполеонъ сумѣетъ лучше всѣхъ подготовить насъ къ зрѣлой въ политическомъ смыслѣ жизни. *Великія событія* Парижа убѣдили меня, что мы уже въ настоящую минуту зрѣлы и можемъ жить республиканской жизнью. Пусть республика разсчитываетъ на меня, какъ на одного изъ *искреннѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ* ея служителей... Всѣ мои усилія будутъ направлены къ тому, чтобы улучшить положеніе бѣднѣйшаго класса. Передъ нами не только политическая революція, но и начало соціальной.“

Будущій министръ *императора* Наполеона III Барошъ клялся и божился предъ своими избирателями: „Я республиканецъ по духу, убѣжденіямъ и чувствамъ своимъ... Я смотрю на республику не какъ на неизбѣжное зло, не какъ на переходную форму правленія, а какъ *на единственную политическую форму, могущую отнынѣ составить величіе и благосостояніе Франціи.*“

Такъ же сладко и елейно пѣлъ глава католической партіи — роялистъ, ханжа и іезуитъ, графъ Фаллу, который ранѣе въ своей „Исторіи Людовика XVI“ предалъ анаѳемѣ первую французскую республику 1792 года, а черезъ какой-нибудь мѣсяцъ, добившись депутатскаго мѣста, выступилъ злѣйшимъ врагомъ рабочаго класса и настаивалъ въ Учр. Собраніи на закрытіи Національныхъ мастерскихъ.*)

„Я не знаю, какова будущность европейской республики — говорилъ томно этотъ мрачный реакціонеръ — знаю только, что ея настоящее полно блестящихъ обѣщаній... Наступленіе великой демократіи тѣмъ болѣе неизбѣжно — продолжалъ онъ, набожно закативъ глаза, — что Провидѣніе и исторія подготовили намъ его издавна.“

Удовольствуемся этими примѣрами. Никто такъ не лжетъ, какъ безсовѣстный человѣкъ, силящійся во что бы то ни стало заполучить мандатъ, и никто не грозитъ большей опасностью дѣлу революціи, какъ эти Фарисеи и Тартюфы. Соціалдемократія обязана безпощадно срывать съ нихъ ма-

*) См. вып. I., глава „Іюльское возстаніе“.

ски, должна раскрывать истинныя цѣли ихъ „раскаянія“ и сознанія „ошибокъ“, и показать, что хоть они и въ новой кожѣ, но сердце въ нихъ все то же, и что лучшая змѣя ни къ чорту не годится.

Сто лѣтъ тому назадъ знаменитый Сперанскій, первый авторъ русской „конституціи“ и „Государственной Думы“ говорилъ, что нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ слова соотвѣтствуютъ вещамъ меньше, чѣмъ въ Россіи.

За истекшій вѣкъ школа лжи и развратa сдѣлала въ Россіи огромные успѣхи, поэтому можно заранѣе представить себѣ, какую бездну обмана, какіе грязные потоки клеветы, лицемѣрія, вранья, будутъ источать изъ себя, бія себя въ грудь и призывая небо во свидѣтели своей безпредѣльной любви и преданности народу, разные проходимцы съ „отцомъ лжи“ Суворинымъ во главѣ.

Какія условія необходимы для усиленной избирательной агитаціи.

а) Достаточный промежутокъ времени.

Далеко не безразличной для дѣла революціи является большая или меньшая краткость срока, отдѣляющаго день объявленія условій созыва Учред. Собранія отъ дня, назначеннаго для выборовъ, иными словами—промежутокъ времени, назначеннаго для избирательной агитаціи. Когда страна привыкла къ парламентской жизни, то иногда болѣе выгоднымъ для революціи можетъ оказаться производство выборовъ сейчасъ же послѣ переворота, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ крушенія стараго режима. Но въ государствѣ самодержавномъ, вѣковой деспотизмъ котораго только что сметенъ революціей, и въ которомъ совершенно новы впечатлѣнія парламентскаго бытія — безусловно необходимъ достаточныхъ размѣровъ избирательный періодъ, напр. 3-4 мѣсяца.

Почему это такъ, понять, конечно, нетрудно. Не будемъ останавливаться на чисто технической подготовкѣ выборовъ, требующей немало времени: раздѣленіе страны на избирательные округа, составленіе избирательныхъ списковъ, выставленіе этихъ списковъ для всеобщаго свѣдѣнія, провѣрка, обжалованіе и исправленіе этихъ списковъ, составленіе избирательныхъ бюро и т. д. Чѣмъ поспѣшнѣе будутъ производиться эти необходимыя и важныя подготовительныя работы, тѣмъ больше шансовъ для нарушенія интересовъ трудящихся классовъ въ пользу привилегированныхъ. Если *техника* выборовъ сама по себѣ требуетъ много времени, то тѣмъ болѣе это нужно для предвыборной *агитаціи*. Для агитаціи тоже нужны извѣстныя предвыборныя работы. Партіямъ необходимо съѣхаться, подсчитать свои силы, составить списки кандидатовъ, организовать отряды агитаторовъ, выработать свою тактику и избиратель-

ные лозунги, вступить въ соглашеніе съ наиболѣе близкими по направленію фракціями относительно взаимной поддержки на выборахъ и перебаллотировкахъ, и т. д. А затѣмъ начинается самая важная, заключительная часть работы — кипучая дѣятельность агитаторовъ, ораторовъ, безпрерывныя собранія, рѣчи, диспуты, печатаніе и распространеніе воззваній, листковъ и брошюръ.

Въ Россіи, занимающей дистанцію огромнѣйшихъ размѣровъ, съ путями сообщенія далеко не совершенными, съ населеніемъ неразвитымъ, невѣжественнымъ и въ большинствѣ своемъ неграмотнымъ — для сколько-нибудь удовлетворительнаго выполненія колоссальной агитаціонной работы нужно мѣсяца 3-4.

Чѣмъ интенсивнѣе и длительнѣе избирательная горячка, тѣмъ въ большее броженіе приходитъ страна. Къ застоявшемуся гнилому пруду, искони вѣковъ покрытому плѣсенью и тиной, приходитъ исполинъ-революція и начинаетъ будоражить и волновать грязную воду съ поверхности до самыхъ низовъ. Вздымаются валы все выше и сильнѣе, все грознѣе ударяютъ въ запруду, и чѣмъ дольше и настойчивѣе будетъ великанъ совершать свою работу, тѣмъ больше шансовъ, что закупоренные истоки свѣжей воды вскроются, и ринутся вонъ вѣковая грязь и муть.

Господствующіе классы, а тѣмъ болѣе придворная камарилья, хорошо понимаютъ это, и въ ихъ интересахъ ограничить до минимума срокъ избирательной агитаціи. Революціонныя партіи должны поэтому въ числѣ требованій, предъявляемыхъ Временному Правительству, немедленно при его оразованіи, помѣстить и *срокъ* выборовъ, равно какъ и созывъ Учред. Собранія.

Если не догадаться сдѣлать это сейчасъ, то потомъ, можетъ быть, и поздно будетъ поправить. Примѣромъ можетъ послужить то, что произошло послѣ Февральской революціи въ Парижѣ. Временное Правительство лишь въ *срединѣ марта* объявило ко всеобщему свѣдѣнію день выборовъ, назначивъ его на *9 апрѣля*. Такимъ образомъ, оно дало 3 недѣли только для агитаціи! Съ одной стороны, впечатлѣніе отъ февральскаго эффектнаго крушенія іюльской монархіи уже въ значительной степени сгладилось у легкомысленныхъ, такъ легко увлекающихся и такъ легко забывающихъ французовъ, а съ другой стороны, для глубокой и серьезной пропаганды, не говоримъ ужъ соціалистическихъ идей, но хотя бы республиканскаго строя, времени было совершенно недостаточно. Соціалистическія партіи сразу поняли, какъ это вредно отзовется на интересахъ пролетаріата, и 17-го марта организовали колоссальныхъ размѣровъ мирную демонстрацію, въ которой участвовало до 150,000 человѣкъ, причемъ Временному Правительству было предъявлено требованіе отложить выборы до 31-го мая. Правительство уступило, но въ очень нерѣшительной мѣрѣ:

оно увеличило срокъ всего на 2 недѣли и назначило выборы на 23 апрѣля. Объ этомъ измѣненіи оно объявило на слѣдующій день, и соціалистическія партіи больше не настаивали. Выборы оказались очень неблагопріятными для рабочихъ: соціалистическихъ депутатовъ попало въ Учред. Собраніе только два: Луи Бланъ и Альберъ, да и искреннихъ демократовъ оказалось довольно мало.

Приводимъ таблицу, въ которой приблизительно вычислено время, которое партіи имѣли въ распоряженіи для выборной агитаціи.

Годъ.	Страна.	Названіе парламента.	Объявленіе дня выбор. и регламента.	День выборовъ.	День созыва.	Приблизит. срокъ агит.	Число депутатовъ.
1789	Франція	Генеральные Чины.	конецъ янв.	—	5/V	90 дней	1200
1792	„	Національн. Конвентъ.	10 авг.	—	21/IX	30 дней	—
1848	„	Учредительн. Собраніе.	18 мар.	23 апр.	4/V	35 дней	900
1848	Германія	Франкфуртск. парламентъ.	3 апр.	—	18/V	35 дней	600
1848	Пруссія	Палата Соглашенія.	1—20 апр.	—	22/V	30 дней	417
1848	Австрія	Австрійскій рейхстагъ.	15 мая	26 іюня	22/VII	40 дней	—
1871	Франція	Національное Собраніе.	29 янв.	8 фев.	12/II	10 дней	768

б) Свобода агитаціи.

Что для успѣшности избирательной агитаціи необходимой предпосылкой является полная *свобода* агитаціи, т. е. абсолютная свобода печати, слова, собраній и митинговъ, безусловная неприкосновенность личности, полнѣйшее невмѣшательство со стороны правительственныхъ агентовъ—все это настолько понятно, что нѣтъ надобности на этомъ останавливаться. Замѣтимъ только, что въ такихъ политическихъ государствахъ, какъ Пруссія, гдѣ въ обычное

время существуютъ весьма чувствительныя стѣсненія для упомянутыхъ свободъ, они падаютъ и становятся недѣйствительными въ теченіе избирательнаго періода.

в) Соглашеніе революціонныхъ партій.

При самыхъ благопріятныхъ для дѣла революціи внѣшнихъ условіяхъ, оно все-таки будетъ подвержено величайшей опасности, если внутри соціалдемократическихъ партій не водворится единодушія и если революціонныя партіи не придутъ къ временному соглашенію для совмѣстной работы и взаимной поддержки при выборахъ.

Представьте себѣ, что въ одномъ и томъ же избирательномъ округѣ выставятъ свои кандидатуры *два* соціалдемократа различныхъ фракцій. Спрашивается, кто пострадаетъ при этой конкурренціи? Несомнѣнно, оба пострадаютъ, ни одинъ не соберетъ достаточнаго количества голосовъ; пострадаетъ, слѣдовательно, соціалдемократія въ цѣломъ, пострадаетъ революція. Выиграетъ только tertius gaudens — третій весело потирающій руки — реакція.

Ясное дѣло, что великое преступленіе совершатъ тѣ соціалдемократическія партіи и фракціи, которыя откажутся отъ полюбовнаго распредѣленія кандидатовъ по округамъ, отъ энергичной, искренней и дружелюбной взаимной поддержки.

До какой степени раздоры и отсутствіе соглашеній гибельны для соціалистическихъ, а слѣдовательно для революціонныхъ партій, можетъ показать слѣдующій примѣръ, взятый изъ исторіи Февральской революціи 1848 года. Выше намъ пришлось упомянуть, что въ Учред. Собраніе попали тогда всего два соціалиста: Луи Бланъ и Альберъ. Два соціалиста на 900 депутатовъ! Два соціалиста, когда одинъ Парижъ послалъ 34 депутата! Какимъ образомъ могло случиться, что тотъ самый рабочій Парижъ, который сокрушилъ 24-го февраля іюльскую монархію, который устраивалъ величайшія шествія въ 150,000 человѣкъ съ соціалистическими требованіями, тотъ самый Парижъ, въ которомъ въ іюнѣ вспыхнуло огромное іюньское возстаніе — какимъ образомъ послалъ онъ въ числѣ своихъ представителей только двухъ соціалистовъ!

Единственное объясненіе заключается въ томъ, что многочисленныя соціалистическія фракціи Парижа: послѣдователи Луи Блана, Бланки, Прудона, Кабе, Пьера Леру и др., не вступили другъ съ другомъ въ соглашеніе. Мало того, между Бланки и Барбесомъ была, какъ мы уже говорили раньше*), непримиримая вражда, распространившаяся и на ихъ сторонниковъ. Легко себѣ представить восторгъ буржуазныхъ партій и тяжелое разочарованіе соціалистовъ,

*) См. выше, 7-ая глава: Клубы.

когда выяснились неожиданные результаты выборовъ 23-го апрѣля. Искренніе демократы тоже были огорчены, такъ какъ и они, благодаря отсутствію соглашенія съ соціалистами, понесли большое пораженіе. „Дѣйствительность — писала демократическая газета „Реформа“ — превзошла всѣ ожиданія реакціонеровъ... Если мы и могли предвидѣть пораженіе, то не такое страшное“.

Что не было другихъ причинъ для этой тяжелой неудачи, кромѣ дрязгъ и разрозненности, раздиравшихъ соціалистическія фракціи, можно видѣть изъ результатовъ *дополнительныхъ* выборовъ, происходившихъ въ Парижѣ 5-го іюня, т. е. всего черезъ 6 недѣль послѣ генеральныхъ выборовъ. Къ этому времени Учредительное Собраніе, открывшееся 5-го мая, уже достаточно недвусмысленно обнаружило реакціонный свой характеръ. 15-го мая произошло нѣчто въ родѣ маленькаго возстанія, окончившагося крайне плачевно.*) И Бланки, и Барбесъ—эти оба непримиримые врага были схвачены и сидѣли за крѣпкими замками. Соціалистическія фракціи и демократы увидѣли, что необходимо дѣйствовать сплоченно, и въ результатѣ изъ 11 вакантныхъ депутатскихъ мѣстъ въ Парижѣ большинство попало въ руки соціалистовъ. Среди избранныхъ оказались Кабе, Прудонъ, Тьера, Леру.

X.

СОЗЫВЪ УЧРЕДИТЕЛЬНАГО СОБРАНІЯ.

Общая характеристика Учредительныхъ Собраній.

Избирательная агитація окончена. Выборы произведены. Къ назначенному дню представители народа съѣзжаются въ столицу, гдѣ въ подавляющемъ числѣ случаевъ происходятъ засѣданія парламентовъ. Взоры всей страны устремлены на это „величественное“, верховное собраніе носителей и воплотителей народной воли, народнаго главенства, народнаго суверенитета. Съ болѣзненнымъ напряженіемъ слѣдитъ все населеніе за первыми шагами перваго представительнаго собранія, по крайней мѣрѣ, перваго на новыхъ послѣреволюціонныхъ началахъ. Отчеты засѣданій, запросы и рѣчи депутатовъ передаются по телеграфу, печатаются и читаются нарасхватъ.

Но особенно волнуется столица, которая только что на своихъ плечахъ вынесла переворотъ и, окружая многолюднымъ нервнымъ кольцомъ Національное Собраніе, ждетъ отъ него выполненія своихъ надеждъ, закрѣпленія и даль-

*) См. выше, 2-ая глава.

нѣйшаго развитія завоеваннаго. Каждое столкновеніе, происходящее въ Палатѣ, отзывается немедленно тысячею отголосковъ въ сердцахъ и головахъ столичнаго населенія, особенно революціонной молодежи и пролетаріата. Завидной славой и обаяніемъ пользуется то Собраніе, которое не прячется недовѣрчиво и трусливо передъ народнымъ возбужденіемъ, не боится связать свою судьбу съ революціонными массами и не только чутко къ нимъ прислушивается, но и само проникается боевымъ настроеніемъ. Великія чувства и качества — энтузіазмъ, смѣлость, гордое чувство достоинства, пониманіе грандіозности задачъ и важности момента, умѣнье проникаться народными бѣдствіями—рождаютъ великія дѣла, широкій размахъ, отважныя рѣшенія, безсмертные подвиги. Наоборотъ, изъ мелкихъ и мелочныхъ чувствъ — трусости, эгоизма, угодливости, стремленія къ компромиссамъ и уступкамъ по отношенію къ реакціоннымъ элементамъ—не можетъ родиться ничего, кромѣ пустозвонныхъ фразъ и половинчатыхъ уродливыхъ мѣропріятій, осужденныхъ на безплодіе.

Самыми замѣчательными Учредительными Собраніями являются Нац. Конвентъ 1792 г. и Нац. Собраніе 1789 г. Въ сравненіи съ ними весьма жалки, прямо реакціонны французскія Учредит. Собранія 1848 и 1871 годовъ, и ужъ настоящими карликами надо считать Франкфуртскій (Всенѣмецкій) парламентъ 1848 г., Прусскую Палату Соглашенія и Австрійскій учредительный рейхстагъ того же года.

Особенно поучительно сравненіе французскихъ генеральныхъ чиновъ 1789 года съ упомянутыми выше тремя учредительными собраніями Пруссіи, Австріи и Германіи. Ихъ удобно сравнивать потому, что всѣ они были созваны самими монархами (Франція, Пруссія, Австрія) или при монархахъ (Франкфуртскій парламентъ), всѣ они встрѣчали отъ послѣднихъ крайне враждебное отношеніе и нескрываемое стремленіе умалить значеніе народныхъ представителей до нуля—и всѣ они держали свою судьбу въ своихъ собственныхъ рукахъ.

Совершенно не имѣетъ значенія, что самодержавные монархи, созывая, скрѣпя сердце, народныхъ представителей, съ самаго начала задаются цѣлью ограничить ихъ компетенцію, заключить ихъ волю и власть въ ножные и ручные кандалы. Разъ созванные — народные представители имѣютъ полную возможность разметать энергичнымъ натискомъ всѣ эти перегородки и рогатки. Отъ нихъ самихъ зависитъ объявить себя полномочнымъ Всенароднымъ Учредительнымъ Собраніемъ, облеченнымъ всѣмъ суверенитетомъ націи. Но для этого они не должны бояться вступить на смѣлый революціонный путь и итти по немъ безъ колебаній и шатаній.

Французскій аббатъ Сіейсъ писалъ въ 1789 году про 3-ье сословіе, что оно теперь ничто по своимъ правамъ, а мо-

жетъ стать всѣмъ. То же самое относится и къ Учредительному Собранію. Дворъ хочетъ и старается сдѣлать его ничѣмъ, а оно можетъ стать всѣмъ; надо только, чтобы оно захотѣло.

Французское Учредительное Собраніе 1789 года было созвано не какъ таковое. Депутаты *одного* изъ трехъ сословій, созванныхъ королемъ въ качествѣ генеральныхъ чиновъ только для самообложенія новыми налогами—объявили себя самовольно, т. е. вопреки волѣ короля и остальныхъ двухъ сословій, Собраніемъ *національнымъ* и *учредительнымъ*, объявили потому, что общественное мнѣніе всей страны было за нихъ.

Прусская Палата представителей 1848 года, созванная на основѣ всеобщаго голосованія, имѣла несравненно болѣе правъ объявить себя Учредительнымъ Собраніемъ. Но она на это не *рѣшилась*, удовольствовалась признаніемъ себя Палатой Соглашенія, т. е. добровольно пошла на то, чтобы безъ королевскаго одобренія всѣ ея проекты, законы и выработанная конституція не имѣли никакого значенія; обреченная поэтому съ самаго начала на безплодіе, она погибла насильственной, но безславной смертью.

Палата эта, какъ и Австрійскій рейхстагъ и Франкфуртскій парламентъ, страдали одной очень вредной и далеко не почетной болѣзнью, на которой не мѣшаетъ намъ остановиться подробнѣе. Марксъ называетъ ее „парламентскимъ кретинизмомъ“, т. е. особымъ видомъ идіотизма, присущаго спеціально парламентскимъ дѣятелямъ.

Парламентскій кретинизмъ.

„Депутаты лѣвой Франкфуртскаго парламента—пишетъ Марксъ въ своей „Революціи и Контръ-революціи въ Германіи“ — были съ самого начала своей законодательной дѣятельности болѣе, чѣмъ какая-нибудь другая фракція Собранія, заражены неизлѣчимой болѣзнью—*парламентскимъ кретинизмомъ:* страданіе это внушаетъ несчастнымъ жертвамъ убѣжденіе, что весь міръ, его исторія, его будущее, зависятъ исключительно отъ большинства голосовъ въ томъ именно представительномъ учрежденіи, которое имѣетъ честь ихъ считать между своими членами; все, что имѣетъ мѣсто за стѣнами парламента: войны, революціи, постройка желѣзныхъ дорогъ, колонизація новыхъ континентовъ, калифорнійскія золотыя розсыпи, центрально-американскіе капиталы, русскія войска, — однимъ словомъ все, что можетъ питать притязанія вліять на судьбы человѣчества, есть ничто въ сравненіи съ важностью вопроса, который въ данную минуту занимаетъ высокую палату...“

Иными словами, парламентскій кретинизмъ заключается въ томъ, что депутаты забываютъ про дѣйствительность, про реальныя соотношенія силъ и увлекаются собственны-

ми звонкими фразами и бумажными резолюціями. Зараженные этой роковой болѣзнью народные представители стоятъ предъ опасностью и не замѣчаютъ ея, замѣчаютъ ее и не имѣютъ смѣлости, для борьбы съ ней, опереться на революціонныя массы, имѣютъ добрыя намѣренія и не умѣютъ ихъ осуществить. Въ то время, какъ реакція кругомъ ихъ плететъ неутомимо сѣти интригъ, въ то время, какъ войска контръ-революціи уже надвигаются на нихъ со всѣхъ сторонъ для ихъ уничтоженія, они будутъ составлять письменные протесты, бумажныя резолюціи и... говорить, говорить, говорить безъ умолку и удержу.

Сами по себѣ 1000 депутатевъ есть не что иное, какъ, 1000 человѣкъ, и если даже они себя вооружатъ, то это будетъ не болѣе, чѣмъ батальонъ плохихъ воиновъ. Вся сила ихъ въ тѣхъ полномочіяхъ, которыя имъ вручилъ народъ. Но въ такомъ случаѣ они должны смѣло опереться на него, должны держать въ своихъ рукахъ всѣ вооруженныя силы народа, армію и народное ополченіе. Но какъ эта мысль ни ясна, парламентскіе кретины не могутъ ею проникнуться.

Приведемъ для иллюстраціи сказаннаго нѣсколько примѣровъ.

Французское Учредительное Собраніе 1848 года, составляя республиканскую конституцію, создало должность президента республики, избираемаго всеобщимъ голосованіемъ и сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ всю исполнительную власть и всю армію.

Какъ не понять, что человѣкъ, который соберетъ на своемъ имени большинство голосовъ всей націи и который будетъ имѣть въ рукахъ армію, почувствуетъ себя такимъ сильнымъ, что непремѣнно захочетъ и осуществитъ государственный переворотъ и возведетъ себя изъ избираемаго на срокъ президента республики въ наслѣдственнаго короля или императора?

Собраніе чувствовало опасность такой конституціи, но вмѣсто того, чтобы отказаться отъ нея и выработать болѣе практичную и прочную, оно сочинило двѣ *бумажныя* статьи, которыя, по ея мнѣнію, совершенно предотвращали возможность государственнаго переворота. Вотъ эти статьи:

„Ст. 110. Національное Собраніе ввѣряетъ охрану конституціи и освященныя ею права національной гвардіи и патріотизму всѣхъ французовъ“.

„Ст. 68. Всякая мѣра, посредствомъ которой президентъ республики распускаетъ Собраніе, отсрочиваетъ его или мѣшаетъ правильному его ходу, есть преступленіе государственной измѣны. Однимъ этимъ фактомъ президентъ лишается своей должности, и граждане должны отказать ему въ повиновеніи“.

Верховный судъ долженъ немедленно собраться и привлечь измѣнника-президента къ отвѣтственности.

Что же? Когда первый же президентъ Луи Наполеонъ захотѣлъ стать императоромъ, помѣшали ему эти бумажныя статьи? Столько же, сколько бумажная преграда—прыжку звѣря *).

Другая статья (§ 5 Введенія въ конституцію) гласила: „Республика уважаетъ чужія народности въ такой же мѣрѣ, въ какой она требуетъ отъ нихъ уваженія къ себѣ: она не предприметъ никакихъ завоевательныхъ войнъ и никогда не употребитъ своихъ силъ для подавленія свободы какого-либо народа".

Это нисколько не помѣшало президенту Луи Наполеону, вопреки волѣ парламента, послать экспедицію въ Италію съ цѣлью усмиренія Римской республики и возвращенія въ Римъ бѣжавшаго папы. Тщетно протестовало революціонное правительство Римской республики, ссылаясь на вышеупомянутую статью. Тщетно оно отпечатало ее громадными буквами на большихъ листахъ бумаги, разставило на всемъ пути, по которому должны были двигаться французскія войска, столбы и раскленло на нихъ отпечатанные экземпляры. Римъ былъ завоеванъ, республика уничтожена, папа благополучно возвращенъ.

Бумага, за которою не стоитъ реальная сила, не имѣетъ никакой цѣнности. Парламентскій кретинизмъ этого не понимаетъ и поэтому тратитъ на ихъ стряпанье все свое время.

Прусская Палата Соглашенія собралась въ началѣ іюня 1848 г. Дѣла было пропасть и самаго отвѣтственнаго. Что же стала дѣлать Палата? Она занялась выработкой *адреса*, т. е. отвѣтнаго посланія на тронную рѣчь короля. Нѣкоторые депутаты лѣвой протестовали противъ этого, а одинъ изъ нихъ заявилъ: „*Дѣло* будетъ лучшимъ адресомъ". — „Но адресъ вѣдь тоже дѣло" — возразили ему, и Собраніе приступило къ этому „серьезному" дѣлу.

Франкфуртскій парламентъ потратилъ цѣлый годъ на вы-

*) Когда Луи Наполеонъ совершилъ 2-го декабря 1851 г. государственный переворотъ, то, согласно этимъ статьямъ, собрались въ одной изъ залъ кассаціонной палаты 8 членовъ Верховнаго Суда и составили слѣдующее постановленіе: „...Верховный судъ объявляетъ, что есть основаніе приступить къ выполненію 68 статьи конституціи, назначаетъ своимъ прокуроромъ г. Ренуара и отсрочиваетъ свое засѣданіе до слѣдующаго дня для продолженія своихъ дѣйствій". А на завтра... зала суда оказалась занятой солдатами, и судьи съ достоинствомъ удалились, отложивъ засѣданіе „въ виду матеріальныхъ препятствій" на неопредѣленное время. А затѣмъ... они присягнули Наполеону и сохранили свои мѣста.

работку конституціи Германской имперіи, въ то время какъ буквально дорога была каждая минута и надо было ковать, ковать изо всѣхъ силъ желѣзо, пока оно было еще горячо. Когда онъ наконецъ кончилъ свою работу, то мрачная реакція уже водворилась въ государствахъ Германіи и въ Австріи, и на его переспѣлый плодъ не обратили никакого вниманія.

Франкфуртскій парламентъ былъ на столько слѣпъ, что вмѣсто того, чтобы сразу приступить къ выработкѣ конституціи и работать надъ нею, не покладаючи рукъ, онъ приступилъ сначала къ составленію „Введенія“ въ конституцію, къ формулировкѣ „основныхъ правъ германскаго народа“. Надъ нами не каплетъ, думали они, спѣшить некуда, скоро, да не споро, поспѣшишь — людей насмѣшишь. Поэтому они работали съ прохладцей, засѣдали не чаще трехъ разъ въ недѣлю, а говорили... безъ конца. Поправокъ, дополненій, измѣненій къ каждому параграфу предлагалось видимо-невидимо. Болѣе проницательные люди пришли въ ужасъ, и молодой докторъ Гискра сдѣлалъ такое вычисленіе:

„Коренной проектъ основныхъ правъ содержитъ 48 параграфовъ, экономическій—40; уже внесено 350 предложеній поправокъ, что составляетъ въ общей сложности 438 параграфовъ. Считая на каждый изъ нихъ по 10 ораторовъ (это было очень скромно), получимъ 4380 ораторовъ. Считая по 15 ораторовъ на 1 засѣданіе — понадобится 292 засѣданія. При трехъ засѣданіяхъ въ недѣлю это составитъ 98 недѣль. Слѣдовательно, *первое* чтеніе основныхъ правъ *закончится въ апрѣлѣ 1850 года* (черезъ 2 года)“.

Въ словахъ можетъ потонуть всякое дѣло, а время между тѣмъ не ждетъ. Каждая минута дорога, потому что контръ-революція не перестаетъ плести свои интриги. Упустить нѣсколько дней значитъ иногда погубить все дѣло революціи. Когда 6 октября 1848 г. вѣнское населеніе, возмущенное отправленіемъ войскъ для усмиренія возставшихъ итальянцевъ, устроило новое успѣшное возстаніе, императоръ Фердинандъ вторично бѣжалъ изъ мятежнаго гнѣзда въ г. Ольмюцъ и сейчасъ же двинулъ нѣсколько армій къ Вѣнѣ для ея усмиренія. Революціи грозила гибель. Венгерскій парламентъ, отложившійся отъ Австрійскаго императора, хорошо понималъ, что, въ случаѣ подавленія вѣнской революціи, ему самому не сдобровать. Онъ предложилъ Вѣнѣ свою помощь. И вотъ австрійскій рейхстагъ вмѣсто того, чтобы съ радостью принять дружескую руку помощи, началъ судить да рядить, совѣщаться да колебаться. А когда онъ наконецъ изъявилъ согласіе—благопріятное время было уже упущено. Вокругъ Вѣны собралось уже свыше 100,000 императорскихъ войскъ, и венгры, подступившіе, наконецъ, 30 октября на выручку Вѣны, были отброшены и выну-

ждены были вернуться къ себѣ, а на слѣдующій день Вѣна была взята.

При этомъ кровавомъ усмиреніи столицы палъ жертвой, между прочимъ, дѣльный демократъ, депутатъ Франкфуртскаго парламента Робертъ Блюмъ (онъ былъ разстрѣлянъ по приговору военнаго суда). Нѣсколькими мѣсяцами раньше Блюмъ, предчувствуя гибель революціи, злобно осмѣялъ въ своей газетѣ своихъ сотоварищей депутатовъ слѣдующ. стихами:

Fünf und siebzig Bureaucraten—
Schöne Worte, keine Thaten;
Fünf und siebzig Aristokraten—
Vaterland, du bist verraten!
Fünf und siebzig Professoren,
Vaterland, du bist verloren! *)

Учредительныя Собранія Германіи и Австріи были такъ богаты проявленіями парламентскаго идіотизма, что демократическіе и соціалистическіе историки нѣмецкихъ революцій 48 года не иначе пишутъ о нихъ, какъ о „комедіи всемірной исторіи“ и не находятъ границъ выраженію своего презрѣнія.

Совершенно другое отношеніе встрѣчаютъ со стороны даже самыхъ придирчивыхъ историковъ первые шаги французскаго Учредительнаго Собранія 1789 года. Хотя выработанная имъ конституція была далеко не демократическая, хотя по отношенію къ пролетаріату, оно вело себя, какъ ярко выраженное классовое собраніе, но нельзя отрицать того, что по отношенію къ королевской власти и ея посягательствамъ оно держалось въ особенности въ первый періодъ съ большимъ достоинствомъ и мужествомъ.

Такъ какъ наши нынѣшнія политическія условія весьма близко напоминаютъ политическое состояніе Франціи передъ Великой Революціей, то разскажемъ здѣсь подробно, какимъ образомъ Чины объявили себя Учредительнымъ Собраніемъ.

Какъ Генеральные Чины провозгласили себя Національнымъ Учредительнымъ Собраніемъ.

Къ 5 мая 1789 года, когда назначено было открытіе Государственныхъ Штатовъ (или генеральныхъ чиновъ), изъ 1200 депутатовъ на лицо оказалось 1137 человѣкъ, такъ

*) Семьдесятъ пять бюрократовъ,
Дѣлъ никакихъ, пышныя фразы!
Семьдесятъ пять аристократовъ,
Родина, тебѣ измѣнили!
Семьдесятъ пять профессоровъ,
Родина, ты погибла!

какъ въ нѣкоторыхъ округахъ съ производствомъ выборовъ запоздали. Распредѣлялись они по сословіямъ такъ:

I сословіе	— дворянское	— 270
II „	духовенство	— 291
III „	(буржуазія)	— 576

Составъ депутатовъ первыхъ двухъ соловій самъ собою понятенъ: въ первомъ были дворяне, во второмъ—духовные, причемъ важно отмѣтить, что изъ 291 духовныхъ — было 208 приходскихъ священниковъ, остальные — высшіе чины клира: епископы, викаріи и т. п. Что касается 3-го сословія, то изъ 576 депутатовъ было 216 купцовъ и сельскихъ хозяевъ, 212 адвокатовъ, 16 врачей, 100 гражданскихъ чиновниковъ, остальные были дворяне, члены городскихъ совѣтовъ и духовные (2). Обиліе адвокатовъ не должно насъ поражать. Во всѣхъ парламентахъ адвокаты составляютъ весьма замѣтныя по численности, опытности и краснорѣчію группы, такъ какъ особенности ихъ профессіи—знакомство съ государственными и общественными науками, ораторскій талантъ или навыкъ, матеріальная независимость, отсутствіе твердыхъ принциповъ и готовность защищать, смотря по выгодѣ, любое изъ противоположныхъ предложеній *) — толкаютъ ихъ на политическую арену и доставляютъ имъ легче, чѣмъ кому-нибудь другому, депутатское званіе.

Главой центральной партіи Конвента, названной за свою политическую неопредѣленность „болотомъ“ и постоянно колебавшейся между умѣренными жирондистами и крайними радикалами, — былъ Барреръ, ловкій, пронырливый, безпринципный и въ тоже время сладкозвучный адвокатъ изъ Южной Франціи. Говорили, что у него въ карманѣ всегда имѣются наготовѣ 2 рѣчи: одна—за, а другая противъ даннаго рѣшенія. — Любопытенъ также слѣдующій фактъ, касающійся знаменитаго Тьера, игравшаго такую гнусную роль въ исторіи Франціи въ теченіе болѣе полувѣка, возведшаго въ 1830 году на престолъ Луи Филиппа и руководившаго подавленіемъ Коммуны въ 1871 году. Онъ былъ тоже адвокатъ. Въ 1820 году, т. е. на 23 году отъ роду, этотъ молодой, но ранній политикъ, написалъ работу на премію, предложенную академіей его города Эксъ. Академія признала за его произведеніемъ выдающіяся достоинства, но въ преміи отказала въ виду явно революціонной тенденціи автора, и назначила новый конкурсъ. Въ слѣдующемъ году академія получила другую работу, написанную тоже талантливо, но съ тенденціей прямо противоположной—строго консервативной. Академія съ радостью присудила этому замѣчательному труду обѣщанную премію. Кто же былъ авторомъ этой новой работы? Да тотъ же шустрый адвокатъ Тьеръ!

Мѣстомъ засѣданій собранія былъ назначенъ королемъ не Парижъ, гдѣ было слишкомъ „жарко“, а небольшой недалеко лежащій городокъ Версаль, гдѣ жило въ своемъ дворцѣ и королевское семейство. Версаль соотвѣтствуетъ нашему Гатчинѣ или Царскому Селу.

Открытіе Собранія сопровождалось большой торжественностью. Громадныя толпы народа прибыли къ этому моменту изъ Парижа. Необозримыя массы облегли церковь, въ которую отправились депутаты съ королемъ, принцемъ и всѣмъ дворомъ для совершенія молебна. Онѣ возлагали бездну надеждъ на депутатовъ, рвались впередъ, чтобы посмотрѣть на нихъ и встрѣчали ихъ бурными привѣтственными криками.

Открылось первое засѣданіе. Тутъ сразу исчезли всѣ иллюзіи у тѣхъ депутатовъ 3-го сословія, которые вѣрили въ дружелюбное и полное искренности отношеніе къ нимъ двора. Послѣдній съ перваго же момента всячески давалъ имъ чувствовать свою враждебность и презрѣніе. Дворянство явилось въ своемъ нарядномъ платьѣ, въ шляпахъ, украшенныхъ перьями, и со шпагами, духовенство—въ церковномъ облаченіи, третье же сословіе—въ простомъ черномъ платьѣ.

Въ большой залъ, въ которомъ должно было происходить первое общее собраніе всѣхъ трехъ сословій, представители привиллегированныхъ сословій чванливо вошли черезъ парадныя двери, депутаты же 3-го сословія были пропущены черезъ боковую дверь. Сидѣнія для послѣднихъ были устроены ниже, чѣмъ для первыхъ. Однимъ словомъ, представители буржуазіи ясно увидѣли, что ихъ собираются третировать и что необходимо сразу дать отпоръ. Когда явился король въ сопровожденіи королевы и принцевъ, для произнесенія тронной рѣчи, онъ надѣлъ шляпу, — дворянство и духовенство, согласно своимъ привиллегіямъ, тоже покрыли головы. И о ужасъ! Депутаты третьяго сословія кощунственно тоже осмѣлились всѣ сразу, какъ одинъ человѣкъ, одѣть шляпы. То была невыносимая дерзость! Этотъ маленькій инцидентъ былъ первымъ облачкомъ, изъ котораго скоро должна была вырости буря, первой мелкой стычкой, предтечей грандіозныхъ столкновеній.

Въ безцвѣтной тронной рѣчи король говорилъ только о больномъ вопросѣ, ради котораго онъ созвалъ генеральные штаты: о денежныхъ затрудненіяхъ, о необходимости бережливости въ будущемъ, о готовности сословій нести жертвы ради возлюбленнаго отечества, о потребности въ единеніи всѣхъ сословій вокругъ алтаря и отечества, однимъ словомъ, старыя, знакомыя намъ рѣчи.

Затѣмъ выступилъ хранитель большой печати, нѣчто въ родѣ канцлера, и разразился грозной рѣчью противъ духа повшествъ, неповиновенія и распущенности, которыя обуяли общество; съ пѣной у рта онъ гремѣлъ о безсмыслен-

ныхъ мечтаніяхъ различныхъ агитаторовъ, которыя противорѣчать незыблемымъ, исконнымъ основамъ монархіи, и которыя останутся, конечно, только мечтаніями. Затѣмъ, переходя къ предстоящимъ занятіямъ генеральныхъ чиновъ, онъ изложилъ программу и порядокъ работъ.

Задача ихъ состоитъ прежде всего, въ изысканіи средствъ и въ обложеніи сословій, поэтому по всѣмъ финансовымъ вопросамъ голосованіе должно быть именное, а не по сословіямъ; по всѣмъ же остальнымъ вопросамъ голосованіе должно быть по сословіямъ *). Какіе же это были остальные вопросы? Ихъ было поставлено на разсмотрѣніе высокаго Собранія очень мало: вопросъ о печати и объ измѣненіяхъ въ уголовномъ и гражданскомъ законодательствѣ. Вотъ и все! Покончивъ съ этими вопросами, государственные чины могутъ спокойно разъѣхаться по домамъ и опять заснуть на 174 года.

Депутаты 3-го сословія были возмущены до глубины души. Они ѣхали съ широкими планами, съ обширными полномочіями, выраженными въ данныхъ имъ избирателями „наказахъ", о которыхъ мы уже упоминали выше. А между тѣмъ вотъ къ чему сведется ихъ дѣятельность: къ доставленію двору новыхъ средствъ для новаго хищничества и мотовства. При другихъ условіяхъ, между ними съ первыхъ же дней обнаружились бы несогласія и раздоры, какъ это и произошло послѣ, когда первые моменты опасности со стороны двора прошли. Но теперь, когда дѣло, къ которому буржуазія такъ долго стремилась и осуществленіе котораго было такъ близко, висѣло на волоскѣ, когда были всѣ основанія опасаться, что гора надеждъ и упованій родитъ мышь, нѣсколькихъ пустыхъ реформъ, третье сословіе рѣшило дѣйствовать дружно и рѣшительно.

Правительство постановило, что согласно исконнымъ обычаямъ страны каждое изъ 3-хъ сословій будетъ совѣщаться отдѣльно; каждому сословію былъ поэтому предоставленъ особый залъ, третьему, какъ наиболѣе многочисленному—самый обширный залъ—залъ общаго засѣданія. Третье сословіе рѣшило воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы пре-

*) Планъ былъ недуренъ. Правительство хотѣло при помощи 3-го сословія обложить налогами духовенство и дворянство, а затѣмъ все оставить по прежнему. Поэтому оно для финансовыхъ вопросовъ предложило поименное голосованіе, такъ какъ число депутатовъ 3-го сословія равнялось или даже превосходило общее количество депутатовъ привиллегированныхъ сословій (576; 270+291 = 561). Для остальныхъ же дѣлъ оно предложило голосованіе по сословіямъ, въ надеждѣ на то, что два голоса высшихъ сословій во всемъ парализуютъ единственный голосъ буржуазіи, стремящейся къ кореннымъ реформамъ.

вратить сословное собраніе въ общее, національное. Оно *пригласило* оба другія сословія явится къ нему въ общій залъ для совмѣстной провѣрки выборовъ. Понятно, на это послѣдовалъ высокомѣрный отказъ со стороны чванливаго дворянства, которое подавляющимъ большинствомъ 188 голосовъ противъ 47 постановило засѣдать отдѣльно. Духовенство, однако, обнаружило менѣе единодушія по этому вопросу, такъ какъ большая часть его депутатовъ были приходскіе священники, которые имѣли другіе интересы, чѣмъ ихъ аристократическіе собратья по рясѣ – архіепископы и аббаты, и настроены были довольно демократически. Они-то дали очень скоро большой контингентъ перебѣжчиковъ. Благодаря такой неоднородности состава духовенства, рѣшеніе его устроиться отдѣльно отъ другихъ сословій прошло всего большинствомъ въ 19 голосовъ, да и то оно не считалось еще окончательнымъ. Начались долгіе, томительные переговоры между сословіями по этому пункту, тянувшіеся цѣлый мѣсяцъ! Вся страна съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за этими проволочками. Все волновалось, кипѣло негодованіемъ противъ привилегированныхъ, тысячи проклятій сыпались на ихъ головы. Депутаты 3-го сословія получали со всѣхъ сторонъ привѣтствія и одобренія. Революціонное броженіе росло, какъ приливная волна.

10 іюня депутатъ 3-го сословія, аббатъ Сіейсъ, убѣдилъ собраніе сдѣлать послѣднюю попытку объединенія, въ послѣдній разъ послать приглашеніе, и если и теперь успѣха не будетъ, то объявить себя представителемъ всей націи и приступить къ выработкѣ конституціи. Но и эта послѣдняя попытка не имѣла успѣха, за исключеніемъ одного маленькаго заявленія, обѣщавшаго, однако, быть началомъ полной побѣды: на сторону 3-го сословія перешли изъ 2-го нѣсколько священниковъ!

И вотъ 17 іюня произошло достопамятное засѣданіе. Представители 3-го сословія, признавая себя воплощеніемъ вели $^{96}/_{100}$ всей націи*), провозгласили себя *Національнымъ Собраніемъ*, имѣющимъ право издавать законы для всей страны.

И первымъ дѣломъ оно издало нѣсколько умныхъ законовъ для свѣдѣнія и исполненія всей Франціи, имѣвшихъ цѣлью связать судьбу Національнаго Собранія съ интересами государственныхъ кредиторовъ и опереться на содѣйствіе народныхъ массъ противъ возможныхъ насильственныхъ дѣйствій правительства. Оно постановило, что

1) одно лишь Собраніе имѣетъ право утверждать новые налоги.

---

*) Это было, конечно, большимъ преувеличеніемъ. Мы видѣли раньше, на основѣ какого ограниченнаго избират. права были выбраны депутаты 3-го сословія.

2) Налоги, существовавшіе до сихъ поръ, противозаконны, но покуда Собраніе будетъ функціонировать и покуда они не будутъ отмѣнены Собраніемъ, они остаются въ силѣ. Но если Собраніе будетъ насильственно распущено, то старые налоги, какъ незаконные, недолжны уплачиваться.

3) Государственный долгъ гарантируется чувствомъ чести французской націи, но опять-таки лишь до тѣхъ поръ, пока Нац. Собраніе будетъ безпрепятственно работать. Если же оно будетъ распущено, то французская нація не беретъ на себя никакой гарантіи въ цѣлости долговъ.

Такимъ образомъ, если бы дворъ захотѣлъ разогнать Собраніе, то ему грозила опасность поднять противъ себя всѣхъ кредиторовъ, т. е. вызвать государственное банкротство, а во-вторыхъ, натолкнуться на всенародное возстаніе при попыткѣ взимать по прежнему налоги.

Понятно, что такія смѣлыя постановленія можно издавать только тогда, когда чувствуешь, что общественное мнѣніе всей страны стоитъ за тебя, что это мнѣніе, это настроеніе легко можетъ вылиться въ революціонное дѣло, и когда *не боишься* этого революціоннаго взрыва.

Такъ именно и обстояло дѣло въ то время во Франціи. Масса населенія встрѣтила съ энтузіазмомъ постановленія депутатовъ 3 сословія. Возбужденное состояніе парижанъ достигло огромныхъ размѣровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворъ и привиллегированныя сословія пришли въ страшное смятеніе. Эдакое нахальство! Эдакая самозванщина! Самой естественной мыслью было разогнать нагайками эту зазнавшуюся, наглую „чернь“. Но, съ одной стороны, свѣдѣнія о грозномъ настроеніи народныхъ массъ не могли не доходить до вообще тугоухой придворной камарильи, а съ другой стороны, въ средѣ самихъ привилегированныхъ сословій происходило опасное колебаніе. Смѣлость и рѣшительность всегда импонируютъ, и поведеніе 3-го сословія не могло не произвести глубокаго впечатлѣнія на остальныя два, главнымъ образомъ, на духовенство. За первыми перебѣжчиками готовы были послѣдовать многіе другіе.

Король не рѣшался распустить Собраніе, но, съ другой стороны, не хотѣлъ и мириться съ его дѣйствіями, т. е. признать ихъ. Какъ всегда дѣлаютъ слабые, колеблющіеся, неувѣренные въ себѣ люди, онъ прибѣгъ къ полумѣрѣ. Подъ предлогомъ, что залъ общихъ засѣданій, въ которомъ собирались депутаты 3-го сословія, необходимо „приготовить“ для предстоящаго королевскаго засѣданія, которое будетъ

---

*) Предсѣдатель избирался Собраніемъ обыкновенно на 15 дней, послѣ чего замѣщался новымъ.

осчастливлено посѣщеніемъ его величества, оберъ-церемоніймейстеръ письменно извѣстилъ предсѣдателя Собранія Бальи*), что засѣданія 3-го сословія откладываются на неопредѣленное время.

Было это утромъ 20-го іюня. Бальи немедленно отвѣтилъ письменно же, что никакихъ королевскихъ сообщеній на этотъ счетъ онъ не получилъ, съ заявленіями же оберъ-церемоніймейстера онъ считаться не можетъ.

Но когда депутаты стали стекаться въ обычный часъ къ залу засѣданія, двери оказались запертыми и около нихъ отрядъ солдатъ, который никого не пропускалъ. Этотъ сюрпризъ не поставилъ народныхъ представителей въ тупикъ. По приказу депутата врача Гильотена (того самаго, который изобрѣлъ „Гильотину"), они двинулись всей массой въ городъ и направились къ зданію для игры въ мячъ. Принадлежало оно брату короля графу д' Артуа, и было выбрано потому, что въ немъ имѣлся обширный залъ для игры въ мячъ, конечно, безъ мебели и другихъ приспособленій.

Принесли скамью, которая послужила импровизированной трибуной. Пламенныя рѣчи понеслись съ этой скамьи, и депутаты, полные воодушевленія, стоя тѣсной толпой кругомъ, выражали громкими криками свое одобреніе. Одинъ предложилъ отправиться всѣмъ въ Парижъ и отдать себя подъ защиту парижскаго населенія.

Депутатъ Мунье предложилъ, чтобы Собраніе дало торжественную клятву держаться всѣмъ вмѣстѣ и не расходиться потому, что тѣхъ поръ, пока не выработаютъ окончательно столь необходимой конституціи. Предложеніе Мунье было принято съ пламеннымъ восторгомъ, и предсѣдатель Бальи громко прочелъ текстъ присяги:

„Клянемся не расходиться и собираться повсюду, гдѣ будетъ только возможно, до тѣхъ поръ, пока не будетъ создана и утверждена на прочныхъ основаніяхъ конституція королевства".

„Клянемся! клянемся!" — Кричали съ энтузіазмомъ депутаты, и въ эту минуту даже слабые и трусливые люди готовы были на всякія жертвы и страданія, лишь бы довести до конца свою миссію.

А многотысячная толпа, облегавшая зданіе для игры въ мячъ со всѣхъ сторонъ, отвѣчала бѣшеными криками восторга и одобренія:

„Да здравствуетъ Національное Собраніе!"

Не довольствуясь устной клятвой, депутаты, чтобы сильнѣе закрѣпить свое рѣшеніе, подписали всѣ (кромѣ одного отказавшагося) вышеупомянутый текстъ.

На слѣдующій день залъ для игры въ мячъ оказался запертымъ; распорядился объ этомъ владѣлецъ его графъ д'Артуа.

Депутаты двинулись тогда къ церкви св. Людовика.

Здѣсь *къ нимъ присоединились 149 депутатовъ духовнаго сословія* и были встрѣчены бурными аплодисментами. Рѣшительность и упорство Національнаго Собранія продолжали приносить свои плоды; и въ дворянскомъ сословіи становился все замѣтнѣе расколъ.

Дворъ не сдавался и рѣшился ускорить ходъ событій. На 23 іюня назначено было общее засѣданіе въ присутствіи короля.

Депутатовъ привиллегированныхъ сословій давно уже впустили въ залу а представителей 3-го сословія все еще держали на улицѣ подъ дождемъ и только послѣ настойчивыхъ протестовъ ихъ впустили черезъ боковую дверь.

Явился Людовикъ XVI и произнесъ замѣчательную рѣчь, которая и по общему характеру, и по робкому неувѣренному тону трусящаго, но храбрящагося (подъ давленіемъ камарильи) несмысленыша, и даже по частностямъ, полнымъ фальши и противорѣчій. Чрезвычайно напоминаетъ прошлыя и будущія рѣчи Николая Послѣдняго.

Король порицалъ раздоры, возникшіе между представителями отдѣльныхъ сословій, и объявилъ рѣшенія 3-го сословія, „такъ называемаго Національнаго Собранія," не имѣющими никакого значенія.

Онъ увѣрялъ, что предметомъ его неустанныхъ заботъ и помышленій является только благо народа и что раздѣленіе на 3 сословія есть исконное и неотъемлемое свойство націи, на которое нельзя посягать. Поэтому онъ дастъ конституцію съ 3 палатами, соотвѣтственно 3 сословіямъ, и совмѣстныя засѣданія сословій недопустимы безъ его спеціальнаго каждый разъ на то согласія.

Онъ сказалъ, что стоитъ за обложеніе привиллегированныхъ сословій налогами, если *они согласятся* на это.

Онъ сказалъ ,что ничего не имѣетъ противъ обезпеченія личной свободы и отмѣны произвольныхъ приказовъ объ арестѣ, но съ тѣмъ, чтобы это не препятствовало „поддержанію общественной безопасности". Онъ стоитъ и за свободу печати, но только надо, чтобы она не посягала на религію, нравственность, честь гражданъ и т. д.

Въ заключеніе онъ голосомъ, которому тщетно старался придать повелительный тонъ, заявилъ, что ни одинъ изъ законопроектовъ сословій не будетъ имѣть никакой силы безъ его королевскаго утвержденія. „Я повелѣваю вамъ теперь—заключилъ онъ—немедленно разойтись, а завтра пусть каждый явится въ залъ, отведенный для его сословія!"

Король повернулся и ушелъ со всѣми принцами и придворными. За нимъ послѣдовало все дворянство и *часть* духовнаго сословія. Депутаты, объявившіе себя Національнымъ Собраніемъ. остались на мѣстахъ, и довольно долго длилось глубокое молчаніе.

Первымъ нарушилъ безмолвіе знаменитый, блестящій

ораторъ Мирабо*). Въ пламенной рѣчи онъ напомнилъ депутатамъ о серьезности момента, о клятвѣ, данной въ залѣ для игры въ мячъ, объ отвѣтственности передъ народомъ, о необходимости держаться стойко.

Въ это время открылась дверь, и оберцеремоніймейстеръ съ важностью зайдя въ залу, спросилъ предсѣдателя: развѣ онъ не слышалъ королевскаго повелѣнія?

Мирабо, грозно сверкнувъ на него глазами, прогремѣлъ ему въ отвѣтъ, что ему не мѣсто въ засѣданіи представителей народа. „Идите и скажите вашему господину: мы собрались здѣсь по волѣ народа и насъ можно прогнать отсюда только силой штыковъ!“

Среди бури восторженныхъ одобреній поднялся аббатъ Сіейсъ и кратко заявилъ:

— „Мы сегодня то же, чѣмъ были вчера. Обсудимъ, какъ намъ быть.“

Въ дверяхъ показался отрядъ солдатъ.

Въ отвѣтъ на это — Собраніе, по предложенію молодого пылкаго адвоката Барнова**), объявило личность депутатовъ неприкосновенной, а всѣхъ, кто посягнетъ на ихъ свободу за мнѣнія, высказанныя въ Собраніи, объявило измѣнниками націи, подлежащими уголовному наказанію.

Сопротивленіе депутатовъ опять вызвало замѣшательство у придворной клики, а Людовикъ XVI растерялся на столько, что когда оберцеремоніймейстеръ всепочтительнѣйше донесъ ему о дерзкомъ отвѣтѣ Собранія, онъ покорно отвѣтилъ: „Если господа представители 3-го сословія не хотятъ оставить залъ, то они... могутъ остаться въ немъ.“

За этой побѣдой послѣдовалъ рядъ другихъ. Ужъ на слѣдующій день къ Нац. Собранію присоединилась еще значительная часть духовенства, а 25-го іюня оно было обрадовано появленіемъ 47 *дворянъ*-отщепенцевъ съ герцогомъ Орлеанскимъ во главѣ.

Видя такую деморализацію въ собственной средѣ, дворъ самъ посовѣтовалъ и остальнымъ депутатамъ присоединиться къ Собранію, что и произошло 27 іюня. Девятаго іюля оно объявило себя Учред. Собраніемъ.

---

*) Съ этого момента онъ въ продолженіе 2-хъ лѣтъ до самой смерти (1791 г.) былъ вождемъ Собранія. Но ужъ послѣ смерти его выяснилось, что этотъ „народный трибунъ“ измѣнилъ подъ конецъ 3-му сословію и далъ себя подкупить двору.

**) И этотъ человѣкъ черезъ 2 года измѣнилъ 3-ему сословію. Посланный Нац. Собраніемъ привести въ Парижъ королевское семейство, неудачно бѣжавшее лѣтомъ 1791 г. и задержанное въ Варенне (см. гл. III), онъ плѣнился красотой Маріи Антуанеты и перешелъ на сторону двора.

Третье сословіе побѣдило. Оно имѣло противъ себя дворъ, два сословія и войско. Но за него стояли революціонныя массы. Оно погибло бы безславной смертью, подобно Прусской Палатѣ Соглашенія, если бы оно трусило, какъ послѣднее, вдвойнѣ: и передъ королемъ, и передъ народомъ. Оно не побоялось довѣриться революціонно-настроенному народу, и *потому* не испугалось и королевскихъ угрозъ.

Эти угрозы повторялись еще не одинъ разъ. И не однѣ только угрозы, а прямыя приготовленія къ упраздненію и Собранія, и всего имъ сдѣланнаго. Но народъ всякій разъ являлся на помощь и всякій разъ могучимъ ударомъ, въ которомъ проливалъ много своей крови, отводилъ уже занесенный ударъ реакціи и спасалъ Собраніе.

Въ отвѣтъ на первый шагъ реакціи — увольненіе 11 іюля либеральнаго министра Неккера — парижскій народъ взялъ 14 іюля Бастилію.

Въ отвѣтъ на подготовленіе къ государственному перевороту въ началѣ октября, парижане двинулись 5 октября на Версаль, завладѣли дворцомъ и перевели королевское семейство въ Парижъ. Туда же перебралось и Учредительное Собраніе.

Въ отвѣтъ на движеніе непріятельскихъ иноземныхъ войскъ, имѣвшее цѣлью вернуть старый режимъ, парижскій пролетаріатъ взялъ 10-го августа 1792 г. приступомъ Тюльери и засадилъ королевское семейство въ тюрьму.

Собраніе засѣдало $2^1/_2$ года. За это время оно совершило много крупныхъ преобразованій. Оно уничтожило старый феодальный строй и ввело свободный буржуазный режимъ, но по отношенію къ спасавшему его столько разъ пролетаріату оно оказалось неблагодарнымъ. Это было все-таки классовое Собраніе, узко-буржуазное, и оно стремилось завести такой порядокъ, который былъ нуженъ и выгоденъ только буржуазіи.

Заключеніе.

Революціонное движеніе, развертывающееся въ настоящее время въ Россіи, является по своему масштабу, разносторонности проявленій и непоколебимому упорству чѣмъ-то совершенно безпримѣрнымъ. Никогда агонія самодержавія не была такъ длительна и такъ конвульсивна, никогда муки родовъ новаго, свободнаго политическаго строя не были такъ тяжки и невыносимо-долги. Подъ грохотъ пушекъ на Дальнемъ Востокѣ, подъ взрывы минъ и крики гибнущихъ на сушѣ и на морѣ — идетъ внутри Россіи отчаянная титаническая борьба за элементарныя права человѣка. Пролетаріатъ ежедневно и ежечасно несетъ огромныя жертвы, проливаетъ потоки своей крови, добровольно идетъ на встрѣчу всевозможнымъ лишеніямъ и бѣдствіямъ. Всѣ средства борьбы съ обветшалымъ строемъ, какія могутъ

пустить въ ходъ какъ широкія массы, такъ и отдѣльныя группы, мобилизованы полностью.

Ни одна революція не знала и не примѣняла и въ сотой долѣ такихъ грандіозныхъ и продолжительныхъ, безпрерывно возобновляющихся, всеобщихъ забастовокъ. Ни одна революція не знала такихъ самоотверженныхъ, многолюдныхъ рабочихъ демонстрацій. Ни одна революція не знала такой въ полномъ смыслѣ слова партизанской войны пролетаріата съ полицейскими, жандармами, казаками, шпіонами и прочими мелкими и крупными агентами самодержавія, — во истину войны гверильясовъ противъ наполеоновскихъ войскъ, въ которой револьверы, кинжалы и даже бомбы стали оружіемъ массъ. Съ другой стороны, никогда, ни передъ одной революціей не было ничего такого, что хотя бы въ отдаленной степени напоминало безчисленныя кровопусканія, которыя стали нынѣ хроническимъ, обычнымъ явленіемъ. Никогда ни въ одной революціи самодержавіе, судорожно цѣпляясь за вырываемое изъ его рукъ кормило, безнадежно стремясь остановить неумолимо падающій на него топоръ гильотины, — не выдвигало для борьбы съ народомъ съ такой дьявольской изобрѣтательностью, съ такой злодѣйской холодностью, всѣ темныя силы страны.

„Послѣ насъ хоть потопъ!“ — говорили короли во Франціи. „На насъ съ Меттернихомъ еще хватитъ“ — успокаивалъ себя императоръ Фердинандъ въ Австріи. Нашъ Николай Романовъ этого сказать не можетъ. Дни его сочтены. Ни одна династія не возбудила противъ себя такой пламенной непримиримой ненависти. Самые худшіе изъ худшихъ, самые гнусные изъ гнусныхъ — неополитанскіе Бурбоны — кроткіе агнцы по сравненію съ этимъ человѣческимъ выродкомъ.

Сто лѣтъ тому назадъ поэтъ Пушкинъ писалъ про русскаго царя:

Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей,
Я съ злобной радостью увижу!

Теперь этой страшною ненавистью, непреклонной жаждой не только увидѣть погибель царскаго рода, а активно й содѣйствовать, горятъ ужъ не единичныя личности, а десятки тысячъ. Еще очень недавно мысль о республикѣ казалась искусственной, заимствованной; теперь она получила характеръ политической реальности.

Самодержавіе погибло — это не подлежитъ ужъ никакому сомнѣнію. Весьма вѣроятно, что революція погубитъ и монархію. Какимъ же путемъ пойдетъ Россія къ осуществленію этой завѣтной цѣли?

Или представительное собраніе, которое самодержавіе

вынуждено будетъ созвать на смѣну опереточной Булыгинской Думѣ, дастъ намъ, подъ напоромъ революціоннаго пролетаріата и волнующагося крестьянства, въ увеличенномъ масштабѣ и съ соотвѣтствующими времени варіаціями копію эволюціи французскихъ генеральныхъ чиновъ.

Или послѣдній изъ Романовыхъ до тѣхъ поръ будетъ медлить, колебаться, лгать и вилять, не переставая въ тоже время безпощадно бить, душить и кровь выпускать, — пока чаша страданій не переполнится и не вспыхнетъ наконецъ форменное, настоящее возстаніе, въ которомъ съ трескомъ погибнетъ позорная клика, и на развалинахъ царскаго деспотизма водворится демократическая республика.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отдѣлъ I. *Переходное время.*

Глава I. *Правительство пошло на уступки. Либеральное министерство.* Побѣда. Монархія осталась. Какъ австрійскій императоръ Фердинандъ согласился удовлетворить „народныя требованія". Какъ король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ IV согласился удовлетворить народныя требованія. Каковы на дѣлѣ либеральные министры? Отреченіе государей отъ престола въ пользу наслѣдниковъ 3

Глава II. *Правительство свержено. Временное Правительство.* Іюльская революція во Франціи 1830 г. Февральская революція во Франціи 1848 г. Сентябрская революція во Франціи 1870 г. Революція въ Римѣ 16 ноября 1848 г. Революція въ Неаполѣ 7 сентября 1860 г. Появленіе Временнаго Правительства. Временное Правительство въ іюльскую революцію. Временное Правительство въ февральскую революцію. Временное Правительство въ сентябрскую революцію 1870 г. Временное Правительство во время Коммуны. Должна ли россійская соціалдемократія принимать участіе во Временномъ Правительствѣ? Соціалисты во Временномъ Правительствѣ Франціи въ 1848 г. Попытка создать соціалистическое Временное Правительство въ Парижѣ 15 мая 1848 г. Участіе соціалистовъ въ правительствѣ Коммуны 11

Глава III. *Замѣщеніе правительственныхъ должностей.* Замѣщеніе должностей послѣ февральской революціи. Надо ли обновлять чиновничій персоналъ? Выводы 26

Глава IV. *Вооруженіе народа.* (*Національная гвардія, гражданское ополченіе*). Возникновеніе національной гвардіи въ Великой французской революціи 1789 г. Организація національной гвардіи. Буржуазная національная гвардія. Демократическая національная гвардія. Выводы 35

Глава V. *Поддержаніе безработныхъ.* Причины народной нужды во время революціи. Какія мѣры принимались выдвинутымъ революціей

правительствомъ для ослабленія бѣдствій рабочихъ? Національныя мастерскія въ Парижѣ въ 1848 г. Какое вліяніе имѣли общественныя работы на развитіе революціи? Утопіи, возникавшія у рабочихъ на почвѣ безработицы. Желательная постановка помощи безработнымъ въ предстоящую революцію 45

Глава VI. *Распространеніе революціи на провинцію* 61

Глава VII. *Медовый мѣсяцъ свободъ.* Развитіе революціонной печати. Свобода собраній, союзовъ, слова и т. д. Революц. клубы. Клубъ якобинцевъ. Политическіе клубы во Франціи въ 1848 г. 65

Отдѣлъ II. *Появленіе на сценѣ Учредительнаго Собранія.*

Глава VIII. *Приготовленіе къ созыву Учредительнаго Собранія. Избирательный законъ.* Избирательный законъ вообще. Избирательный законъ въ 1789 г. Избирательный законъ 1792 г. Избирательные законы въ 1848 г. Прямые и косвенные выборы. Выводы . . . 73

Глава IX. *Приготовленія къ созыву Учредительнаго Собранія. Избирательная агитація.* Важное значеніе избирательной агитаціи. Предвыборная агитація во Франціи въ 1789, 1792 и 1848 г. Какія условія необходимы для усиленной избирательной агитаціи? Достаточный промежутокъ времени. Свобода агитаціи. Соглашеніе революціонныхъ партій 82

Глава X. *Созывъ Учредительнаго Собранія.* Общая характеристика Учредительныхъ Собраній. Парламентскій кретинизмъ. Какъ Генеральные Чины провозгласили себя Національнымъ Учредительнымъ Собраніемъ. Заключеніе . . 92

БИБЛІОТЕКА
АКАДЕМІЙ.